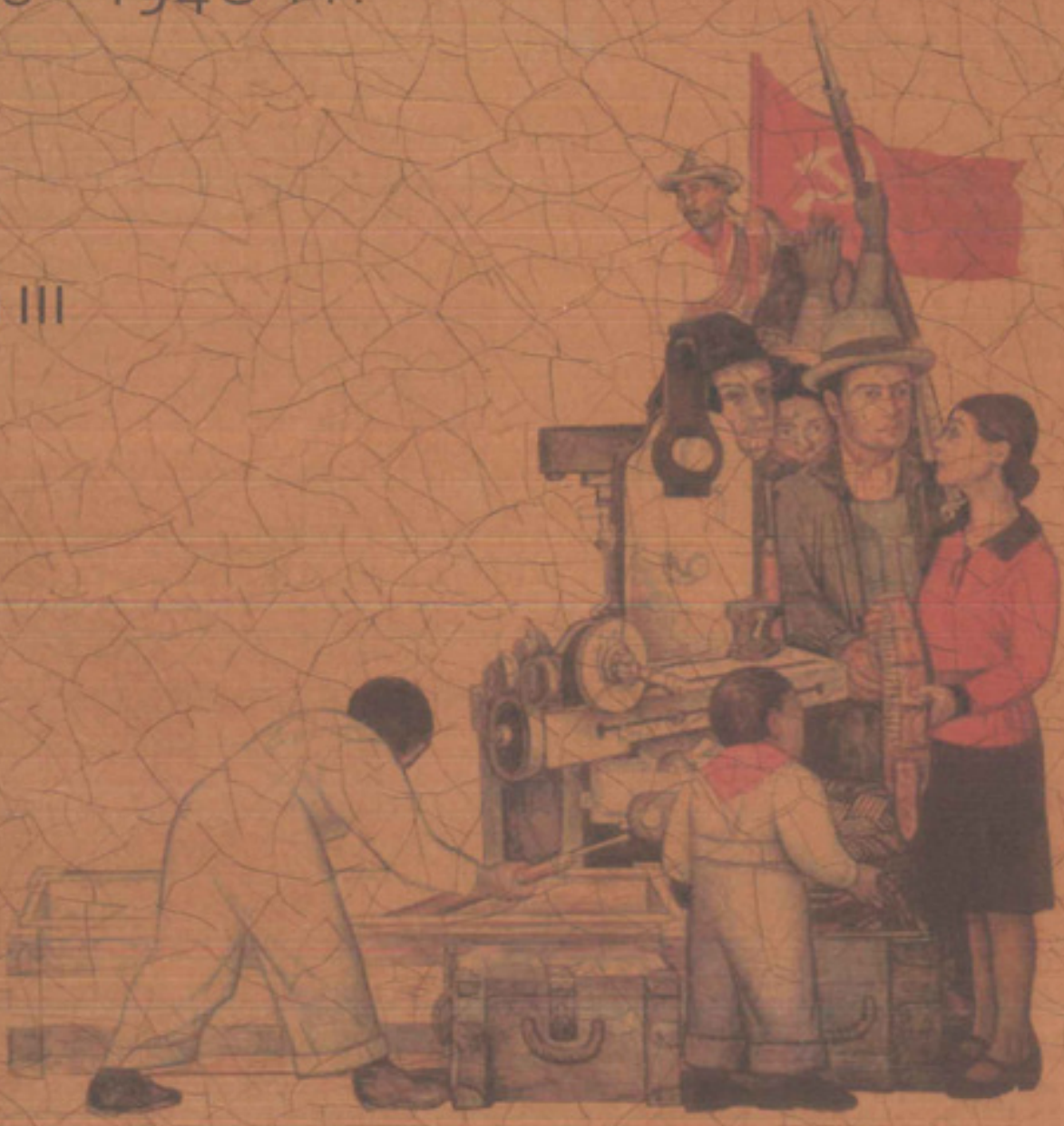
Н. Н. Платошкин

История Мексиканской революции

Время радикальных реформ 1928—1940 гг.

том III



Университет Дмитрия Пожарского

Николай Платошкин

История Мексиканской революции. Том III. Время радикальных реформ. 1928–1940 гг.

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2011

Платошкин Н. Н.

История Мексиканской революции. Том III. Время радикальных реформ. 1928–1940 гг. / Н. Н. Платошкин — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2011

ISBN 978-5-91244-036-6

Период 1928–1940 годов находится в центре внимания последнего тома трилогии автора, посвящённой мексиканской революции XX века. Мексика, как и СССР, предпринимает рывок в сторону резкого ускорения экономического развития страны и создания собственной индустриальной базы. То же самое происходило в то время в Советском Союзе. И в Мексике, и в СССР ставка была сделана на радикализацию революционного процесса: на аграрную реформу и создание мощной национальной промышленности. Правительство президента Мексики Ласаро Карденаса проводило глубокие реформы под лозунгом выполнения обещаний революции и с учетом опыта советских преобразований. Именно поэтому изучение этого периода мексиканской истории – пика революции – представляет несомненный интерес для российского читателя. В результате событий 30-х годов были созданы политические системы, которые просуществовали в Мексике до 2000 года, в СССР – до 1991 года. Итог революционной модернизации 30-х годов в Мексике и СССР был различным. Книга пытается дать ответ на главный вопрос – почему так произошло?

ISBN 978-5-91244-036-6

© Платошкин Н. Н., 2011
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2011

Содержание

Предисловие 7
Глава 1. Кризис 1928–1929 годов 9
Глава 2. «Максимат». 1930–1934 годы 64
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Николай Платошкин
История Мексиканской революции. Время радикальных реформ. 1928–1940 гг. Том 3

© Платошкин Н. Н., 2011
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011

Предисловие

Настоящий том книги посвящен самым радикальным преобразованиям в истории Мексики, которые ознаменовали одновременно пик и конец мексиканской революции, начавшейся в 1910 году.

Речь идет о правлении президента Ласаро Карденаса и предшествовавшем этому периоду, времени так называемого максимата, когда судьбы Мексики находились в руках Плутарко Кальеса.

Почти двадцать лет с начала революции мексиканские рабочие и крестьяне ждали удовлетворения своих сокровенных чаяний – земли, бесплатного образования и достойных условий труда. Но только после прихода к власти Карденаса в 1934 году эти мечты смогли осуществиться, хотя и далеко не полностью. К сожалению, довольно радикальные реформы 30-х годов держались в Мексике на воле одного человека, и после того, как согласно Конституции Карденас покинул свой пост в 1940 году, в стране наступили совсем другие, уже не революционные, а эволюционные времена.

До сих пор Ласаро Карденас остается главным героем мексиканской истории, личностью, о которой спорят и по сей день. Оценки его деятельности полярны: кто-то считает его коммунистом, кто-то – чуть не сторонником фашизма.

В отечественной историографии есть всего одна, зато прекрасная и не потерявшая своей актуальности работа по истории Мексики 30-х годов – фундаментальный труд А. Ф. Шульговского «Мексика на крутом повороте своей истории» (М., 1967). Именно Шульговский ввел в научный оборот термин «революционный каудильизм» для описания механизма политической власти в Мексике в 20-е – 30-е годы. Этот термин прижился и во многих зарубежных, в том числе мексиканских исследованиях.

Думается, что для российского читателя особый интерес представляет схожесть исторических судеб Советского Союза и Мексики в 30-е годы. Обе страны считали себя революционными, обе стремились совершить мощный рывок в социально-экономическом развитии. Подход СССР был гораздо радикальнее, сопровождался серьезными лишениями для населения страны, но результат был достигнут блестящий – примерно за 10 лет аграрная и отсталая Россия превратилась в мощное индустриальное государство, с которым приходилось считаться всем державам того времени. Без трудного успеха 30-х годов СССР не смог бы противостоять сильнейшей армии гитлеровской Германии, на которую работала экономика почти всей Европы. Но Советский Союз не только выстоял, но и победил, доказав, что выбор пути в 20-е – 30-е годы был верным.

Мексика при Карденасе тоже пыталась идти к социализму, но постепенно, включая «островки» социалистического образа жизни (школа и кооперативы) в море капиталистической экономики. Этот путь был обречен – симбиоз двух противоположных по целям общественных систем пока еще не удалось построить ни в одной стране на планете Земля. Попытки Карденаса апеллировать к совести предпринимателей, к их патриотизму не увенчались успехом – и не могли им увенчаться. Если целью человека является максимальное извлечение прибыли, то ему нет никакого дела до целей общества. Сограждане воспринимаются такими людьми только как объект для наращивания за их счет собственного благополучия. У автора нет сомнения, что Карденас это понимал. Но пойти на окончательный разрыв с имущими классами он не сумел, в чем и заключалась известная ограниченность реформ этого безусловно честного и достойного человека. Человека, который умел чувствовать несчастье других людей как свое собственное.

Однако при всех неудачах Карденаса Мексика всегда будет воспринимать его как национального героя, как символ нации, как пример беззаветного служения трудящимся клас-

сам – тем, кто своими руками и головой создает то, что мы именуем прогрессом. Такие люди, как Карденас, – соль земли, и автор надеется, что у читателей сложится схожее мнение после знакомства с жизнью этого человека.

Глава 1. Кризис 1928–1929 годов

Убийство Обрегона 17 июля 1928 года коренным образом поменяло расклад политических сил в Мексике и ввергло страну в опасный кризис.

В своей предвыборной борьбе Обрегон опирался на Национальную аграристскую партию во главе с Сото-и-Гамой и Аурелио Манрике. Естественно, Обрегона поддерживали также большинство армейских генералов и многие губернаторы штатов. Компартия Мексики тоже рекомендовала своим членам и сочувствующим поддержать Обрегона как представителя национальной буржуазии. Действующего президента Кальеса коммунисты примерно с 1927 года однозначно относили к марионеткам США.

Главным противником Обрегона во время предвыборной борьбы были КРОМ во главе с Моронесом и представляющая политические интересы КРОМ Лабористская партия.

Сначала лабористы в Конгрессе безуспешно пытались не допустить принятия поправки к Конституции, которая дала бы Обрегону возможность баллотироваться на второй срок[1]. Полемика между Моронесом и Обрегоном достигла наивысшего начала в мае 1928 года, когда первый пообещал вывести свой профцентр на баррикады в случае победы последнего. Обрегон, как мы помним, не жалел, в свою очередь, самых презрительных эпитетов в адрес Моронеса, обвиняя лидера КРОМ в коррупции и моральном разложении.

Неудивительно, что после убийства Обрегона многие газеты и общественность Мексики приписали КРОМ и лично Моронесу «интеллектуальное авторство» убийства.

Но пикантность ситуации состояла в том, что Моронес был еще и министром промышленности в кабинете президента Кальеса, причем считался близким другом последнего. Кроме того, сам Кальес в 1923 году был выдвинут на пост президента именно Лабористской партией. Естественно, возбужденные люди на улицах мексиканских городов и сел открыто обвиняли Кальеса в том, что он стоит за убийством Обрегона. В Мексике прекрасно помнили, что в 1923 году отдельные депутаты Конгресса обвинили Кальеса в убийстве Панчо Вильи. Мнение улицы и сейчас разделяли многие депутаты[2], а также некоторые генералы. В воздухе носились все более сгущавшиеся слухи о предстоящем военном мятеже против Кальеса.

Действительно, многие офицеры-обрегонисты, узнав о покушении, перестали ночевать дома, опасаясь, что Кальес прикажет их расстрелять. Через два дня после покушения Рикардо Топете, глава Националистического обрегонистского блока, куда входили партии, поддержавшие Обрегона на выборах, предложил своему брату, генералу Фаусто Топете, только что избранному на пост губернатора штат Сонора, немедленно начать вооруженное восстание против Кальеса в столице Мексики, где можно было рассчитывать на помощь некоторых военных частей[3]. Брат в принципе не возражал, но предлагал начать вооруженное выступление не в Мехико, а в северных штатах.

Узнав о покушении на Обрегона, несколько групп обрегонистов, вооруженных пулеметами, по всей столице искали Моронеса, чтобы убить его на месте. Поиски оказались безуспешными только потому, что Кальес приказал Моронесу и его соратникам укрыться в подвале одного из военных заводов.

В этой непростой для себя обстановке Кальес полностью проявил основные черты своего характер: решительность, твердость, бескомпромиссность и трезвый политический

---

[1] Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 213.

[2] В Конгрессе Мексики в июле 1928 года большинство депутатов причисляли себя к обрегонистам и были настроены решительно против Кальеса.

[3] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 30.

расчет. Он немедленно собрал 30 наиболее влиятельных генералов мексиканской армии и заверил их, что будет советоваться с армией при выборе нового кандидата в президенты[4]. Одновременно Кальес предложил, чтобы будущим президентом стал гражданский политик. Конечно, он не обманывался на тот счет, что мятежа удастся избежать совсем, однако теперь был уверен, что не все генералы примут участие в путче.

Разобщив армейскую верхушку, президент решил поступить точно так же с политическими лидерами обрегонистского движения. Кальес прекрасно понимал, что ни один из соратников Обрегона даже отдаленно не может сравниться с убитым вождем по влиянию на умы населения. Поэтому здесь для президента главным было успокоить общественное мнение, для чего он решил пожертвовать Моронесом.

17 июля 1928 года, в день убийства своего вождя, в Мехико на совещание собрались самые видные обрегонисты: губернатор штата Нуэво-Леон Аарон Саенс, губернатор штата Тамаулипас Эмилио Портес Хиль, политики Марте Гомес и Луис Леон, генерал Антонио Риос Зертуче.[5] По воспоминаниям Портеса Хиля, группа решила обсудить с Кальесом сложившуюся ситуацию[6].

Президент встретил обрегонистов в компании генерала Франсиско Мансо и был настроен не очень приветливо. Портес Хиль от имени всей группы констатировал наличие в стране серьезного кризиса. Лично он, дескать, не верит, что Моронес и «его группа» стоят за покушением на Обрегона, но не считаться с настроенным иначе общественным мнением тоже нельзя. Поэтому следует немедленно заменить генерального инспектора полиции[7], который будет вести расследование событий 17 июля. В беспристрастность нынешнего шефа полиции генерала Роберто Круса никто не верит. Кальес был неприятно поражен таким требованием: По его личному указанию Крус еще осенью 1927 года проводил расстрелы без суда участников так называемого путча генералов Гомеса и Серрано. Этот человек, отвечавший за правопорядок в столице, был безоговорочно предан Кальесу.

Не скрывая раздражения, Кальес спросил, почему, собственно, Крусу нельзя доверять. В ответ Портес Хиль прямо сказал, что Крус «не был другом сеньора генерала Обрегона в последние месяцы»[8] и в ходе предвыборной кампании проявил себя как противник Обрегона. Президенту пришлось спросить, кого обрегонисты предлагают на пост шефа полиции. В ответ была названа кандидатура генерала Зертуче[9]. Кальес согласился, чем выбил из рук сторонников Обрегона главный козырь: правительство якобы мешает следствию и скрывает неудобные для него факты.

Зертуче немедленно отправился на место покушения, чтобы сохранить все улики. Репортерам и взволнованным гражданам, осаждавшим ресторан «Ла Бомбилья», он посоветовал успокоиться. В штаб-квартире полиции фактически обосновались лидеры аграристов Сото-и-Гама и Аурелио Манрике, которые ждали хотя бы малейшего факта, подтверждавшего их версию о причастности Кальеса и Моронеса к смерти Обрегона.

Однако после разговора с убийцей Зертуче быстро объявил мексиканской и иностранной прессе официальную версию следствия: «Генеральная инспекция полиции, в настоящее

---

[4] Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. 1992. P. 87.

[5] Генерал Зертуче (р. 1894), уроженец родного штата бывшего президента Каррансы Коауилы, с 1914 года воевал в конституционалистской армии и принял участие в 130 боях. Был инспектором кавалерии, командующим 7-м военным округом с центром в Монтеррее. Camp R. A. Mexican political Biographies. University of Texas Press, 1995. P. 592. Марте Гомес был уроженцем штата Тамаулипас, инженером. Считался одним из самых активных сторонников агарной реформы в стране.

[6] Книга Портеса Хиля Autobiografia de la Revolucion Mexicana цитируется здесь и далее по сайту www.antorcha.net/…/autobiografia/bibliografia.html

[7] Так в Мексике именовали шефа всей полиции страны.

[8] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/autobiografia/bibliografia.html

[9] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/ autobiografia/bibliografia.html

время находящаяся под моим управлением… официально заявляет, что ответственным за преступление является римско-католический клир»[10]. Эту версию в своем собственном официальном заявлении немедленно подхватил и Кальес: «Преступник полностью сознался, что его акция была мотивирована религиозным фанатизмом. Больше того, власти нашли еще больше сведений, подтверждающих прямое участие клерикалов в этом преступлении»[11].

Такую версию косвенно подтверждало и неуклюжее заявление главы мексиканского епископата архиепископа Леопольдо Руиса-и-Флореса, находившегося в эмиграции: «К сожалению, более чем естественно, что избранный президент погиб от насилия. Он вызвал смерть стольких людей, что рано или поздно друзья тех, чью кровь он пролил, убили бы его». Примечательно, что официальный печатный орган Ватикана «Оссерваторе Романо» с версией архиепископа не согласился: «В дополнение к преследованиям, которым подвергаются сейчас мексиканские католики, добавляется еще и оскорбительное утверждение, приписывающее им преступление, которого они не совершали, так же как и в первые столетия существования Церкви Нерон, который хотел предать христиан смерти, приписал им поджог Рима»[12].

Интересно, что сожаление по поводу смерти Обрегона выразил некогда ближайший его друг, живший тогда в эмиграции США бывший временный президент Мексики Адольфо де ла Уэрта. Правда, мотивация этого сожаления отнюдь не была преисполнена сочувствием к самому Обрегону. Смерть этого человека, по мнению де ла Уэрты, не дала возможности привлечь его к ответственности за совершенные преступления.

Тем не менее иностранные, прежде всего американские СМИ благожелательно комментировали следствие. Они отмечали, что обвиняемого не пытают, его даже показали журналистам через три дня после покушения. В прессе нет цензуры, уличным митингам никто не препятствует. Приятно удивило американцев и то, что убийцу будет судить гражданский суд: в США прекрасно помнили, как еще осенью 1927 года без всякого разбирательства были расстреляны десятки участников так называемого мятежа генералов Гомеса и Серрано. Характерно, что американские СМИ приписывали такое «благоприятное» развитие событий в Мексике положительному влиянию посла США в Мехико Морроу на президента Кальеса.

Морроу действительно убеждал Кальеса подготовить максимально открытый судебный процесс над убийцей Обрегона, чтобы Мексика выглядела в мировом общественном мнении цивилизованной страной[13].

Однако если Кальес и выиграл время, передав следствие в руки обрегонистов, его политическое положение продолжало оставаться весьма шатким. В резиденцию президента почти никто не приходил, что ясно сигнализировало: политический истеблишмент ждет отставки главы государства.

27 июля 1928 года к Кальесу пришли Портес Хиль, Марте Гомес и Луис Леон. Вежливо, но твердо они потребовали отставки Моронеса и прочих недругов Обрегона в правительстве[14], чтобы спасти самого Кальеса от «сползания в бездну». Поначалу Кальес был тверд и по-своему логичен: если он уберет Моронеса из кабинета, то только подтвердит этим его причастность к убийству Обрегона, а для этого у следствия пока нет никаких оснований. К тому же Моронес его друг, а он друзей в беде не бросает. Однако, сославшись на

[10] Time, 30.07.1928.

[11] Time, 30.07.1928.

[12] Time, 30.07.1928.

[13] Spencer D. The impossible Triangle. Mexico, Soviet Russia and the United States in the 1920s. Duke University Press, 1999. P. 144.

[14] К таковым обрегонисты причисляли консервативного министра финансов Монтеса де Ока (большого друга посла Морроу) и радикального министра образования Пуига Касауранка (большого друга лидера мексиканской компартии художника Диего Риверы, хотя Ривера дружил и с самим Обрегоном).

«мнение улицы» и на то, что сами друзья президента не сообщают ему истинных настроений в стране, делегации обрегонистов удалось убедить Кальеса, у которого, кстати, уже имелось заявление Моронеса об отставке. Кроме Моронеса в отставку с государственных постов подали его ближайшие соратники по «группе действия» КРОМ Гаска и Монеда. Публично этот шаг был мотивирован «самопожертвованием» во имя сохранения единства «революционной семьи»[15].

Поражает объяснение Кальеса того факта, что он как президент разрешал членам кабинета министров, особенно Моронесу и заместителю министра обороны генералу Мигелю Пинье во время предвыборной кампании выступать с нападками на Обрегона. Он якобы таким образом хотел дать понять общественности, что кандидатура Обрегона не навязывается правительством. Однако с такой аргументацией плохо вяжутся слова тогдашнего министра промышленности и торговли Моронеса: КРОМ не допустит Обрегона до президентского кресла.

Неудивительно, что обрегонисты продолжали считать Кальеса причастным к убийству их лидера. Особенно усердствовали в этом отношении лидеры аграристской партии, депутаты Конгресса Сото-и-Гама и Манрике, который обвинял Кальеса у трупа Обрегона в присутствии самого президента. В конце июля 1928 года в Мехико состоялась встреча видных обрегонистов, среди которых были губернаторы Синалоа и Соноры, а также глава военного командования в Соноре генерал Франсиско Мансо. Собравшиеся решили предъявить Кальесу прямой ультиматум с требованием уйти в отставку. Портесу Хилю удалось убедить обрегонистов в том, что лучше пока добиться от Кальеса отставки наиболее враждебно настроенных по отношению к Обрегону членов правительства, что и было сделано на описанной выше встрече Портеса Хиля с Кальесом.

Однако Портес Хиль не обманывался насчет истинных настроений ближайших соратников Обрегона: Манрике и Сото-и-Гама были непримиримыми противниками президента. В тот период именно эти два человека считались выразителями интересов обрегонистского лагеря. Отсюда вытекало, что мятеж обрегонистов против Кальеса – лишь вопрос времени.

Кальес и здесь обыграл своих оппонентов. 18 августа 1928 года он назначил министром внутренних дел (фактически вторым человеком в правительстве после самого президента) губернатора Тамаулипаса Портеса Хиля, считавшегося не только истинным обрегонистом, но и непримиримым противником КРОМ. Теперь лагерь обрегонистов оказался расколотым: им пришлось бы идти на путч против своего собственного сторонника в кресле министра внутренних дел.

Кальесу удалось обмануть даже американскую разведку: военный атташе посольства США в Мехико полагал, что в правительстве теперь тон будут задавать радикалы-обрегонисты. Американцы отмечали, что один из новых министров Луис Леон был в Советской России в 1921 году (что уже наводило военную разведку США на неприятные подозрения), а Аурелио Манрике они характеризовали как «театрального большевика»[16].

Таким образом, в июле – августе 1928 года Кальес в полной мере проявил свое недюжинное политическое мастерство. Ему удалось не только остаться у власти, но и расколоть лагерь своих противников. Теперь президент фактически превращался в арбитра споров между различными политическими группами страны. Правда, этот успех объяснялся еще и тем, что после убийства Обрегона в стране просто не было другого политического деятеля, который мог бы сравниться с Кальесом по влиянию в стране.

---

[15] Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 217.

[16] Spencer D. The impossible Triangle. Mexico, Soviet Russia and the United States in the 1920s. Duke University Press, 1999. P. 144.

Точно к таким же выводам пришел советский полпред в Мексике Макар, когда сообщал в Москву о политической обстановке в Мексике в июле-августе. Макар писал о разрозненности обрегонистского лагеря, в который входят «официальная» аграристская партия, «часть бюрократической машины, местные почти самостоятельные «князьки», то есть губернаторы, и небольшая часть военной верхушки. Все эти силы, объединенные Обрегоном, вряд ли могут остаться едиными после смерти вождя; но их может еще на некоторое время объединить общий враг, лидер рабочего реформистского движения Моронес»[17]. Именно этого общего врага Кальес и убрал, лишив обрегонистов общего знаменателя. К тому же Национальная крестьянская лига, которая руководилась коммунистами и была отнюдь не менее влиятельной, чем аграристская партия, «в специальном воззвании отмежевалась от агрессивных намерений аграристской партии, направленных против КРОМа, настаивая только на смене лидеров КРОМа».

Макар совершенно верно отмечал: «Кальес пожертвовал Моронесом и другими (которые подали в отставку, как только обрегонисты официально бросили им ответственность в моральном соучастии), в значительной мере уменьшил возможность дальнейшего наступления обрегонистов на КРОМ. То, что, может быть, удалось бы Обрегону (разгром организации КРОМа), конечно, не удастся его наследникам. Да Кальес теперь, когда нет Обрегона, никогда и не допустит этого. А он теперь в стране единственная моральная и физическая сила (армия в общем и целом в его руках, Обрегон не успел еще сделать необходимую ему перестановку). Лавируя между обрегонистами и КРОМом, сделав некоторую уступку первым (отставка Моронеса и других, назначение нового начальника полиции – обрегониста и прочее) без больших пожертвований со стороны КРОМа, Кальесу удалось занять среднюю линию поведения, обеспечивающую ему несомненный успех. Если бы обрегонисты теперь, когда волна возмущения значительно остыла, вздумали предъявить Кальесу неприемлемые для него требования, они натолкнулись бы на непреодолимое сопротивление: вызвать гражданскую войну им, вероятно, не удалось бы, несмотря на то влияние, которое они имеют в правой крестьянской партии»[18]. Под «правой крестьянской партией» полпред имел в виду аграристов.

Этот блестящий анализ не оправдался только в одном аспекте – позже выяснилось, что Кальес готов пожертвовать не только Моронесом и его окружением, но и КРОМом как таковым. Однако в августе 1928 года президент еще считал, что КРОМ как базу его личного влияния можно сохранить.

В августе начала распадаться объединенная Обрегоном разношерстная коалиция политических сил. 3 августа 1928 года Аарон Саенс распустил Национальный директивный центр обрегонистов, который отвечал за предвыборную кампанию Обрегона и был своего рода ставкой соратников убитого «каудильо». Саенс мотивировал свой шаг тем, что у центра более нет никаких задач[19]. На самом деле он просто хотел лишить инструмента политического влияния Сото-и-Гаму и Манрике, которые считали себя идейными наследниками Обрегона и непримиримыми противниками Кальеса. А вот Саенс уже был не прочь договориться с президентом.

1 сентября 1928 года президент Кальес должен был выступить со своим последним посланием к Конгрессу (срок его полномочий истекал 1 декабря). Выступление президента произвело сенсацию. К удивлению многих, Кальес заявил, что трагическая смерть Обрегона имеет для Мексики и позитивное значение. Умер последний вождь-«каудильо», власть которого держалась не на законах, а на личном влиянии. Другого такого вождя в стране

[17] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 30–31.

[18] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 31.

[19] Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P. 106.

не осталось. Поэтому у Мексики появляется уникальная возможность стать страной, где главенствуют не личности, а закон. Кальес подчеркнул, что мог бы, «если бы… совесть не запрещала» ему, «под маской желания содействовать общественному благу продолжать исполнять обязанности» президента[20]. Однако теперь он торжественно заявляет, что никогда больше не займет президентское кресло.

Вторая часть речи Кальеса была не менее сенсационной. Впервые с момента триумфа революции в 1917 году он, видный революционер, предложил, чтобы побежденная «реакция» (сторонники Порфирио Диаса и католическая церковь) получили представительство в Конгрессе страны, став своего рода легальной оппозицией. Присутствие реакционеров в обеих палатах парламента «не представляет опасности для гегемонии Революции, которая уже триумфально победила, завоевав сознание общественности, и может открыть себя для конкуренции, которая в конечном итоге принесет благо всей нации»[21].

Фактически своей речью Кальес объявил о завершении революции и переходе Мексики на путь поступательного эволюционного развития. Нет сомнения, что по крайней мере вторая часть выступления была если не инспирирована послом США Морроу, то согласована с ним. После выступления президента Морроу, в нарушение принятого дипломатического этикета, открыто аплодировал. В ходе длительных бесед в 1927–1928 годах послу США удалось убедить Кальеса, что все социально-экономические преобразования, прежде всего аграрная реформа, вносят в экономику Мексики только сумбур и не дают стране активно развиваться.

Однако в этом аспекте с Кальесом и Морроу не соглашались подавляющее большинство мексиканцев. Да, страна жаждала внутреннего мира, но основная часть ее населения, рабочие и крестьяне еще более страстно желали, чтобы революция наконец удовлетворила их многолетние чаяния – право на землю и достойные условия труда. Все это декларировала революционная Конституция 1917 года, однако в реальной жизни, как мы видели, эта Конституция применялась еще очень мало.

[20] Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico, 1810–1996. New York, 1997. P. 427.

[21] Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico, 1810–1996. New York, 1997. P. 427.

Эмилио Портес Хиль, президент Мексики в 1929–1930 годах

5 сентября 1928 года Кальес собрал ведущих генералов, прибывших в столицу для того, чтобы прослушать его послание Конгрессу. От Портеса Хиля он наверняка уже знал, что генералы собираются предъявить ему ультиматум и готовы к открытому мятежу. Не теряя присутствия духа, президент ясно дал понять, что выдвижение любым из генералов своей кандидатуры на предстоящих внеочередных президентских выборах приведет к граждан-

ской войне[22]. Поэтому президентом должно стать авторитетное гражданское лицо. Тогда два генерала, бывший шеф полиции Роберто Крус и Хесус Агирре предложили на пост временного президента Портеса Хиля, известного обрегониста. Кальес видел на этом посту губернатора Коауилы Мануэля Переса Тревиньо, но возражать не стал.

В целом же собравшиеся военные постановили, по предложению генерала Альмасана, что проблему наследования президентской власти надо поручить решить самому Кальесу. Нейтралитет армии на данный момент был обеспечен.

Еще 19 июля 1928 года кандидатуру Портеса Хиля в качестве временного президента предложили Кальесу лидеры аграристской партии Сото-и-Гама и Манрике. Они, правда, требовали от Портеса Хиля порвать все контакты с Кальесом. Но Портес Хиль, юрист по образованию, отвечал, что не сделает этого, пока не появятся четкие улики, подтверждающие причастность Кальеса к убийству Обрегона.

Эмилио Портес Хиль родился 3 октября 1890 года в штате Тамаулипас. Получив юридическое образование в Мехико, Портес Хиль в 1915 году стал адвокатом. Еще до этого, в декабре 1914 года он прибыл в Веракрус и предоставил себя в распоряжение Каррансы, который в тот момент, казалось, вот-вот проиграет гражданскую войну против Вильи и Сапаты. Карранса, никогда не доверявший военным и, наоборот, всячески выдвигавший молодых образованных гражданских политиков, назначил адвоката заместителем начальника Департамента военной юстиции. Затем Портес Хиль занимал ряд постов в судебной системе. Работая в 1917 году официальным юрисконсультом Военного министерства, он близко сошелся с тогдашним главой этого ведомства Альваро Обрегоном.

Неудивительно, что Портес Хиль поддержал мятеж Обрегона в 1920 году и стал в результате временным губернатором своего родного штата Тамаулипас. Затем, будучи депутатом Конгресса, Портес Хиль сделался одним из лидеров Национальной кооперативистской партии. Однако когда партия в 1923 году поддержала кандидатуру де ла Уэрты на президентских выборах, Портес Хиль перешел на сторону соперника де ла Уэрты и ставленника Обрегона Кальеса, чего тот, естественно, не забыл. В качестве награды Портес Хиль в 1925 году стал постоянным губернатором Тамаулипаса, где его и застало известие о смерти Обрегона[23].

Следует отметить, что Портес Хиль по мексиканским меркам был прогрессивным губернатором. Он активно проводил аграрную реформу[24] и покровительствовал рабочим организациям, с одним, правда, исключением – был ярым противником КРОМ. Интересно, что владельцы первой же асиенды, у которой губернатор Портес Хиль отобрал 426 гектаров для распределения среди крестьянских общин, в свое время финансово поддерживали его учебу в Мехико.

Портес Хиль всячески содействовал деятельности в Тамаулипасе Национальной крестьянской лиги, во главе которой стоял член мексиканской компартии Урсуло Гальван[25]. Причем и Портес Хиль, и Марте Гомес, в отличие от федерального правительства Кальеса, делали ставку не на частного мелкого собственника, а на общинное, коллективное землевладение в рамках «эхидо». За время своего губернаторства (1925–1928 годы) Портес Хиль передал крестьянам на временной основе 57 706 га земли (по закону губернатор мог принять решение только о временной передаче, окончательную передачу утверждала федеральная Национальная аграрная комиссия в Мехико) и 5359 га – в постоянное владение.

---

[22] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 36.

[23] См. биографию Портеса Хиля на сайте www.memoriapoliticademexico.org

[24] За проведение аграрной реформы в штате отвечал тогда Марте Гомес, который считал себя марксистом.

[25] Хотя советский полпред Макар справедливо отмечал, что связь Национальной крестьянской лиги с компартией ненадежна, и ее нельзя считать коммунистической организацией.

У Портеса Хиля не было ни военного опыта, ни влияния в армии, хотя он и имел военный чин еще с 1914 года. Как и многие губернаторы штатов в то время, Портес Хиль создал собственную региональную партию – Социалистическую приграничную партию[26]. Она оказалась первой в истории Мексики, куда принимали и женщин, достигших 18-летнего возраста. На тот момент это была самая прогрессивная и радикальная массовая партия в стране наряду с Социалистической партией Юго-Востока в Юкатане.

В апреле 1924 года Портес Хиль предложил создать объединение региональных партий Мексики, чтобы судьбы штатов в столице не решали без их участия.

В 32 года он случайно встретил на железнодорожной станции молоденькую девушку из штата Нуэво-Леон. Кармен Гарсиа Гонсалес было всего 17 лет, и она приезжала в Тамаулипас навестить свою сестру. Портес Хиль активно взялся ухаживать за красавицей и довольно быстро получил согласие на брак. В 1928 году 23-летняя Кармен Гарсиа Гонсалес стала первой леди Мексики.

Советский полпред Макар в августе 1928 года называл среди кандидатов в президенты Аарона Саенса, формально возглавлявшего предвыборный штаб Обрегона, губернатора Веракруса Техеду – «от левых крестьян и части рабочих… Над всеми ними пока все еще стоит признанный всеми «организациями революции» нынешний президент Плутарко Элиас Кальес. Останется ли он президентом на ближайшие два года (в качестве временного назначенного) или уступит эти два года другому кандидату с тем, чтобы в 1930 году быть выбранным на 6 лет – во всяком случае, это будет определять Кальес и его приверженцы»[27].

После того как Сото-и-Гама и Манрике стали активно продвигать кандидатуру Портеса Хиля на пост временного президента, Техеда, пользовавшийся среди крестьян не меньшим авторитетом, чем Портес Хиль, снял в его пользу свою кандидатуру. 25 сентября 1928 года Конгресс единогласно избрал временным президентом страны Эмилио Портеса Хиля[28]. Правда, лидеры аграристов Сото-и-Гама и Манрике покинули зал заседаний в момент голосования и тем самым оказались единственными депутатами, кто не поддержал нового президента. Таким образом они выразили Портесу Хилю свое недовольство тем, что он отказался убрать Кальеса из политической жизни страны.

В целом избрание Портеса Хиля на пост временного президента было обусловлено тем обстоятельством, что он оказался единственным обрегонистом, который поддерживал с Кальесом тесные отношения. Однако он считался независимым от Кальеса, поскольку никогда не входил в его правительство[29]. К тому же Портес Хиль был ярым врагом КРОМ.

Еще на посту министра внутренних дел Портес Хиль потребовал от Кальеса прекратить ненужные преследования священников со стороны властей, если те не нарушают закон. Став министром, он убедился, что военные и полицейские проводят активные аресты сторонников «кристерос», а потом вымогают с них деньги за прекращение уголовного дела. В тюрьмах страны широко практиковались пытки, с помощью которых от арестованных добивались любого признания. Кальес не возражал, заметив, что «устал» от действий своих подчиненных, извращающих смысл законов, касающихся взаимоотношений государства и церкви[30].

При вступлении в должность Портес Хиль обещал организовать президентские выборы 1929 года так, чтобы исключить всякое вмешательство в них органов государствен-

[26] Arena S. Z. Aspectos socioeconomocos de la problematica en Mexico. Mexico, 2003. P. 249.

[27] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 32.

[28] Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 366.

[29] Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P. 113.

[30] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/autobiografia/bibliografia.html

ной власти. В своей деятельности президент обещал руководствоваться «высокими идеалами равенства и социальной справедливости».

Уже через несколько дней после вступления в должность президента Портес Хиль дал понять Кальесу, что не собирается быть марионеткой в его руках. Новый президент узнал, что министр финансов Монтес де Ока, который поддерживал тесные связи с послом США Морроу, предложил впервые с момента победы революции заложить в бюджет на 1929 год 10 миллионов песо для выплаты компенсации помещикам и иностранцам, потерявшим землю в ходе аграрной реформы. Несомненно, это предложение было согласовано с Кальесом, который до 1 декабря 1928 года все еще оставался президентом. Как юрист Портес Хиль заявил Кальесу, что ни Конституция республики, ни закон об аграрной реформе от 6 января 1915 года не обязывают государство выплачивать такую компенсацию. К тому же земель уже конфисковано столько, что никаких 10 миллионов песо для компенсаций не хватит[31]. Кальес возражал, считая, что надо прекратить распределение земли, так как это вносит «беспорядок» в экономику Мексики[32]. Однако его не мог не убедить следующий аргумент Портеса Хиля: военный мятеж все равно неминуем, и только вооруженные крестьяне смогут, как и в 1923 году во время мятежа де ла Уэрты, противостоять регулярной армии путчистов. Но если прекратить аграрную реформу, то на вооруженную поддержку крестьян рассчитывать не приходится. Однако Кальес продолжал упираться и сдался только тогда, когда Портес Хиль пригрозил отказаться от поста временного президента.

Но разногласия Портеса Хиля и Кальеса отнюдь не носили антагонистического характера, что и показали состав правительства и программа нового президента. 30 ноября 1928 года Портес Хиль принес присягу в качестве временного президента и впервые в истории Мексики выступил с программой своего правительства. Он подчеркнул, что имеет честь «принадлежать к радикальной группе» политического спектра и к партии, которая проповедует самые передовые принципы, но страна находится в такой ситуации, в которой главной задачей кабинета является продолжение политики президентов Обрегона и Кальеса[33]. «Священной хартией» мексиканской революции Портес Хиль назвал статьи 27 и 123 Конституции (содержавшие принципы аграрной реформы и трудового законодательства).

Портес Хиль похвалил Кальеса и Морроу за их работу по налаживанию хороших отношений между Мексикой и США и пообещал продолжать этот курс, не поступаясь национальным суверенитетом.

В целом взвешенная программа Портеса Хиля встретила благосклонные отклики мексиканской и зарубежной прессы. Американская газета «Нью-Йорк Таймс» 3 декабря 1928 года с удовлетворением констатировала, что 37-летний глава государства готов содействовать «сердечности» в отношениях между Мексикой и США: «Новый президент – не диктатор»[34].

Состав кабинета Портеса Хиля еще более успокоил американцев, которые в то время уже твердо сделали ставку на Кальеса как «сильного человека» Мексики. На своих постах остались министр обороны Амаро и министр иностранных дел Эстрада. Друг посла Морроу министр финансов Монтес де Ока также сохранил свой пост. Подозрение вызвало лишь появление Марте Гомеса в кресле министра сельского хозяйства, что предвещало активизацию аграрной реформы[35]. Министерство промышленности и торговли, которое занималось и

---

[31] В 1929 году, когда Портес Хиль был президентом, а его друг Марте Гомес – министром сельского хозяйства и развития, среди крестьян было распределено столько земли, что на компенсацию пришлось бы потратить 80 миллионов песо.

[32] Бесспорно, здесь явно прослеживается идейное влияние посла США Морроу.

[33] За теми мексиканскими политиками, которые поддерживали и Кальеса и сторонников Обрегона, вскоре закрепилось прозвище «обрекальисты».

[34] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/ autobiografia/bibliografa.html

[35] На одной из своих монументальных фресок Диего Ривера увековечил Марте Гомеса, изобразив его в виде землемера

трудовыми спорами, вместо Моронеса возглавил человек, также имевший репутацию радикала, – друг первого советского полпреда в Мексике Пестковского Рамон де Негри.

Обрегонисты были представлены министром внутренних дел Ортисом Рубио, министром образования Эзекилем Падильей и упоминавшимся выше Марте Гомесом.

Главным вопросом осени 1928 года в Мексике был, однако, не состав временного правительства, которое должно было передать власть законно избранному президенту в феврале 1930 года. Всех интересовало, кого правящая элита выдвинет кандидатом в президенты на срок в 6 лет. В условиях Мексики того времени, когда результаты выборов полностью подтасовывались государственным аппаратом, человек власти становился президентом автоматически.

Сразу же после убийства Обрегона Кальес обещал пост постоянного президента Аарону Саенсу, при условии, что тот согласится с Портесом Хилем в качестве временного президента. Как совершенно верно отмечал в своих отчетах в Москву полпред Макар, Кальес мастерски использовал противоречия в лагере обрегонистов. Ибо Портеса Хиля и Саенса объединяла только дружба с Обрегоном: политические взгляды этих людей были прямо противоположными. Если Портес Хиль искренне верил в идеалы революции и действительно заботился о нуждах обездоленного большинства населения Мексики (что и показало его губернаторство в штате Тамаулипас), то Аарон Саенс был человеком совсем иного толка. Для него революция была лишь средством добиться власти и приумножить личное состояние. Правда, в этом смысле Саенс шел по пятам самого Обрегона, ставшего после революции богатым, хотя и не очень удачливым бизнесменом.

Саенс родился в 1891 году в индустриальном центре севера Мексики городе Монтеррей в зажиточной семье[36]. Как и Портес Хиль, он был адвокатом. Участия в боях за революцию Саенс не принимал. Он занимал пост посла в Бразилии, Адольфо де ла Уэрта назначил его в 1920 году заместителем министра иностранных дел, а при Кальесе Саенс уже возглавлял внешнеполитическое ведомство. Сын Кальеса Плутарко-младший женился на сестре Саенса, который с 1927 года был губернатором штата Нуэво-Леон и возглавлял, как уже упоминалось, предвыборную кампанию Обрегона. В отличие от Портеса Хиля, Саенса поддерживали промышленники Монтеррея, так как новый губернатор и сам был не прочь заняться бизнесом.

Став губернатором, Саенс немедленно отменил акциз на пиво (Монтеррей по американской лицензии производил почти все пиво Мексики) и пригласил предпринимателей разработать новую налоговую систему, поощрявшую частный бизнес. Он возродил практиковавшуюся до революции систему предоставления предпринимателям различных налоговых льгот. Тем самым Саенс помогал и себе: еще до губернаторства его величали «сахарным бароном», так как он активно торговал этим товаром. Когда Саенс стал губернатором, принадлежавшая ему строительная фирма FYUSA получала подряды на строительство школ, обустройство тротуаров. Профсоюзное движение в штате Саенс не поощрял[37].

Саенс был протестантом, за что его ценили в США, и активно применял в Нуэво-Леоне законодательство, направленное против католической церкви.

В советском полпредстве справедливо считали Саенса одним из тех политиков, кто не был заинтересован в развитии отношений с СССР по идеологическим соображениям.

Собственно, он не устраивал Кальеса только в одном отношении: это была слабая фигура, и в случае избрания президентом Саенс мог стать игрушкой в руках военных, резко настроенных против Кальеса.

в окружении крестьян. См. Осповат Л. Диего Ривера, М., 1969. С. 222.

[36] Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 503.

[37] Snodgrass M. Deference and defance in Monterrey. Workers, Paternalism and Revolution in Mexico 1890–1950. Cambridge University Press, 2003. P. 130.

Кальес решил использовать Портеса Хиля в борьбе против Саенса, зная их диаметрально противоположные политические взгляды. И он не ошибся. Когда Портес Хиль стал министром внутренних дел, а потом и временным президентом, он перешел к открытым нападкам против Саенса, обвиняя его в реакционных взглядах и связи с бизнес-элитой Монтеррея, которая ненавидела революцию[38].

В октябре 1928 года Кальес и Портес Хиль совершили поездку по северным штатам. Кальес хотел прощупать настроения политической элиты на севере, где было наиболее сильно влияние обрегонистов и зрел антиправительственный мятеж. Во время этого турне Портес Хиль прямо сказал Кальесу, что генералы-обрегонисты Эскобар, Топете, Мансо, Крус (бывший начальник полиции) готовят мятеж и остановить их может только выдвижение в президенты кандидата-обрегониста. В настоящее время наиболее подходящей кандидатурой для обрегонистского лагеря является Саенс. Портес Хиль подчеркнул, что у него с этим человеком разные политические взгляды. И Кальес, и Портес Хиль во время поездки встретились с Саенсом и рекомендовали ему не волноваться и не пропагандировать свою кандидатуру, чтобы не нагнетать обстановку в стране. Саенс сделал ошибочный вывод, что его выдвижение в президенты от правящего лагеря – дело решенное. Вывод Кальеса был иным и верным – военный мятеж на севере неизбежен, и к нему надо готовиться.

В свою очередь, Кальес стремился углубить разногласия в стане обрегонистов, незаметно подбрасывая общественному мнению других кандидатов в президенты. Одним из них был убежденный кальист Мануэль Перес Тревиньо[39], но именно поэтому его шансы на выдвижение правящей «революционной семьей» были весьма призрачными. Одно время Кальес даже хотел выдвинуть кандидатуру Мануэля Тельеса, посла в США. Тельес был другом Моронеса, что еще раз подтверждает анализ советского полпреда, согласно которому Кальес все же не хотел «сдавать» обрегонистам КРОМ как свою политическую базу. Однако при открытой ненависти подавляющего числа мексиканских избирателей к США кандидатура посла в этой стране была заведомо непроходной.

Скрытно Кальес продолжал подыскивать угодного себе кандидата, в то же время давая понять Саенсу, что не видит другой кандидатуры кроме него. В конце концов, выбор Кальеса пал на посла Мексики в Бразилии, инженера по образованию, «старого революционера» Паскуаля Ортиса Рубио.

В отличие от молодых Саенса и Портеса Хиля, Ортис Рубио был почти ровесником Кальеса. Он родился в 1877 году в штате Мичоакан – бастионе католического влияния в Мексике. Еще в 1895 году Ортиса Рубио исключили из университета за то, что он был противником переизбрания диктатора Диаса на пост президента. Тем не менее потом ему удалось получить высшее образование по специальности горного инженера. После победы революции в 1911 году Ортис Рубио был избран депутатом Конгресса и попал в тюрьму как активный сторонник Мадеро после переворота генерала Уэрты в 1913-м. Присоединившись к Каррансе, Ортис Рубио получил чин полковника и был отправлен в США с поручением организовать там печатание бумажных денег для конституционалистов. В 1917 году он стал губернатором Мичоакана, а после победы Обрегона над Каррансой в 1920 году занимал пост министра связи и общественных работ.

Интересно, что в 1920 году Ортис Рубио был избран Конгрессом временным президентом Мексики, но отказался от этого поста в пользу Адольфо де ла Уэрты[40]. Однако после

---

[38] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 43.

[39] Мануэль Перес Тревиньо родился в 1890 году, был инженером и в боях против Вильи в 1916 году командовал артиллерийскими частями. Придя к власти в 1920 году, Обрегон назначил его начальником генерального штаба. В правительстве Обрегона Тревиньо в 1923–1924 годах занимал пост министра промышленности и торговли. С 1925 года был губернатором штата Коауила.

[40] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 45.

того, как в триумвирате Обрегон – де ла Уэрта – Кальес вспыхнули разногласия, Ортис Рубио не захотел становиться на чью-либо сторону и попросил назначить его послом в какую-нибудь страну. В 1923 году он стал послом в Германии. Либерально-конституционалистская партия предложила поддержать его кандидатуру на пост президента, но Ортис Рубио отказался, поддержав Кальеса.

Таким образом, к 1928 году Ортис Рубио отсутствовал в стране 6 лет и, естественно, не имел на родине никакой политической базы. Власти он не жаждал, что продемонстрировали события 1920 и 1923 годов, когда он мог стать президентом, и в этом смысле был идеальным кандидатом для Кальеса. В 1928 году Ортис Рубио опубликовал в мексиканской прессе несколько статей в поддержку Обрегона, что делало его кандидатуру приемлемой и для обрегонистов.

К началу декабря Кальес и Портес Хиль договорились, что Ортис Рубио должен стать следующим президентом страны. Но Саенс продолжал тешить себя надеждой, что его кандидатуре нет альтернативы, и Кальес не спешил его в этом разубеждать. 1 декабря 1928 года Ортис Рубио получил в Бразилии срочную телеграмму, в которой Министерство иностранных дел сообщало о его назначении министром внутренних дел и предлагало немедленно выехать в Мехико. Ортис Рубио поехал через Нью-Йорк, где его встретили как собственные сторонники, так и друзья Саенса, настоятельно советовавшие отклонить назначение. В Нью-Йорке с Ортисом Рубио переговорил личный секретарь Кальеса Торребланка (оставшийся на посту секретаря президента Портеса Хиля). Торребланка попросил избегать контактов с прессой и по приезду в Мехико немедленно встретиться с Кальесом. Эту же рекомендацию уже в мексиканской столице дал Ортису Рубио и Портес Хиль[41].

Между тем перед Кальесом стояла непростая задача: поставить Саенса и поддерживавших его генералов перед фактом и не спровоцировать военный переворот. В ноябре 1928 года Кальес предложил Саенсу и ряду видных обрегонистов перед лицом единого фронта реакции создать единую политическую партию сторонников революции, которая и выдвинет единого кандидата в президенты от «революционной семьи». Эта партия должна была вобрать в себя две общенациональные партии – Национальную аграристскую и Лабористскую, но без их нынешних лидеров, а также все существовавшие в отдельных штатах региональные партии.

Саенсу идея понравилась. Он и сам тяготился тем, что радикальные апологеты аграрной реформы и лидеры партии аграристов Манрике и Сото-и-Гама говорили от имени всего обрегонистского лагеря. Лабористская же партия была филиалом ненавистного обрегонистам КРОМ и никакой перспективы не имела. К тому же следует отметить, что обе эти партии нормальными партиями в современном смысле этого слова не являлись. Аграристская партия представляла собой небольшую группу интеллектуалов, говоривших от имени многочисленных местных крестьянских лиг. Но эти лиги ориентировались в основном на правительства местных штатов, особенно тех (Веракрус, Мичоакан, Морелос, Тамаулипас), правительства которых активно раздавали землю крестьянам. Никаких собственных структур на местах у аграристской партии не было.

То же самое относилось к лабористам. Эта партия была политическим представительством КРОМ в Конгрессе, и у нее тоже не было никаких местных организаций. Сам КРОМ всецело зависел от милости властей. Фактически все влияние этого профцентра базировалось на дружбе Моронеса с Кальесом. Теперь, когда Моронес потерял свой пост и его фактически открыто обвиняли в причастности к покушению на Обрегона, КРОМ стал стремительно распадаться. Из него выходили целые профсоюзы, причем Портес Хиль активно поощрял эту тенденцию.

[41] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 45.

Поэтому Кальес и Саенс решили объединить все крестьянские и профсоюзные организации, а также региональные партии уже под своим непосредственным руководством.

21 ноября 1928 года в доме кальиста и одновременно сторонника Портеса Хиля Луиса Леона состоялась встреча видных политиков, на которой Кальес предложил создать новую единую партию сторонников революции. Всем собравшимся он предложил остаться на своих государственных постах. Это согласно законодательству автоматически лишало их возможности баллотироваться в президенты, выборы которого должны были состояться ровно через год – 21 ноября 1929 года. Из всех присутствовавших государственного федерального поста не имел только Саенс, который лишний раз убедился, что именно его кандидатура будет выдвинута властями.[42]

1 декабря 1928 года, в день, когда Ортис Рубио получил телеграмму из Мехико, в газетах появилось обращение организационного комитета по созданию новой единой партии сторонников революции – Национально-революционной партии (НРП). Подписали этот документ Кальес (как лидер оргкомитета), генерал Тревиньо (кальист), Аарон Саенс (лидер обрегонистов), Луис Леон (сторонник Портеса Хиля), Базилио Вадильо (первый посол Мексики в СССР) и ряд других политических деятелей[43]. Авторы обращения утверждали, что в Мексике существует только два политических течения – реакционное и революционное. Чтобы объединить всех сторонников революции перед лицом реакции, лидеры оргкомитета предлагали собраться на учредительную конференцию новой партии, выработать ее программу и устав, избрать руководящие органы и выдвинуть единого кандидата в президенты[44].

Теперь все зависело от того, кто будет утвержден кандидатом в президенты на предстоящем учредительном съезде единой революционной партии. Саенс лишался возможности самовыдвижения.

Между тем Ортис Рубио встретился с Кальесом, и тот предложил ему стать кандидатом в президенты. Сам Ортис Рубио насчет истинных мотивов Кальеса уже тогда не обманывался: он понимал, что уходящий президент хочет сделать его своей марионеткой. Похоже, что Ортис Рубио просто испугался ответить отказом. Он, по его собственным словам, помнил, что имя Кальеса связывали со странной смертью ближайшего друга Обрегона генерал Хилла в 1920 году, а также со смертью соперника Кальеса на президентских выборах 1924 года генерала Флореса. Говорили и о причастности Кальеса к убийству Панчо Вильи и, наконец, самого Обрегона. Ортис Рубио понимал, что согласиться с предложением Кальеса значит связать себя «неразрывной цепью» с президентом и его группой. Отказаться значило «вызвать ненависть этих людей»[45]. Ортис Рубио выбрал первое, так как сознавал, что отказ может стоить ему жизни[46].

В в начале декабря в Мексике возник острый политический кризис, который едва не превратил в макулатуру все планы Кальеса по созданию единой партии.

Пока Кальес вел искусную тактическую борьбу, усыпляя бдительность обрегонистов вокруг Саенса, в контрнаступление решил перейти ослабленный после покушения на Обрегона КРОМ. 4 декабря 1928 года уже бывший президент неожиданно появился на 9-м съезде

---

[42] См. Buchenau J. Plutarco Elias Calles and the Maximato in Revolutionaty Mexico: A Reinterpretation // www-gewi.uni-graz.at/jbla/JBLA_Band…/jbla06_229_254.pdf

[43] Текст воззвания см. на сайте www.memoriapoliticademexico.org

[44] В самом манифесте утверждалось, что оргкомитет новой партии не создан с целью поддержки какой-то конкретной кандидатуры на пост президента.

[45] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928-1935. Mexico, 1982. P. 46.

[46] Примечательно, что, к удивлению Портеса Хиля, Ортис Рубио попросил у него 20 человек вооруженной охраны для поездки к Кальесу в Куэрнаваку, хотя никаких бандитов или «кристерос» в той местности не было.

КРОМ, где кромисты обрушились с резкой критикой на президента Портеса Хиля.[47] Поводом была поставленная одним из столичных театров комедия под названием «Деморонизация», в которой высмеивался Моронес. КРОМ требовал от Портеса Хиля немедленно прекратить нападки на рабочее движение (КРОМ скромно отождествлял себя с мексиканским пролетариатом) и запретить буффонаду. В противном случае лидер КРОМ угрожал направить к театру профсоюзных активистов и силой сорвать представление. Кроме того, Моронес обвинил Портеса Хиля в антирабочей политике на посту губернатора Тамаулипаса и в том, что на посту временного президента он при помощи коммунистов хочет ликвидировать КРОМ[48].

Уже само присутствие Кальеса на съезде (он был избран почетным президентом КРОМ и получил из рук Моронеса медаль) создавало впечатление, что бывший президент разделяет критику в адрес властей. В своем выступлении на съезде КРОМ Кальес заявил: «Я ожидаю и желаю, чтобы все элементы Региональной Рабочей Конфедерации Мексики (то есть КРОМ – прим. автора) оставались едиными. Они будут продолжать бороться за свою идею… и не будет никого и ничего, кто сможет этому помешать…» Ничто, подчеркнул Кальес, не заставит его отказаться от «сердечности», которую он питает по отношению к КРОМ[49]. Естественно, эти слова были встречены овацией, и делегаты съезда решили, что Кальес, так же как и они, настроен против Портеса Хиля.

Назревал скандал.

Портес Хиль на посту губернатора Тамаулипаса (крупнейшего центра нефтедобычи в Мексике) действительно препятствовал КРОМ, когда Моронес силой пытался подчинить себе профсоюзы нефтяников незаконными методами[50]. Теперь, даже не дожидаясь поступления официального ультиматума с требованием запретить одиозную, с точки зрения Моронеса, театральную постановку, президент выступил с заявлением для прессы. Он подчеркнул, что стоит на страже свободы мнений, и направил к театру 50 вооруженных полицейских, чтобы воспрепятствовать любым выходкам боевиков КРОМ. Одновременно Портес Хиль отметил, что ничего не имеет против какой бы то ни было рабочей организации, если она действует в рамках закона.

Ответ Портеса Хиля вызвал негодование съезда КРОМ. Выступивший на нем член руководства КРОМ Ломбардо Толедано предложил, чтобы все кромисты в знак протеста ушли в отставку со всех занимаемых ими государственных постов, а также покинули совместную комиссию рабочих и предпринимателей, обсуждавшую проект федерального Трудового кодекса[51].

Временный президент всерьез опасался, что ультиматум Моронеса является началом государственного военного переворота. На съезде КРОМ взял слово бывший начальник полиции генерал Крус, в то время – командующий войсками в Мичоакане. Крус, и ранее открыто выступавший против правительства, на сей раз заявил, что «его шпага» находится в полном распоряжении КРОМ.

Кальес, видимо, выжидал, чтобы увидеть, сможет ли КРОМ перейти в контрнаступление и навязать властям свою волю. Вероятно, в случае успеха он намеревался сделать

---

[47] Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928-1945). Mexico, 1982. P. 76.

[48] На самом деле компартия, несмотря на то, что многие ее активистов погибли от рук боевиков КРОМ, осудила репрессии против этой организации и направила съезду КРОМ предложение о сотрудничестве. Однако Моронес сорвал на съезде обсуждение этой инициативы. Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 222.

[49] Diaz R.L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980, p. 118.

[50] В воспоминаниях Портес Хиль прямо писал, что КРОМ боролся против профсоюзов нефтяников «кровавыми методами».

[51] Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P 118.

именно КРОМ базой будущей единой революционной партии. Однако ненависть к КРОМ и особенно его лидерам в обществе была столь сильной, что Моронес просчитался.

6 декабря 1928 года Портеса Хиля посетил генерал-обрегонист Фаусто Топете, только что избранный губернатором Соноры, и сообщил от имени других генералов-обрегонистов (Эскобара, Агирре и Мансо), что Кальес, Моронес и министр обороны Амаро готовят военный мятеж в столице с опорой на КРОМ[52]. Но вскоре президента посетил и Амаро, который заявил, что находится на стороне президента вне зависимости от той позиции, которую занимает Кальес. Таким образом, армия твердо стояла на стороне правительства. Генералы не скрывали своей ненависти к КРОМ еще и потому, что ходили упорные слухи: Кальес и Моронес хотят заменить регулярные вооруженные силы батальонами КРОМ.

На КРОМ обрушился с единодушной критикой и мексиканский Конгресс. Депутаты не стеснялись в выражениях в адрес Моронеса и Кальеса. Первого, например, они называли «спрутом, высасывающим кровь из рабочего движения». 7 декабря делегация Конгресса посетила Портеса Хиля и выразила ему свою полную поддержку в противостоянии с КРОМ. Также в поддержку Портеса Хиля проходили уличные манифестации.

В этих условиях временный президент перешел в контрнаступление на КРОМ, пытаясь одновременно вывести из-под удара Кальеса. Вечером 6 декабря Портес Хиль направил Луиса Леона в резиденцию Кальеса, чтобы побудить бывшего президента высказаться публично относительно возникшего острого внутриполитического кризиса.

Кальес понял, что просчитался и его сложная комбинация по объединению всех революционных политических сил под собственным руководством может потерпеть крах. Поэтому 8 декабря ему пришлось выступить с двумя заявлениями. В первом он подтверждал, что поддерживает КРОМ, так как всегда испытывал «солидарность с рабочим движением»[53], но его присутствие на съезде «понято неправильно».

Во второй декларации Кальес, подтвердив призыв всей «революционной семье» объединиться вокруг НРП, неожиданно провозгласил, что не видит себя в роли лидера организационного комитета и, чтобы облегчить основание по-настоящему единой партии, слагает с себя полномочия главы оргкомитета и «удаляется» из политической жизни. Отныне он намерен вести существование обычного среднего гражданина.

Теперь формально обрегонисты не могли упрекнуть Кальеса в том, что он дирижирует подготовкой организационного съезда. 8 декабря стало известно, что из оргкомитета вышел и Саенс. Он, видимо, уже ощущая себя кандидатом в президенты, тоже не хотел, чтобы его упрекали в режиссуре съезда. Саенс открыто заявил, что выходит из оргкомитета в связи с возможным выдвижением своей кандидатуры на пост президента.

К тому времени кандидатуру Саенса официально выдвинули несколько общественных организаций и партий в штатах Табаско, Чьяпас, Коауила, Халиско и Керетаро. В основном это были организации, ранее поддерживавшие кандидатуру Обрегона[54].

Новым главой оргкомитета стал третий по весу подписант учредительного манифеста генерал Тревиньо – активный сторонник Кальеса. Таким образом, Кальес из-за кулис фактически продолжал руководить подготовкой учредительного съезда НРП.

Тревиньо не хотел видеть президентом Саенса. Такого же мнения придерживался по идеологическим соображениям левый губернатор Веракруса Техеда. Против Саенса был настроен и генерал Сатурнино Седильо, опиравшийся на несколько тысяч вооруженных крестьян в штате Сан-Луис-Потоси.

---

[52] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928-1935. Mexico, 1982. P. 57.

[53] Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928-1945). Mexico, 1982. P. 76.

[54] Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P. 127.

9 декабря 1928 года все генералы, командующие военными округами, подтвердили свою лояльность правительству. Ультиматум КРОМ не возымел действия, но Моронесу и его группе надо было хотя бы сохранить лицо. По инициативе одного из молодых лидеров КРОМ Ломбардо Толедано съезд профцентра все-таки принял судьбоносное решение об отзыве всех кромовских функционеров с занимаемых ими государственных постов. Толедано предложил даже распустить Лабористскую партию, чтобы вывести ее из-под удара властей.

Добровольно устранившись от реальных рычагов влияния, КРОМ окончательно проиграл. 11 декабря 1928 года из КРОМ вышел очень влиятельный профсоюз редакторов газет столичного федерального округа (за ним ушли и рабочие типографий, где печатались газеты). В тот же день примеру редакторов последовали не менее влиятельные трамвайщики, забастовка которых могла бы парализовать столицу. Ушли из КРОМ и рабочие военных заводов. Это был особенно чувствительный удар – ведь еще недавно этими заводами руководили функционеры КРОМ.

Почти все ушедшие из КРОМ профсоюзы выразили поддержку Портесу Хилю.

Американские СМИ правильно передали настроение мексиканского общественного мнения в тот период: «Большинство мексиканцев интерпретировали это в том смысле, что КРОМ объявил политическую войну обрегонистам или аграристской партии – партии президента Портеса Хиля»[55].

20 декабря 1928 года мексиканские газеты опубликовали сенсационное известие: Ортис Рубио принял пост министра внутренних дел. По неписаной мексиканской традиции того времени это означало, что именно он и станет кандидатом в президенты. И действительно, 29 декабря сам Ортис Рубио подтвердил эти слухи. Саенс начал понимать, что его обвели вокруг пальца.

Потерпев тактическое поражение в декабрьском кризисе, Кальес не утратил стратегической инициативы. Он решил сделать программу будущей единой партии такой радикальной, чтобы на ее фоне кандидатура умеренного и консервативного Саенса показалась большинству делегатов нонсенсом. По части радикальной революционной фразеологии Кальесу действительно не было равных: не зря еще пару лет тому назад многие в США считали его «большевиком».

В проекте программы НРП, в частности, говорилось: «…НРП является инструментом политического действия, с помощью которого большие массы крестьян и рабочих Мексики борются за сохранение контроля над государственной властью в своих руках: контроля отобранного у помещиков и привилегированного меньшинства в ходе великого вооруженного движения, начавшегося в 1910 году». Декларация принципов новой партии была не менее радикальной: «НРП… будет стремиться улучшить ситуацию народных масс путем введения в действие статей 123 и 27 Конституции, так как партия считает рабочий и крестьянский классы самыми важными элементами мексиканского общества»[56]. Одновременно конкретная социально-экономическая программа нацеливала Мексику на довольно консервативный эволюционный путь индустриализации и модернизации. Например, провозглашалось поощрение национального и иностранного капитала, работающего на благо Мексики («честного капитала», как это формулировали кальисты). В аграрной части провозглашалось продолжение политики распределения помещичьих земель среди крестьян и общин эхидо.

---

[55] Time, 17.12.1928.

[56] См. Buchenau J. Plutarco Elias Calles and the Maximato in Revolutionaty Mexico: A Reinterpretation // www-gewi.uni-graz.at/jbla/JBLA_Band…/jbla06_229_254.pdf

С точки зрения организационного строения будущая НРП походила на лейбористскую партию Великобритании. Новая партия состояла как из местных комитетов, так и из коллективных членов – региональных партий и групп.

Проекты учредительных документов НРП появились в мексиканской прессе в конце января 1929 года. Работа над ними твердо находилась в руках кальистов: Базилио Вадильо[57], Луиса Леона и Пуига Касауранка. Перед опубликованием в прессе все документы утвердил лично Кальес.

В середине февраля глава оргкомитета НРП Тревиньо заявил, что оргкомитет не ведет работы в пользу какого-либо кандидата в президенты. Это заявление явно было рассчитано на то, чтобы успокоить Саенса.

Учредительный съезд НРП наметили провести в марте 1929 года в городе Керетаро, где в 1867 году были разгромлены остатки марионеточной армии императора Максимилиана, державшегося у власти с помощью иностранных штыков. Таким образом, новая партия демонстрировала свою приверженность идеалам Бенито Хуареса. На съезде ожидалось присутствие 148 партий и групп со всей страны[58]. Фактически вне рамок съезда остались только две политические силы – компартия и КРОМ. Из губернаторов штатов в НРП не вошел только глава Веракруса Техеда, которого считали скрытым коммунистом.

Большинство из 1800 делегатов съезда начали прибывать в Керетаро уже в конце февраля 1929 года. Повестка дня съезда НРП состояла из трех пунктов:

– выдвижение кандидата в президенты от партии;

– учреждение самой партии;

– выбор руководства (исполнительного комитета) НРП.

Между тем Кальеса и Портеса Хиля занимала уже другая проблема. К бывшему и временному президенту поступали сведения о готовящемся военном мятеже генералов-обрегонистов. 25 января 1929 года губернатор Соноры Топете направил письмо губернатору штата Нижняя Калифорния Абелярдо Родригесу с предложением присоединиться к восстанию. В письме перечислялись все генералы и губернаторы штатов, которые уже дали свое согласие. Родригес передал письмо Кальесу.

Все стало окончательно ясно, когда Кальес вызвал в Мехико генерала Франсиско Мансо, а тот просто отказался приехать. Кальес и не пытался расстроить заговор, предпочитая уничтожить мятежных генералов одним махом, как это уже удалось ему осенью 1927 года.

Видя неизбежность вооруженной борьбы, Кальес и Портес Хиль поспешили заручиться поддержкой США. Они помнили, что именно американские поставки вооружения помогли быстро подавить мятеж де ла Уэрты в 1923-1924 годах.

14 февраля 1929 года посол США в Мехико Морроу доложил госдепартаменту, что министр иностранных дел Эстрада по поручению Портеса Хиля сообщил о готовящемся мятеже генерала Топете, губернатора Соноры. В связи с этим правительство Мексики просило правительство США разрешить закупку на частных американских заводах самолетов и другого вооружения[59].

Самолеты были ключевым средством вооруженной борьбы именно в Соноре. Между центром страны и этим пограничным штатом по-прежнему отсутствовало железнодорожное сообщение, и перебросить войска туда было очень сложно. Это давало возможность любым мятежникам в Соноре закрепиться и нарастить силы. В то же время, как показал мятеж де

[57] Над уставом НРП работал в основном посол Мексики в Москве Вадильо, который много перенял из устава ВПК(б).

[58] Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928-1945). Mexico, 1982. P. 92.

[59] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 336–337.

ла Уэрты, бомбовые удары с воздуха по повстанцам производили сильнейший психологический эффекта, деморализуя мятежников. Кстати, это понимал и Топете, который тоже закупал в США самолеты и нанимал американских пилотов.

В США ценили Кальеса и уже 16 февраля 1929 года согласились предоставить лицензии на закупку требуемого вооружения[60] (6–9 самолетов «Корсар»), пулеметов, патронов и бомб. В тот же день военный атташе Мексики в Вашингтоне генерал Аскарате отбыл на завод для подписания договора о приобретении 9 аэропланов.

Как и в 1923 году, мятежных генералов подвела несогласованность. Мятеж планировался на 27 марта одновременно в Веракрусе и в Соноре (как это имело место и в 1923-м). Но Кальес решил сам спровоцировать мятежников на выступление, приурочив его к открытию съезда НРП в Керетаро. На съезде ожидалась ожесточенная борьба кальистов и сторонников Саенса. Мятеж генералов-обрегонистов, которые тоже были сторонниками Саенса, именно в этот момент практически подрывал шансы последнего на выдвижение кандидатом в президенты. Кальес получал все основания апеллировать к единству «революционной семьи» перед лицом военного мятежа.

Поэтому в начале марта 1929 года генералу Агирре (командующему армией в штате Веракрус) был отдан приказ направить часть вверенных ему сил в столицу. Если бы Агирре подчинился, то не смог бы поднять мятеж, поскольку в Веракрусе у губернатора Техеды было под ружьем несколько тысяч вооруженных крестьян, которые уже сорвали мятеж де ла Уэрты в 1923 году.

[60] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 337. Бипланы «Корсар» были современными. Их разработали в 1925 году по заказу ВМС США как первые самолеты для авианосцев. Сухопутные войска использовали их для патрулирования границы. Первоначально «Корсары» могли нести только две 50-фунтовые бомбы и были вооружены тремя пулеметами. Потом бомбовую нагрузку увеличили. Крейсерская скорость «Корсара» составляла 135 миль в час, радиус действия – 680 миль. В 1928 году американцы использовали эти самолеты для борьбы с партизанами Сандино в Никарагуа.

Генерал Эскобар

Агирре решил схитрить и сообщил в Мехико, что готов выполнить приказ, но не может этого сделать, так как мятеж якобы поднял губернатор Техеда[61]. Этому, конечно никто не поверил, и генералы братья Агирре, которые командовали армейскими частями в Веракрусе, решили все-таки выступить против правительства и захватить Мехико самостоятельно, чтобы не делить власть с северными генералами.

1 марта 1929 года открылся учредительный съезд НРП, а уже 4 марта 1929 года председатель съезда Мануэль Тревиньо сообщил делегатам о начале военного мятежа в Веракрусе. Губернаторам Топете в Соноре и Каравео в Чиуауа не оставалось ничего иного, как присоединиться к преждевременному выступлению.

Главнокомандующим силами мятежников, которые называли себя Армией обновления революции, был назначен генерал Гонсало Эскобар[62]. В «плане Эрмосильо» (принятом путчистами в одноименном городе-столице штата Соноры) Портес Хиль и все поддерживавшие его губернаторы и депутаты Конгресса объявлялись низложенными. Кальес именовался «Иудой мексиканской революции» и виновником убийства Обрегона. Мятежники выступали против навязывания стране кандидата в президенты, которого считали марионеткой Кальеса.

---

[61] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/autobiografia/bibliografia.html

[62] Эскобар родился в 1892 году в штате Синалоа. С 1914 года сражался в рядах конституционалистов в Северо-восточной армии Пабло Гонсалеса. Нанес несколько поражений Вилье. В 1923-1924 году сыграл ключевую роль в подавлении мятежа де ла Уэрты. В 1927 году участвовал в подавлении «мятежа» генералов Гомеса и Серрано, причем Гомеса Эскобар захватил в плен и приказал расстрелять.

Пожалуй, впервые за время революции в плане не содержалось никаких социально-экономических требований. Правда, Эскобар выступил со специальным воззванием к крестьянству Мексики, в котором обещал продолжение аграрной реформы.

Военный мятеж развивался по классическому мексиканскому образцу: все части регулярной армии, подчинявшиеся мятежным генералам, автоматически встали на сторону своих командиров. Это означало, что около 28 % мексиканской армии выступило против правительства[63]. Штаты Сонора, Чиуауа, Дуранго, Халиско, Оахака и Веракрус и частично Сакатекас и Синалоа путчисты, которые были там либо губернаторами, либо командующими войсками, захватили без единого выстрела. Такие крупные и промышленно развитые города Мексики, как Монтеррей, Веракрус и Торреон, оказались в руках восставших. Когда Эскобар занимал Торреон, он объявил, что подавляет мятеж другого генерала Альмасана, который на самом деле был верен правительству. Чтобы усыпить бдительность Портеса Хиля, Эскобар направил ему телеграмму, в которой выражал готовность выступить на подавление мятежа Агирре.

Мятежники быстро конфисковали большие средства в банках и, имея границу с США в своих руках, могли бы закупать там практически неограниченное количество оружия. Однако правительство США с самого начала встало на сторону Кальеса и Портеса Хиля.

В первый же день мятежа, используя как предлог то обстоятельство, что министр обороны Амаро во время игры в поло повредил глаз и отбыл на лечение в США, Портес Хиль назначил Кальеса министром обороны и поручил ему подавить восстание. Все части из Мехико выступили на фронт, и в столице оставалось не более 300 солдат и офицеров.

Мятежники немедленно уведомили США, что намерены поддерживать с американцами самые дружественные отношения. Восстание началось незадолго до инаугурации нового президента США республиканца Гувера, и мятежники рассчитывали, что успеют разгромить Кальеса до тех пор, пока в Вашингтоне приступит к своим обязанностям новый кабинет.

Однако уже 4 марта 1929 года министр иностранных дел Эстрада передал через Морроу четыре пожелания мексиканского правительства к США:

– строгое соблюдение эмбарго на поставки оружия в Мексику, за исключением заказов мексиканского правительства;

– прекращение любого движения людей и грузов через порты и таможни, захваченные мятежниками;

– гарантии правительства США по продаже Мексике любых вооружений;

– выражение со стороны правительства США «дружественного отношения» к правительству Мексики[64].

Морроу поддержал просьбу и добавил, что желательно пресечь все каналы финансирования мятежников. Также американский посол передал просьбу Кальеса и Портеса Хиля немедленно продать Мексике 10 тысяч винтовок (5000 – для пехоты и 5000 – для кавалерии), а также 2 миллиона патронов.

Сначала в Вашингтоне колебались и запросили у Морроу общую оценку ситуации (по всей вероятности, в США не исключали военную победу генералов-обрегонистов). 5 марта посол сообщил, что восстали 10 тысяч человек, или одна шестая армии (эти данные были явно заниженными). Правительство, по мнению Морроу, может и самостоятельно подавить мятеж. Если же «нынешняя администрация падет, то наши проблемы в республике (в Мек-

[63] Мексиканская регулярная армия в то время состояла из 21 дивизии, одной из которых командовал Эскобар. Однако «дивизии» мексиканской армии по численности не соответствовали нормальным дивизиям европейских армий. Так, под командованием Эскобара к моменту начала мятежа было примерно 3500 человек. Всего в восстании приняли участие примерно 30 тысяч солдат и офицеров, или 22 пехотных батальона и 21 кавалерийский полк.

[64] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 341.

сике – прим. автора) только начнутся». Посол имел в виду, что победившие генералы рассорятся между собой и ситуация станет очень похожей на 1914–1915 годы, когда Вилья воевал с Каррансой. Поэтому Морроу рекомендовал правительству США занять такую же позицию, как и во время мятежа де ла Уэрты, – то есть помочь центральному правительству Мексики[65].

Вашингтон согласился, и с этого момента повстанцы были обречены на поражение.

Американские СМИ писали о новой «революции» в Мексике, которая, к сожалению, затронула Сонору – приграничный штат, откуда измученные «сухим законом» граждане США получали спиртное и где можно было легко развестись[66]. Подчеркивалось, что обе «революции» – в Веракрусе и на Севере – «были полностью бескровными».

Восставшие генералы попытались образовать единый фронт с «кристерос», изрядно потрепанные отряды которых в то время все еще насчитывали около 25 тысяч человек. Эскобар даже издал декрет, отменяющий антирелигиозное законодательство Кальеса.

Командующий силами «кристерос» генерал Горостиета сообщал своим войскам, что Эскобар и его сообщники представляют собой «беспринципных генералов», с победой которых «ситуация в республике только ухудшится»[67]. Однако у «кристерос» катастрофически не хватало боеприпасов, и поэтому Гороститета разрешил заключать тактические соглашения о взаимодействии с мятежниками с целью пополнения боезапаса. В любом случае «кристерос» надлежало сохранять самостоятельное командование и участвовать только в таких совместных операциях, в которых у них будет численное преимущество над эскобаристами. Эта директива осталась без последствий, поскольку наладить тактическое взаимодействие мятежникам и «кристерос» так и не удалось.

Бои в начале мятежа шли с переменным успехом. Эскобар был толковым генералом и действовал решительно. Он немедленно отдал приказ командующему войсками в Соноре генералу Мансо двигаться на штат Синалоа и захватить важный тихоокеанский порт Масатлан[68]. Взятие этого важного порта лишило бы правительство важного пункта по приему возможных поставок оружия из США, а также помешало бы правительственным войскам быстро прибыть из центральных районов в Сонору морем. Одновременно другой генерал-мятежник Урбалехо (индеец яки) должен был из Дуранго ударить на юг в направлении Сакатекаса. Сам Эскобар, как уже упоминалось, с помощью военной хитрости 4 марта занял Монтеррей.

Однако главная роль отводилась Агирре в Веракрусе. По железной дороге его войска должны были быстро выдвинуться к Мехико, занять столицу и арестовать Портеса Хиля и Кальеса. Но если мексиканский флот поддержал Агирре, то некоторые армейские части в Веракрусе оказали сопротивление. У Агирре было численное превосходство (три полка против двух, оставшихся лояльными правительству), однако уличные бои в городе могли бы затронуть собственность иностранных граждан.

В этих условиях Агирре попросил консула США в Веракрусе Майерса о посредничестве. Майерс предупредил, что не потерпит причинения ущерба американской собственности в городе, и настоятельно рекомендовал Агирре воздержаться от боев. После этого Агирре покинул город, и мятеж в Веракрусе, а значит, и в целом в Мексике, фактически провалился. 7 марта Майерс доложил в госдепартамент: «Веракрус снова под контролем федеральных властей»[69]. Теперь Кальес мог беспрепятственно принимать военную помощь США через этот важнейший порт Мексики. Агирре с двумя тысячами бойцов ушел из Веракруса на юг,

---

[65] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 344.

[66] Time, 11.03.1929.

[67] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 51.

[68] De La Pedraja Toman, R. Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 299.

[69] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 349.

и по пути его части просто разбежались. Когда федералы настигли генерала 20 марта, он был уже один. 21 марта Агирре расстреляли.

Кальес быстро остановил двигавшиеся на Веракрус войска (2000 человек под командованием генерала Акосты) и перебросил их под Монтеррей.

Уже 5 марта Эскобару пришлось оставить город, он отступил на Салтильо, а оттуда – на Торреон. Подошедший к городу с 14 полками верный правительству генерал Альмасан начал преследование мятежников. Правда, перед тем как уйти, повстанцы реквизировали в местных банках по всему северу Мексики (некоторые из них были филиалами американских «Нешнл Сити Бэнк» и «Эквитэбл Траст Компани») около 2,5 миллиона песо серебром и золотом.

Кальес сосредоточил 8 тысяч солдат в центре Мексике, в важном железнодорожном узле Ирапуато, откуда их по железной дороге быстро можно было перебросить на любой участок фронта.

8 марта Кальес лично отбыл на северный фронт и сохранял общее руководство операциями. Непосредственно боевые действия вел генерал Альмасан. Основные силы мятежников (около 4 тысяч человек) под командованием Эскобара находились в Торреоне, и Кальес направил к городу сильные группировки по всем железнодорожным линиям, чтобы не допустить продвижения Эскобара из города на соединение с другими частями.

8 марта 1929 года повстанцы начали штурм приграничного города Сьюдад-Хуарес в Чиуауа и быстро прижали небольшой федеральный гарнизон к реке, за которой уже находился американский город Эль-Пасо. Федералы готовились к капитуляции, но тут опять вмешались американцы. Командующий воинскими частями США вдоль границы пригрозил командиру мятежников, что не допустит его атаки на прижатых к реке федералов, так как в результате может пострадать Эль-Пасо. После этого 267 федеральных солдат, включая двух генералов и 35 офицеров, спокойно перешли на американскую сторону и были интернированы.

В Соноре части федералов были окружены в городе Нако превосходящими силами мятежников численностью 1500 человек. Как и Сьюдад-Хуарес, Нако находился прямо на границе и был отделен от американского города только рядом колючей проволоки. Гарнизон давно бы сдался, если бы американцы не разрешили ему закупать продукты по ту сторону границы. Командующий мятежниками Топете попытался сломить сопротивление защитников Нако с помощью ежедневных бомбежек, которые осуществляла эскадрилья мятежников «Янки Дудль», состоявшая из американских наемников[70]. Однако командующий американскими войсками в этом районе фактически запретил мятежникам бомбежки Нако, так как во время одной из них пострадал один человек на территории США. Причем сами окруженные федералы из Нако продолжали совершать налеты на позиции мятежников.

Эскадрилья «Янки Дудль» появилась у Эскобара в конце марта, после того как правительственные силы стали использовать авиацию. На севере Мексики Кальесу действительно очень пригодились американские самолеты. 16 марта два правительственных самолета, в том числе один «Корсар», бомбили Торреон (было сброшено 6 или 8 небольших бомб) и расстреливали с воздуха части мятежников. На следующий день было совершено уже несколько налетов. Американский консул в Торреоне оценивал потери повстанцев как нулевые, зато были убиты или ранены около 20 мирных жителей[71].

23 марта в Сьюдад-Хуаресе Эскобар встретился с группой из пяти американских летчиков и предложил каждому из них по 1000 долларов в неделю за участие в боях, плюс концессии на ведение бизнеса в Мексике после победы восстания. Американцы хотели

[70] Ragsdale K. B. Wings over the Mexican Border. University of Texas Press, 1997. P. 38.

[71] Ragsdale K. B. Wings over the Mexican Border. University of Texas Press, 1997. P. 26.

1250 долларов плюс 600 за каждый боевой вылет, но потом все же согласились. Так появилась эскадрилья «Янки Дудль». Среди летчиков были и участники Первой мировой войны, один из которых сбил четыре немецких самолета. Несмотря на эмбарго, Эскобар с помощью американских бизнесменов приобретал в США самолеты. Они закупались от имени какого-нибудь американца и перегонялись в Эль-Пасо. Там их встречали пилоты «Янки Дудль» и тайно перелетали через границу. Американцы делали бизнес и на самих самолетах. Так, двухместный биплан типа «Американ Игл», стоивший тогда 1000 долларов, продавали повстанцам почти за 4000.

Правда, в отличие от правительственных сил, «Янки Дудль» состояла из разномастных гражданских самолетов, которых никогда не было больше десятка. Наемникам приходилось атаковать правительственные части, держа в руках обычные пулеметы или автоматы. Не имелось у повстанцев и бомб, и им пришлось делать самоделки на фабрике в Кананеа, где была взрывчатка[72]. Обычно второй пилот держал самодельные бомбы на коленях. Когда самолет находился над целью, он аккуратно снимал предохранитель и сбрасывал бомбу через проделанную в полу кабины дырку. После возвращения с операции пилотам платили за каждый предъявленный отвинченный предохранитель[73].

Конечно, в то время авиация не могла еще решительно влиять на ход боевых действий и оказывала скорее психологическое воздействие. В ходе одной из бомбардировок Нако 4 апреля летчики «Янки Дудль» с высоты 4000 футов попали бомбой в траншею и убили двух солдат, но такие успехи были скорее исключением, чем правилом. Причем одновременно пилот-американец Патрик Мэрфи по ошибке сбросил три бомбы на американскую территорию. Одна из них угодила в частный гараж, а другая – в здание почты. Это была первая бомбардировка территории США за всю историю страны.

23 марта 1929 года Морроу предложил, чтобы в порт Масатлан для защиты жизни и имущества американцев прибыл эсминец ВМС США[74]. Уже через день командир эсминца «Роберт Смит» получил соответствующий приказ. Однако после того как Масатлан 27 марта заняли правительственные войска под командованием генерала Ласаро Карденаса, американский консул сразу успокоился и рекомендовал направить эсминец в другой порт.

В начале апреля стало ясно, что город Нако бомбят американские летчики на американских же самолетах. Министр обороны США на специальной пресс-конференции предупредил своих соотечественников, сражавшихся на стороне повстанцев, что правительство США не будет их защищать, если они попадут в плен. Однако по дипломатическим каналам американцы попросили мексиканское правительство все же не расстреливать захваченных в плен наемников. Такое заверение было дано.

Между тем под давлением правительственных сил основная группа мятежников в главе с Эскобаром 17 марта покинула Торреон в полном порядке, несмотря на попытку федеральной кавалерии перерезать железнодорожные пути. 19 марта в город прибыл Кальес, в то время как Эскобар, разрушая за собой железнодорожное полотно, отступал к городу Хименес. В Торреоне Кальес разделил федеральные силы на три боевые группы. Одна из них, численностью около 8000 человек под командованием Альмасана, продолжала преследовать Эскобара. 9000 человек во главе с генералом Ласаро Карденасом через Ирапуато были направлены на запад, на помощь Масатлану, откуда они должны были наступать на север, на

---

[72] Узнав об этом, мексиканское правительство запретило импорт взрывчатых веществ из США, без которых горнодобывающая фабрика в Кананеа могла остановиться. Тем не менее власти США сообщили мексиканскому послу, что готовы запретить экспорт взрывчатки в Кананеа.

[73] Самодельную бомбу обычно изготовляли из куска 10-дюймовой водопроводной трубы, наполненной шрапнелью. Концы заливали свинцом, проделывали дыру для фитиля, куда вставляли бикфордов шнур. Во время полета второй пилот по сигналу основного летчика поджигал шнур сигарой.

[74] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 370.

Сонору. Группа генерала Седильо, состоявшая в основном из вооруженных крестьян, оставалась в резерве в штатах Халиско, Дуранго и Сакатекас и должна была держать под постоянным давлением отряды «кристерос», не давая им установить оперативное взаимодействие с мятежниками.

29 марта Карденас, деблокировав Масатлан, двинулся на север. Числом его силы настолько превосходили мятежников, что те не рискнули дать правительственным войскам генеральное сражение.

Ключевая битва между мятежниками во главе с Эскобаром и федеральными силами под командованием генерала Альмасана состоялась 1 апреля у города Хименес.

В ней приняли участие примерно 8000 бойцов[75] со стороны восставших и 8613 солдата и офицера федералов. Эскобар решил повторить успех Обрегона при Селайе. Половину его сил составляла кавалерия, и он расположил ее прямо за фронтом своих частей. Предполагалось дать возможность правительственным войскам атаковать, измотать их в обороне и затем разгромить свежей кавалерией. Атаки армии Альмасана 1 апреля создали впечатление, что мятежники вот-вот побегут. Еще 31 марта генерал послал кавалерийский отряд, чтобы он разрушил железнодорожные пути к северу от Хименеса и таким образом помешал разбитым повстанцам бежать с поля боя в эшелонах. Когда командующий отрядом сказал, что у него нет инструментов для разбора путей, Альмасан в ярости приказал сделать это руками, если понадобится[76].

На 2 апреля Альмасан назначил генеральное наступление против центрального участка фронта противника, но вдруг изменил решение и приказал ждать атаки противника. Эскобар понимал, что с каждым днем восстания преимущество противника в боеприпасах становится все ощутимее. К тому же его войскам нужен был хотя бы какой-то успех, чтобы поднять боевой дух. Поэтому 2 апреля кавалерия Эскобара ударила по флангам федералов, а в центре перешли в наступление пехотинцы. Однако сильным артиллерийским и пулеметным огнем конница мятежников была рассеяна. Пехота Эскобара подобралась к траншеям противника на 80 метров. Вот тут-то по ней и ударила свежая кавалерия правительственных сил.

Несмотря на практически полную гибель кавалерии, пехота Эскобара стойко отражала контратаки федеральных сил. Но примерно в 3 часа пополудни эшелоны с мятежниками начали покидать Хименес. Вечером окопы оставила основная масса мятежников. Силы Альмасана тоже были крайне истощены, и он решил не преследовать противника ночью. Тем более что железнодорожные пути были разрушены, и враг не мог далеко уйти.

3 апреля Альмасан послал разделенную на две части кавалерию вдогонку мятежникам с востока и запада от железнодорожных путей. Коннице предстояло настичь врага у станции Эстасьон Реформа. Как раз там, где по приказу генерала разобрали пути, и должны были скопиться эшелоны Эскобара. Сам Альмасан с пехотой двигался прямо по путям на север.

Западная колонна кавалерии прибыла на Эстасьон Реформа чуть раньше и увидела, как мятежники выгружаются из эшелонов. Была проведена немедленная атака. Ошеломленные повстанцы, тем не менее, около двух часов успешно отбивали натиск. Но тут с другой стороны на них набросилась подошедшая с востока вторая колонна конницы. Началась настоящая резня, и в 14.00 битва завершилась полным разгромом частей Эскобара. Трупов было так много, что их не могли захоронить и просто сжигали в больших кучах. По официальным данным, мятежники потеряли 1136 человек убитыми, 2058 – ранеными и пленными. Спаслись только 200 мятежников во главе с Эскобаром, ускакав на чудом уцелевших лошадях.

---

[75] По данным посольства США, повстанцев было всего 6 тысяч. Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 423.

[76] De La Pedraja Toman, R. Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 302.

Судьба мятежа была решена. Хотя Эскобар с трудом и собрал в Чиуауа около 2000 новых солдат, но с такими силами он не мог противостоять Альмасану, поэтому направился к американской границе.

После битвы при Эстасьон Реформа внушительные силы мятежников оставались только в Соноре. 7 марта наступавшие из этого штат на юг мятежники подошли к порту Масатлан. Но разногласия среди восставших генералов помешали атаке на город. Затем туда подошли правительственные подкрепления с юга из штата Халиско. Именно в Халиско бушевало восстание «кристерос», и если бы эскобаристы договорились с ними о скоординированных действиях, Кальес не смог бы перебросить под Масатлан ни одного солдата. 21 и 23 марта повстанцы атаковали уже опоясанный траншеями Масатлан, но были отогнаны артиллерийским и пулеметным огнем. Со стороны правительственных сил активно действовала канонерская лодка «Прогресо». После неудачной осады сонорская группировка мятежников стала отходить на север и угрозу уже не представляла.

После разгрома Эскобара у Хименеса Кальес во главе 1000 солдат присоединился к Карденасу, и объединенная группировка правительственных сил численностью примерно 8000 человек стала преследовать около 2000 мятежников в Соноре. Когда повстанцы приготовились дать оборонительное сражение, чреватое серьезными потерями для правительственных сил, в полной мере проявила себя полученная из США авиация. Занявшие оборону мятежники были подвергнуты массированным бомбардировкам, что, по сообщению посольства США в Мехико, произвело на них «потрясающий деморализующий эффект»[77]. Когда к позициям противника 25 апреля приблизилась федеральная кавалерия, выяснилось, что мятежники почти полностью рассеялись, а оставшиеся на позициях готовы капитулировать. Как отмечало посольство США, «по-видимому, первый раз за всю историю Мексиканской революции была использована бомбардировка с аэропланов, и во время последних дней мятежа она оказала решающее воздействие»[78].

Еще в начале апреля, после битвы при Хименесе, стало ясно, что подавление мятежа является вопросом ближайших дней. Среди мятежников участились случаи дезертирства, причем на сторону федералов переходили целые подразделения. 12 апреля два генерала мятежников перешли американскую границу и попросили политическое убежище. 20 апреля в США сбежал один из лидеров мятежа генерал Урбалехо. В последнюю неделю апреля федералы добивали остатки мятежников, прижатых к американской границе. Эскобар перешел в Калифорнию и попытался договориться с губернатором штата Нижняя Калифорния Абелярдо Родригесом, чтобы тот снова пропустил его на мексиканскую территорию. Однако Родригес (тот самый, который еще в январе предупредил власти о готовящемся мятеже), естественно, отказался. Эскобар заявил, что провал восстания произошел по вине США: «У нас было полно денег… но Соединенные Штаты были против нас. Мы неоднократно пытались купить боеприпасы за границей (в США – прим. автора), однако нам это не удалось из-за жесткого контроля границы американцами»[79].

Эскобар был прав, особенно если учесть масштабы военной помощи США мексиканскому правительству. За время восстания США продали Мексике 2500 25-фунтовых осколочных авиабомб, 500 50-фунтовых авиабомб, 200 100-фунтовых авиабомб, 5000 винтовок «энфилд», 48 пулеметов (в том числе авиационных), более 3 миллионов патронов, бомбосбрасывающие механизмы, запчасти, горюче-смазочные материалы и гранаты со слезоточивым газом[80].

---

[77] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 424.

[78] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 424.

[79] Ragsdale K. B. Wings over the Mexican Border. University of Texas Press, 1997. P. 56.

[80] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 428–429.

Эскобар переехал в Канаду, где жил, не зная стеснения в материальных средствах (видимо, помогли «реквизиции» в банках)[81]. В 1937 году президент Карденас, который в 1929 году отличился при разгроме мятежа, амнистировал всех бывших повстанцев, но Эскобар не вернулся. Он возвратился только в 1942 году, чтобы «предоставить себя в распоряжение нации» в тяжелое время Второй мировой войны.

Так закончилось последнее крупное восстание регулярной армии в истории Мексики. Кальес использовал его на сто процентов: из вооруженных сил были удалены 9 дивизионных и 8 бригадных генералов, а также 51 бригадир[82]; из Конгресса – 52 депутата и 4 сенатора, которым инкриминировали поддержку мятежников[83]. Из 227 депутатов Конгресса 221 теперь были членами только что основанной Кальесом НРП.

В четырех ключевых штатах – Соноре, Чиуауа, Дуранго и Сакатекасе – были сменены правительства. Сторонники Обрегона лишились всех своих позиций в государстве. Кальес как победитель мятежников стал самым сильным человеком страны и пользовался куда большим авторитетом, чем временный президент Портес Хиль, который во время мятежа не покидал Мехико.

Мятеж вошел в историю Мексики как «восстание банков и железных дорог» (потому что восставшие генералы грабили банки, а потом сбежали по железной дороге). Он обошелся стране в 2000 убитых и 13,8 миллиона песо ущерба[84], которые, как с гордостью вспоминал Портес Хиль, удалось погасить из бюджета, не прибегая к чрезвычайным мерам вроде экстренных налогов.

В США прекрасно понимали, что восстание только сыграло на руку Кальесу Не случайно статья в американском журнале «Тайм» от 13 мая 1929 года называлась «Выгодный мятеж». В статье цитировались слова Портеса Хиля: «Восстание, которое мы – или, скорее, генерал Кальес – только что подавили, окажется, я уверен, очень благоприятным для страны». Теперь сила противников Кальеса в армии и государстве была сломлена[85].

Мятеж поставил крест на одном из кандидатов в президенты. В конце 1928 года в Мексику вернулся мексиканский посол в Великобритании Гильберто Валенсуэла, которого сразу стали рассматривать как возможного наследника Обрегона. Немаловажным был тот факт, что Валенсуэла родился в 1892 году в Соноре, родном штате Обрегона. Он получил степень адвоката, служил директором школы. С 1910 года активно участвовал в борьбе против диктатуры Диаса, то есть был «старым революционером». В то время когда Обрегон был министром обороны, Валенсуэла занимал пост главного военного прокурора. После прихода к власти в 1920 году Обрегон сделал Валенсуэлу министром внутренних дел, то есть фактически главой кабинета. В 1924 году Валенсуэла был направлен послом в Бельгию. В 1925-1928 годах, во время президентства Кальеса, он снова стал министром внутренних дел, а затем послом в Англии.

Понимая популярность Валенсуэлы как твердого и хорошо известного всей стране обрегониста, Портес Хиль предложил ему в конце 1928 года пост судьи Верховного суда. Тот, кто его занимал, по законодательству автоматически лишался права баллотироваться в президенты. Валенсуэла попросил на раздумье три дня, посоветовался за это время с генера-

---

[81] Кальес утверждал, что Эскобар взял с собой полмиллиона долларов.

[82] Средний чин между полковником и бригадным генералом. См. Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 409.

[83] Советский полпред Макар отмечал, что как «контрреволюционер» был удален из Конгресса единственный коммунистический депутат Лаборде. Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 4–5.

[84] Как писал американский журнал «Тайм», это гораздо меньше, «чем американские домохозяйки тратят каждый сезон на красные спелые мексиканские помидоры». Time, 13.05.1929.

[85] Time, 13.05.1929.

лами-обрегонистами и предложение любезно отклонил[86]. Когда разразился военный мятеж, Валенсуэла поддержал его и тем самым оказался вне закона. Подавление мятежа поставило крест на его президентских амбициях. Валенсуэла отправился в эмиграцию в Аризону, где и жил до 1935 года, пока его не помиловал президент Карденас.

Однако главной жертвой мятежа Эскобара стал Саенс. 1 марта 1929 года открылся учредительный съезд НРП в Керетаро. Саенс прибыл на съезд уже как официальный кандидат в президенты от аграристской партии, которая должна была войти в НРП.

По сути, Кальесу удалось руками Саенса разрушить ненавистную ему Национальную аграристскую партию. В конце 1928 года аграристы во главе с непримиримыми противниками Кальеса Сото-и-Гамой и Манрике образовали Конфедерацию обрегонистских партий республики как противовес НРП. Однако Саенс, уверенный, что НРП без проблем одобрит именно его кандидатуру, организовал раскол аграристской партии, и 17 января 1929 года Манрике и Сото-и-Гама были исключены из партии вместе со своими сторонниками. Оставшиеся вместе с Саенсом аграристы вошли в НРП. Манрике решил поддержать Валенсуэлу, что и закрепило после подавления военного мятежа окончательный распад партии.

После декабрьского кризиса 1928 года фактически раскололась и Лабористская партия. Некоторые ее организации в штатах (имевшие по американскому образцу статус самостоятельных партий), например в Халиско, Сан-Луис-Потоси и Пуэбле, присоединились к НРП[87].

Против образования НРП резко выступили мексиканские коммунисты. Они охарактеризовали новую партию как силу «национальной буржуазии», которая хочет объединить под своим руководством массы рабочих и крестьян, лишив их собственных организаций. В этом смысле коммунисты, собственно, предельно точно разгадали замысел Кальеса, которого, как мы помним, еще с 1927 года, когда тот под давлением Морроу фактически отменил прогрессивный «нефтяной закон», считали реакционером и наймитом Уолл-Стрит.

Итак, Саенс ехал на съезд в Керетаро, уверенный в своей победе. Он, как и большинство политической элиты Мексики, полагал, что Кальес одобряет его кандидатуру. Сам Кальес, предполагалось, станет президентом НРП, то есть фактически возглавит «революционную семью».

По мнению влиятельной газеты «Эксельсиор», в день открытия съезда НРП кандидатуру Саенса поддерживали делегации штатов Халиско, Синалоа, Табаско, Колима, Нуэво-Леон, Наярит, Морелос, Герреро, Нижняя Калифорния, Тласкала, Юкатан, Кампече, Агуаскальентес, Коауила, Чьяпас, Идальго, столичного федерального округа, и частично – делегации некоторых других штатов.

Однако для многих делегатов кандидатура Саенса была неприемлемой, так как он являлся протестантом (а значит, по расхожему мнению, агентом США) и консерватором. К тому же делегатов на съезд фактически отбирали губернаторы штатов, большинство которых были на стороне Кальеса. Тем не менее к началу съезда 21 из 31 региональных делегаций высказалась в пользу Саенса, поскольку многие думали, что так же считает и Кальес[88]. За Ортиса Рубио, по оценкам прессы, были 6 делегаций. Портес Хиль рекомендовал делегатам своего штата Тамаулипас предварительно не высказываться в пользу того или иного кандидата[89].

---

[86] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/ autobiografia/bibliografia.html

[87] Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928-1945). Mexico, 1982. P. 84.

[88] Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928-1945). Mexico, 1982. P. 88.

[89] Однако основанная им Приграничная социалистическая партия высказалась в пользу Саенса.

Однако сам Кальес в конце февраля уже твердо встал на сторону Ортиса Рубио, и оргкомитет неожиданно заявил, что будет допускать на съезд только те партии, которые зарегистрированы в соответствии с законом. Под этим предлогом оргкомитет старался не допустить к участию в съезде независимые рабочие и крестьянские организации, и большинство делегатов оказались профессиональными военными и политиками, абсолютно лояльными Кальесу.

Неудивительно, что в день открытия съезда несколько региональных организаций (в том числе и из Тамаулипаса) заявили, что поддерживают уже не Саенса, а Ортиса Рубио.

3 марта Саенс сделал заявление для прессы, в котором обвинил председателя оргкомитета съезда Тревиньо в том, что тем делегатам, которые стоят за него, отказывают в признании полномочий[90]. К тому же, по мнению, Саенса, на всех делегатов съезда оказывалось серьезное давление, чтобы заставить их голосовать за Ортиса Рубио. Саенс пригрозил, что уйдет со съезда, который превратился в «фарс».

Тревиньо все обвинения в свой адрес отверг. Съезд оказался на грани срыва. Но 4 марта, как нельзя более кстати, пришло известие о начале мятежа генералов-обрегонистов. Практически все они были друзьями Саенса. На съезде стали открыто называть Саенса предателем, и он, похоже, всерьез опасался за свою жизнь: некоторые делегаты были вооружены. Кальес позвонил из Мехико Тревиньо и рекомендовал ему срочно свернуть съезд, выбрав перед этим кандидата в президенты. Обсуждение же программных документов фактически не состоялось. Председателем руководства партии (комитета из 7 членов) быстро избрали Тревиньо, который был правой рукой Кальеса в стране.

В этих чрезвычайных условиях во имя единства «революционной семьи» Саенс уже 4 марта снял свою кандидатуру, и Ортис Рубио был единогласно утвержден как кандидат на пост президента от НРП.

Влияние Кальеса на новую единую и квазигосударственную партию Мексики проявилось в том, что ему был вручен членский билет за номером один. Сразу же после основания партии ее руководство стало потихоньку насаждать во всех штатах региональные комитеты, которые должны были со временем заменить местные региональные партии – члены НРП.

Через 4 месяца после основания НРП контролировала 5000 органов местной власти, имела 280 региональных комитетов во всех штатах[91].

В начале 1929 года подавляющее большинство мексиканских партий, которых насчитывалось около 1000, либо вошло в НРП, либо находилось под прочным контролем местных властей. Пользуясь обстановкой, Кальес решил нанести смертельный удар по единственной общенациональной партии, которая находилась в открытой оппозиции властям, – Коммунистической партии Мексики.

Формально в коммунистическую партию входили не так уж и много членов – около тысячи, однако видные коммунисты играли главенствующую роль в ряде ключевых крестьянских, рабочих и творческих организациях. Так, Национальной крестьянской лигой, в которую входили около 300 тысяч человек, руководил коммунист Урсуло Гальван. С учетом того, что лидерами компартии были выдающиеся мексиканские художники с мировым именем, Диего Ривера и Давид Альфаро Сикейрос, коммунисты были властителями дум студенчества и творческой интеллигенции.

В рабочем движении во время президентства Кальеса у компартии дело обстояло не так хорошо, потому что руководство КРОМ всеми средствами – от увольнения до физического уничтожения – препятствовало тому, чтобы коммунисты избирались в руководство местных

[90] Из 1434 прибывших региональных делегатов оргкомитет признал только 873. На второй день работы съезда, когда он уже был прочно в руках кальистов, были допущены еще 109 делегатов.

[91] Villafane V. L. La formacion del sistema politico mexicano. Mexico, 1986. P. 43.

профсоюзов. Тем не менее в самых крупных независимых профцентрах страны, например в профсоюзе железнодорожников, позиции коммунистов были также очень сильны. Наконец, на стороне компартии был престиж СССР, пользовавшегося в те годы невероятной популярностью среди трудящихся масс Мексики.

На протяжении всех 20-х годов влияние компартии непрерывно возрастало. И особенно сильно это проявилось как раз в 1928 году. Уже весной этого года во время обострения предвыборной борьбы Обрегон фактически начал демонтаж КРОМ, из которого стали выходить отдельные профсоюзы, не боявшиеся теперь репрессий со стороны властей. Убийство Обрегона придало этому процессу лавинообразный характер. Пропорционально упадку КРОМ возрастало влияние на профсоюзное движение именно коммунистов, которые всегда были ярыми противниками Моронеса и его «группы действия».

Отношения компартии с мексиканскими властями также были, пожалуй, уникальными для того времени в несоциалистическом мире. Коммунисты поддержали Обрегона во время мятежа де ла Уэрты в 1923 году, в том числе и формируя из «своих» аграрных лиг вооруженные отряды. После этого Обрегон относился к компартии весьма благосклонно и в качестве ответного жеста установил дипломатические отношения с СССР. Интересы компартии и Обрегона в аграрном вопросе совпадали: и Обрегон, и Национальная крестьянская лига стояли за продолжение аграрной реформы.

Когда Кальес стал президентом, его отношения с коммунистами резко ухудшились, так как он с помощью полиции и армии подавлял независимые профсоюзы и любую конкуренцию КРОМ в рабочем движении. Именно КРОМ спровоцировал в 1926 году кризис в отношениях между Мексикой и СССР, который привел к отзыву первого советского полпреда Пестковского, обвиненного кромистами в поддержке коммунистического движения в Мексике. Тем не менее компартия поддержала правительство в борьбе против церкви, и вооруженные отряды во главе с коммунистами принимали участие в боевых действиях против «кристерос». Уже в то время (1926–1927 годы) Кальес попытался разоружить отряды местных крестьянских лиг, но восстание «кристерос» помешало ему это сделать.

В 1927 году, когда Кальес повернул в сторону тесных отношений с США и фактически отказался от аграрной реформы, отношения между коммунистами и президентом обострились до предела. Компартия именовала Кальеса не иначе, как «лакей» или «наймит» американского империализма[92]. Власти в ответ, по сути, блокировали работу возглавляемой коммунистами Антиимпериалистической лиги, пытавшейся объединить народы Латинской Америки в борьбе против империализма США.

На выборах 1928 года коммунисты поддержали Обрегона как представителя национально-ориентированной буржуазии (в отличие от ориентированного на США Кальеса) и как единого кандидата революционных сил перед лицом реакции[93]. Соответственно, коммунисты осудили и убийство Обрегона, возложив ответственность за него на клерикально-помещичьи круги, за которыми стоял американский империализм[94]. Тем более что у Риверы и Сикейроса были с Обрегоном дружеские отношения, а это в условиях мексиканской политической традиции играло отнюдь не последнюю роль.

Политика коммунистов по установлению союза с прогрессивной национальной буржуазией до конца 1928 года вполне отвечала и генеральной линии Коммунистического интернационала (КИ). По терминологии Коминтерна Мексика относилась к категории «колониальные, полуколониальные и зависимые страны», что было абсолютно верно, если учесть

[92] Заметим, что в такой оценке Кальеса коммунисты были отнюдь не одиноки. Кандидат в президенты в 1929 и бывший министр образования в правительстве Обрегона Васкоселос именовал Кальеса агентом «проконсула» США в Мексике Морроу.

[93] Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 234–235.

[94] Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 238.

практически тотальное господство иностранного (прежде всего американского) капитала[95] в экономике страны. Соответственно, с точки зрения Коминтерна такие страны находились на этапе буржуазно-демократической революции под руководством антиимпериалистически настроенной национальной буржуазии[96]. Задачей коммунистов было в этом случае помогать такой буржуазии в борьбе против внешнего империализма. Сотрудничество с Обрегоном как вождем национальной буржуазии Мексики прекрасно вписывалось в эту стратегию.

Что касается политики коммунистов по отношению к другим отрядам рабочего движения, то Коминтерн ориентировал свои партии на единый фронт с социал-демократически настроенными рабочими. Именно поэтому коммунисты пытались все время договориться с КРОМ, несмотря на явную враждебность руководства последнего.

Однако с конца 1927 года Коминтерн переходит в своей стратегии и тактике абсолютно на новые позиции, что с некоторым опозданием сказалось и на мексиканских коммунистах. Сейчас принято именовать эту смену вех Коминтерна «левацким загибом», которым руководил Сталин и который чуть ли не привел к торжеству нацизма в Германии. Дело обстояло, как представляется, совсем не так.

В конце 1927 года партия Гоминьдан в Китае (то есть национально-ориентированная буржуазия) обрушила на компартию чудовищные репрессии. Коммунисты оказались к ним фактически не готовы, так как по рекомендации Коминтерна входили в Гоминьдан на правах коллективного члена и никакой самостоятельной политики не вели[97]. Примерно в то же время от сотрудничества с коммунистами отказались британские (социал-демократические) профсоюзы. В Германии социал-демократы предпочли единому фронту с коммунистами участие в правительственной коалиции с буржуазными партиями, монетаристская политика которых и привела страну к кризису и обеспечила приход Гитлера к власти.

Получалось, что коммунисты во всех странах добровольно подчинялись либо национальной буржуазии, либо социал-демократическим партиям в рамках «единого фронта», но не приобретали взамен никакого влияния, а наоборот, подвергались гонениям со стороны своих «союзников».

Под влиянием абсолютно негативного опыта стратегии «единого фронта» VI Конгресс Коминтерна принял в августе 1928 года новую программу КИ и полностью изменил стратегию мирового коммунистического движения. Новая линия Коминтерна получила название «класс против класса». По сути, теперь коммунисты должны были сплачивать массы рабочих, крестьян и прогрессивной буржуазии только под своим руководством на основе программы компартии. Тактика «единого фронта» ценой отказа от собственных принципов и организационной независимости отменялась. Социал-демократически настроенных рабочих следовало убеждать переходить в ряды коммунистов, что предполагало борьбу против руководства социал-демократических партий.

В зависимых странах теперь именно коммунисты должны были возглавить буржуазно-демократические революции, привлекая под свои знамена рабочих, крестьян и интеллигенцию. Эти революции должны были быстро перерастать в социалистические и завершаться установлением советской власти.

Коренную смену стратегии Коминтерна в Москве воочию наблюдал один из лидеров мексиканских коммунистов Давид Альфаро Сикейрос, которого еще в конце 1927 года при-

[95] Например, в 1928 году из 1 млрд песо капиталовложений в нефтяную отрасль (важнейшую с точки зрения доходов мексиканского бюджета) на компании США приходилось 606 млн песо, на британские фирмы – 354 млн песо. Мексиканский же капитал был представлен 11.6 млн песо. См. Григорьева З. К. Иностранный капитал в экономике Мексики. М., 1976. С. 28.

[96] Маккензи К. Коминтерн и мировая революция 1919–1943. М., 2008. С. 101.

[97] Гоминьдан был поразительно похож по идеологии и организационному строению на НРП в Мексике.

гласили для участия в праздновании 10-летия Октябрьской революции и в качестве делегата IV Конгресса Профинтерна[98]. В это же время в Москве находился и Диего Ривера.

Отношение к себе Кальеса Сикейрос почувствовал сразу же после того, как ступил на берег родины в порту Веракрус. Его задержали и препроводили в тюрьму. Вскоре Сикейроса выпустили, но он правильно понял сигнал: правительство демонстрировало, что готово пойти на любые меры, если коммунисты перейдут в открытую оппозицию властям.

Тем не менее компартия активно взялась за дело. Сикейросу удалось организовать профцентр горняков в штате Халиско, очаге восстания «кристерос», а вскоре на его базе и единый профцентр штата, стоявший на коммунистических позициях. Сикейрос отмечал: «Профсоюзный и политический контроль над рудниками штата Халиско находился в наших руках»[99].

Пленум руководства компартии в сентябре 1928 года принял решение на фоне развала КРОМ создать новый единый профцентр трудящихся Мексики – Мексиканскую унитарную профсоюзную конфедерацию (испанская аббревиатура КСУМ)[100]. На правах оргкомитета был учрежден Комитет содействия рабочему единству, к которому присоединились ряд автономных профсоюзов, транспортники, ВКТ (стоявшая на анархистских позициях) и Национальная крестьянская лига. В сентябре коммунисты создали Комитет пролетарской защиты, с целью не допустить перерастания борьбы правительства против КРОМ в борьбу против рабочего движения как такового. В программе Комитета, в частности, говорилось об очищении профсоюзного движения от соглашателей и агентов правительства. В декабре 1928 года Комитет обратился к упоминавшемуся выше 6-му конгрессу КРОМ с предложением об единстве действий. Но Моронес, все еще считая, что Кальес не даст КРОМ в обиду, отказался обсуждать предложение.

Однако основную опасность для Кальеса представляло решение коммунистов создать массовый рабоче-крестьянский блок для самостоятельного участия в выборах 1929 года. До этого, как уже отмечалось выше, коммунисты поддерживали на президентских выборах представителя властей. За основу коммунисты взяли уже существовавшую в штате Веракрус при поддержке тамошнего губернатора Техеды Революционную партию «Рабоче-крестьянский союз».

Коммунисты осудили избрание временным президентом Портеса Хиля, которого, в общем, правильно считали ставленником Кальеса, а также правой части национальной буржуазии. Вторая часть оценки вряд ли была справедливой. Однако если предположить, что Портес Хиль был марионеткой Кальеса, то и она была верной: ведь сам Кальес в 1927–1928 годах не без влияния Морроу действительно сильно «поправел». К тому же коммунисты подозревали, что Портес Хиль хочет ликвидировать не только КРОМ, но и профсоюзное движение как таковое.

Сейчас многие исследователи считают такую жесткую линию коммунистов сектантством, но представляется, что компартия была права. Деятели революции 1910–1917 годов, накопив огромные богатства и приобретя власть, не были заинтересованы в дальнейших реформах и действительно переходили на консервативные, охранительные позиции. Не зря Кальес в 1927 году фактически приостановил аграрную реформу и пытался разоружить крестьян. Портес Хиль стоял за продолжение аграрной реформы лишь потому, что опасался военного мятежа, от которого правительство должны были защищать получившие землю крестьяне.

---

[98] Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М.,1986. С. 143.

[99] Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М.,1986. С. 152.

[100] Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., 1978. С. 229.

В сентябре 1928 года пленум Национального комитета КПМ окончательно определил, что буржуазия предала революцию и продолжать преобразования должны рабочие и крестьянские массы под руководством самой компартии.

Из этого плавно вытекал вывод о необходимости образования собственного политического блока в противовес НРП – единого блока буржуазии (то есть «класс против класса»). Рабоче-крестьянский блок должен был организовать в Мексике социалистическую революцию и установить рабоче-крестьянскую республику Советов. Такая программа не могла не восприниматься Кальесом и НРП как открытый вызов в борьбе за власть. К тому же коммунисты стремились к роспуску органов исполнительной и законодательной власти и замене их Советами[101]. Должна была быть ликвидирована и регулярная армия (как опора буржуазии). Вместо нее коммунисты предлагали создать народное ополчение.

Программа КПМ была воспринята Кальесом как стремление свергнуть существующий строй. В этих условиях правящая элита решила фактически ликвидировать компартию, не гнушаясь и физическим устранением ее наиболее активных членов.

В конце декабря 1928 года КПМ, Комитет содействия рабочему единству, Комитет пролетарской защиты и Национальная крестьянская лига раздельно опубликовали манифесты о созыве в конце января 1929 года Ассамблеи рабоче-крестьянского единства[102]. На этой ассамблее предполагалось организовать рабоче-крестьянский блок и выдвинуть единого кандидата в президенты.

Таким образом, это действительно был прямой вызов Кальесу, предложившему почти в то же самое время всем «революционным» силам объединиться в НРП. Правительственная пропаганда стала именовать коммунистов «контрреволюционерами» и агентами иностранной державы (СССР).

За пропагандой вскоре последовали и более конкретные действия. 10 января 1929 года вечером на улице Мехико был убит двумя выстрелами член руководства компартии Мексики молодой кубинский эмигрант Хулио Антонио Мелья[103]. Скорее всего, само убийство совершили агенты кубинского диктатора Мачадо. Однако то, как мексиканская полиция расследовала это покушение, не оставляло сомнений в отношении властей к КПМ. Мелья шел по улице со своей возлюбленной фотографом Тиной Модотти, и мексиканская полиция сразу выдвинула версию об убийстве на почве ревности. Прессе передали откровенные фотографии Модотти, которые должны были представить ее женщиной легкого поведения и скомпрометировать тем самым и убитого Мелью[104]. Высказывалась и версия ограбления.

11 января тело Мельи перевозили из больницы Красного Креста в больницу имени Хуареса. Несколько сотен коммунистов и сочувствовавших под красными флагами решили сопровождать убитого товарища. Однако полиция жестоко разогнала манифестацию.

Коммунисты, тем не менее, не отреагировали на убийство одного их своих руководителей так, как хотел бы Кальес: компартия не дала спровоцировать себя на массовые беспорядки. Напротив, была объявлена компания по массовому призыву в партию. Ответственность за смерть Мельи компартия возложила на кубинское правительство диктатора Мачадо, являвшееся «марионеткой Уолл-стрита»[105].

Ассамблея рабоче-крестьянского единства собралась в Мехико 26–30 января 1929 года. В ее работе принимали участие 392 делегата, которые представляли организации, объеди-

---

[101] VI Конгресс Коминтерна разработал специальную программу для коммунистических партий Латинской Америки, в которой содержался прямой призыв к борьбе за образование на континенте советских рабоче-крестьянских республик.

[102] Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 244.

[103] Погосов Ю. В. Мелья. М., 1968. С. 132.

[104] Попутно фото должны были компрометировать и советское полпредство, частым гостем которого была Модотти. Она фотографировала, в частности, советского полпреда Макара.

[105] Думпьерре Э., Крус Ф. П. Умираю за революцию. М., 1986. С. 97. Строго говоря, никем иным Мачадо и не являлся.

нявшие 100 тысяч рабочих и 300 тысяч крестьян. На ассамблее была официально образована КСУМ, председателем которой был избран Сикейрос. Так в Мексике наряду с КРОМ и ВКТ появился третий профцентр[106]. КСУМ быстро приобрела определенное влияние среди учителей и сельскохозяйственных рабочих в столичном округе, в Лагуне (хлопководческий район на севере Мексики), штате Мичоакан[107].

На съезде ассамблеи был образован и Рабоче-крестьянский блок, который возглавил другой выдающийся мексиканский художник Диего Ривера.[108] В то время он встретил главную любовь своей жизни, Фриду Кало и был на седьмом небе от счастья. Фрида была членом Лиги коммунистической молодежи Мексики. Тогда же лидер оппозиционного блока Ривера расписывал своими бессмертными фресками здание Министерства образования – 1500 квадратных метров.

Кандидатом в президенты от блока стал председатель Братской социалистической лиги рабочих и крестьян Коауилы генерал Педро Родригес Триана. Триана родился в 1890 году. Работал бухгалтером на одной из асиенд, выплачивая батракам зарплату. Ужасные условия труда так потрясли Триану, что он решил примкнуть к революционерам.

Уже в 1908 году Триана принял участие в знаменитом нападении революционеров-магонистов на Лас-Вакас[109]. В 1910 году под влиянием идей братьев Флорес Магон примкнул к революционерам Мадеро. В 1912 году он сражался в рядах «красных» Ороско, а затем – в «Северной дивизии» Панчо Вильи. В октябре 1914 года Триана участвовал в Конвенте лидеров революции в Агуаскальентесе, а в 1915-м примкнул к Сапате. Участвовал в многочисленных боях Освободительной армии Юга, был серьезно ранен. Входил в аграристскую партию, которая в 20-е годы считала себя идейной наследницей убитого в 1919 году Сапаты. В 1922-м участвовал в подавлении мятежа генерал Мургуи против правительства Обрегона, а годом позже стал координатором президентской компании Кальеса.

Триана был очень сильным кандидатом, сподвижником Сапаты и Обрегона, заслуженным генералом революции, которого, конечно, сложно представить агентом Москвы. Он пользовался популярностью в развалленной Кальесом аграристской партии, многие сторонники которой вполне были готовы отдать свой голос за Триану.

В феврале 1929 года возник еще один фронт конфликта между коммунистами и правительством. Бастовали шахтеры Халиско и местные предприниматели, в основном иностранцы, жаловались правительству, что комиссар (то есть представитель властей по арбитражу между рабочими и предпринимателями) коммунист Макарио Уисар занимает предвзятую позицию в пользу рабочих[110]. Кальес очень внимательно относился к нуждам американских предпринимателей и в 1928 добился того, что практически все забастовки были объявлены незаконными и запрещены. По официальной статистике, в Мексике в этом году прошло всего 7 стачек, в которых участвовали 496 человек. В 1929 году власти разрешили 14 забастовок (3473 участника)[111].

---

[106] Интересно, что в руководстве КПМ идею создания третьего профцентра наиболее настойчиво пропагандировал как раз Мелья, которого поэтому именовали «терсеристом» (от испанского слова «третий). Причем Мелья выступал за это еще тогда, когда Коминтерн рекомендовал коммунистам работать внутри уже существующих профсоюзов.

[107] The Cambridge History of Latin America. Volume VII, edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press, 1990. P. 14.

[108] Ривера не разделял критического отношения компартии к Портесу Хилю. Художник отдыхал в штате Тамаулипас, когда его губернатором был Портес Хиль, по приглашению друга последнего Марте Гомеса. Губернатор встретил Риверу как дорогого гостя и заявил, что ценит его творчестово гораздо выше других видных художников-муралистов – Ороско и Сикейроса. Они-де разрушители, а он, Ривера, созидатель. Когда Портес Хиль стал временным президентом, Диего Ривера от радости пустился в пляс. См. Осповат Л. Диего Ривера. М., 1969. С. 258.

[109] Hodges D. E. Mexican Anarchism afer the Revolution. University of Texas Press, 1995. P. 23.

[110] Одну свою дочь Уисар назвал Уэльга (то есть «забастовка» по-испански), а сына – Синдикато (то есть «профсоюз»). Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М., 1986. С. 152.

[111] Craven D. Art and Revolution in Latin America 1910–1990. Yale University Press, 2006. P. 57.

Во главе многих стачек были коммунисты. 5 февраля 1929 года лидер КСУМ Сикейрос обратился к рабочим с призывом поддержать полмиллиона нелегально бастовавших трудящихся горнодобывающих, текстильных и транспортных предприятий. 17 февраля он предложил перевести в фонд бастующих половину дневной заработной платы каждого рабочего – члена КСУМ. Такие призывы правительство расценивало как поддержку незаконной деятельности[112]. Однако авторитет коммунистов благодаря их принципиальной позиции только рос. О силе компартии говорил хотя бы тот факт, что под руководством коммунистов бастовали около 150 тысяч горняков. Причем, руководя забастовкой в Халиско, коммунисты еще и организовывали вооруженные отряды, которые помогали армии отбивать атаки «кристерос» на шахтерские поселки.

Власти отвечали в характерной для них манере. Например, 11 февраля 1929 года из засады был застрелен коммунист Сиксто Кадена, рабочий-текстильщик и крестьянский лидер в регионе Тлакотепек. В убийстве явно прослеживался почерк кромовских «пистолерос».

Тем не менее коммунисты активно поддержали правительство во время мятежа Эскобара. Особенно ценной была помощь вооруженных крестьянских отрядов коммунистов в штате Дуранго и в Халиско, где они не дали «кристерос» развернуть широкое наступление и пробиться на соединение с восставшими генералами.

В своих отчетах в центр советский полпред Макар также четко давал понять, на чьей стороне его симпатии: «Еще в начале этого года на юге, севере и северо-западе Мексики вспыхнуло восстание «старой гвардии» Обрегона, непримиримых врагов Кальеса, которого они обвиняли в организации убийства их вождя. К ним присоединились заведомо католические элементы, мечтавшие о возрождении «великой эпохи» Порфирио Диаса, и восстание, хотя заранее обреченное на неудачу, приняло было значительные размеры. Восстание… представляло попытку военного переворота и в случае удачи способствовало бы возвращению огромных земельных богатств старым латифундистам, у которых они были отняты революцией 1910 года – и переданы латифундистам новой «революционной» эпохи»[113].

Мнение Макара важно, если учесть постоянные подозрения властей Мексики, что советское полпредство якобы настраивает коммунистов на борьбу против правительства.

Однако Кальес все же решил использовать мятеж Эскобара для окончательной расправы с компартией.

Еще в ходе мятежа, как упоминалось, из Конгресса как «контрреволюционер» и пособник мятежников(!) был исключен единственный депутат-коммунист Лаборде. 4 апреля 1929 года «Правда» откликнулась на эти события заметкой «Поход против коммунистов в Мексике». Главный орган ВКП(б) отмечал: на самом деле с Лаборде расправились потому, что он агитировал против приезда в Мексику президента США Гувера[114]. В Халиско от коммунистов был «зачищен» местный конгресс, и его депутатов-коммунистов выслали из штата. Обращает на себя внимание то, что Кальес начал расправу с коммунистами сразу же после того, как они помогли ему подавить мятеж.

Следует подчеркнуть, что при этом «Правда» характеризовала мятеж Эскобара в Мексике как «реакционное восстание»[115]. Однако были и комментарии, явно не отражавшие суть происходящих событий. Так, например, из некоторых сообщений «Правды» можно было сделать вывод, что мятеж Эскобара представляет собой противоборство американского империализма, который «выступил в защиту центрального правительства Мексики» и Вели-

[112] Stein P. Siqueiros: his life and works. International Publishers and Co, 2004. P. 63.

[113] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 1–2.

[114] Правда, 4.04.1929.

[115] См. Правда, 6.04.1929.

кобритании: «Британский империализм не успел оглянуться, как восстание, на которое он возлагал было свои надежды, было подавлено. Английская печать откровенно выражала свои сожаления по поводу неудачи восстания и вмешательства Соединенных Штатов»[116].

Точка зрения на мексиканскую революцию 1910 года как продукт соперничества между США и Великобританией за влияние в Мексике давно была распространена в Коминтерне. Формально для такого взгляда на вещи имелись все основания. Известно, что англичане поддерживали в 1910 году Диаса, а США – революцию Мадеро. Затем американцы отказались признать Уэрту, а Лондон это сделал. Во время мятежа де ла Уэрты против Обрегона в 1923–1924 годах США активно поддержали правительство, а Великобритания хотела помочь повстанцам. Все это было верно. Ошибкой было, однако, считать англо-американское соперничество основной чертой мексиканской революции.

Повод для расправы с коммунистами Кальесу дала неверная тактика, которую компартия проводила во время мятежа под влиянием Коминтерна. Компартия заклеймила восстание как реакционное и призвала своих членов организовывать вооруженные отряды для борьбы с мятежом. Само по себе это являлось для Мексики делом обычным: многие крестьяне (в том числе и находившиеся под влиянием Национальной крестьянской лиги) и так были вооружены правительством именно для того, чтобы в случае реакционного мятежа поддержать регулярную армию. Еще до путча Эскобара крестьянские отряды, в том числе и коммунистические, активно боролись вместе с армией против «кристерос» и несли основные потери, так как были плохо вооружены.

Однако в 1929 году компартия публично призвала своих членов организовывать отряды и бороться с мятежниками независимо от властей, использовать эти вооруженные отряды для захвата помещичьих земель и заменять местные органы власти рабоче-крестьянскими комитетами. Такой призыв при некоторой доле воображения можно было расценить как организацию государственного переворота. Тем не менее правительство благосклонно принимало помощь рабочих и крестьянских отрядов, но только при условии их четкого подчинения армейскому командованию.

«Правда» охарактеризовала мятеж Эскобара как «поворотный пункт» в истории Мексики. В результате его подавления усилились позиции основных противоборствующих сил в Мексике – американского империализма (марионеткой которого было правительство Кальеса – Портеса Хиля) и мас совых рабоче-крестьянских организаций под руководством компартии. Теперь именно эти силы должны были бороться за власть.

Точно так же, видимо, считал и Кальес. 24 и 25 марта были убиты активисты рабоче-крестьянского блока в Пуэбле. 1 мая 1929 года полиция в Мехико расстреляла мирную демонстрацию рабочих под руководством компартии под лозунгами борьбы против империализма США. Три человека были арестованы[117]. В специальном воззвании Сикейрос заклеймил правительство, которое организовало «белый и фашистский террор» против активистов рабоче-крестьянского блока, «арестовывая, высылая и убивая храбрых членов» рабочих и крестьянских организаций[118].

В Москве были потрясены майскими событиями в Мексике еще и потому, что в этот же день расстреляли демонстрацию коммунистов в Берлине. Причем и в Мехико, и в столице Германии приказ стрелять по мирным людям полиции давали недавние союзники по «единому фронту» – национальная буржуазия (в Мексике) и социал-демократы (в Германии)[119].

---

[116] Правда, 6.04.1929.

[117] Правда, 8.05.1929.

[118] Stein P. Siqueiros: his life and works, International Publishers and Co. 2004. P. 64.

[119] В Германии полиция израсходовала 11 тысяч патронов и убила 33 человека, 198 были ранены. Полиция пыталась впоследствии оправдать свои «несоразмерные» действия тем, что коммунисты первыми применили оружие, но никто из демонстрантов не стрелял. Единственный полицейский с огнестрельным ранением, как выяснилось, сам нанес его себе в

В мае 1929 года, когда лидер мексиканских коммунистов Сикейрос находился в Уругвае и Аргентине на встречах латиноамериканских компартий и профсоюзов, правительство Мексики перешло к планомерным действиям по ликвидации компартии. 14 мая в штате Дуранго без суда и следствия по законам военного времени были расстреляны коммунисты Хосе Гуадалупе Родригес и Сальвадор Гомес. Они возглавляли крестьянский отряд, боровшийся против мятежников. Приказ о расстреле 13 мая отдал лично военный министр Кальес. Коммунистам инкриминировался смехотворный по мексиканским реалиям деликт – якобы для боевых действий они реквизировали нескольких лошадей на одной из асиенд. Однако такими реквизициями в ходе мексиканской революции занимались все – от Обрегона и самого Кальеса до Панчо Вильи.

В докладе Портесу Хилю расстрелявший коммунистов начальник военных операций в этой зоне Мадинавейтия сообщал также, что Гуадалупе Родригес и Гомес тайно занимались скупкой оружия у местных властей и вели подрывную пропаганду против существующего государственного строя.

Характерно, что при этом Портес Хиль гарантировал амнистию практически всем сдавшимся в плен генералам и офицерам мятежников, против которых и воевал отряд Гуадалупе Родригеса.

Неудивительно, что конференция латиноамериканских компартий осудила это преступление мексиканских властей. Сикейрос послал из Уругвая телеграмму протеста Кальесу, адресованную ему, «где бы он ни находился»[120]. Гуадалупе Родригеса знали и в Москве, куда он был приглашен в составе мексиканской делегации на празднование 10-летия Октябрьской революции. Поэтому 21 мая 1929 года «Правда» опубликовала материал «Мексиканское правительство выслуживается перед помещиками»[121]. В газете совершенно верно отмечалось, что в случае с Гуадалупе Родригесом речь идет об оружии, «розданном крестьянам для отражения нападения реакционных генералов против правительства». Гомес был к тому же одним из лидеров абсолютно легальной и созданной при поддержке властей Национальной крестьянской лиги. Компартия Мексики призвала все крестьянские отряды не сдавать оружие и оказывать сопротивление властям.

24 мая 1929 года «Правда» напечатала некролог о Гуадалупе Родригесе, написанный бывшим полпредом СССР в Мексике Станиславом Пестковским под псевдонимом Вольский. В статье справедливо отмечалось, что во время мятежа штат Дуранго оказался во власти реакционных путчистов и Гуадалупе Родригес отправился туда, чтобы с риском для жизни организовать партизанские отряды. Он «разоружил значительное количество белых банд, отнял у них лошадей и оружие. На лошадях ставили советское клеймо: серп и молот. Своей деятельностью он значительно способствовал победе правительственных войск над восставшими. Но когда восстание было подавлено, и в штате Дуранго была восстановлена «законная власть», помещики пожаловались ей на «притеснения» товарища Родригеса, и вот «революционное правительство», которое призвало крестьян на борьбу с контрреволюцией… арестует по наущению… помещиков товарища Родригеса и выдвигает против него нелепое обвинение в «незаконном присвоении правительственного оружия». Товарищ Родригес предстал перед военным судом, и… его расстреляли, несмотря на заслуги в борьбе против врагов правительства… Изменнически пролитая кровь товарища Родригеса не пропадет даром. Она убедит мексиканское крестьянство в том, что лишь революционная борьба масс не только против помещиков и империалистов, но и против всех правительств, именующих себя революционными, а на деле агентов крупных землевладельцев и иностранных

результате несчастного случая еще до демонстрации.

[120] Stein P. Siqueiros: his life and works. International Publishers and Co. 2004. P. 64.

[121] Правда, 21.05.1929.

капиталистов, борьба за подлинное рабоче-крестьянское правительство освободит окончательно крестьян Мексики от помещичьего ига»[122].

Многие коммунистические партии в различных странах протестовали против убийства Гуадалупе Родригеса и Гомеса. Демонстрации перед мексиканскими посольствами состоялись в Стокгольме, Амстердаме, Монтевидео, Буэнос-Айресе и других городах. В некоторых случаях демонстранты швыряли в здания, где располагались дипмиссии, камни. Портес Хиль, осуждая демонстрации в своих воспоминаниях, почему-то не упоминает, в связи с чем они состоялись.

20 июня 1929 года правительство Мексики заявило о запрете компартии и объявило ее распущенной. Был закрыт центральный орган КПМ газета «Эль Мачете». 26 июня 1929 года «Правда» писала жирным шрифтом, что «жизнь видных мексиканских коммунистов в опасности»[123]. Всех иностранцев, уличенных в связи с компартией, высылали из Мексики. В это же время при поддержке властей активисты КРОМ напали на рабочих в некоторых городах штата Пуэбла. В столкновениях погибли 4 человека, полиция арестовала 28 рабочих.

13 июля 1929 года с жестким заявлением, касающимся Мексики, выступил Исполком Коминтерна (ИККИ) – высший руководящий орган всемирного объединения компартий. Было осуждено убийство Гуадалупе Родригеса «фашистским» режимом Портеса Хиля. Воззвание Коминтерна призывало мексиканских рабочих сплачиваться вокруг компартии, а крестьян – не отдавать оружие эксплуататорам, которые используют его, чтобы «сокрушить» их[124]. Конечно, характеристика режима Портеса Хиля как фашистского является явным преувеличением, однако сама реакция Коминтерна на убийство без суда своих соратников представляется более чем естественной.

Заявление Коминтерна почему-то привело к протесту мексиканского правительства, поданному НКИД СССР. В ноте посольства Мексики в Москве от 20 июля 1929 года говорилось о нападках, которым подвергалась Мексика в советской печати на протяжении «примерно трех месяцев» «как в редакционных статьях, так и в информациях, публиковавшихся в органах официальной и полуофициальной прессы Советского Союза. Манифест Коммунистического Интернационала против моего правительства, опубликованный в «Правде» 13-го числа текущего месяца, помимо многочисленных неточностей и клеветы, содержит концепции, которые роняют честь и достоинство Мексики»[125]. В ноте содержалось предложение, чтобы комиссия из СССР посетила Мексику для ознакомления на месте с ситуацией в стране.

В Москве явно не хотели обострения советско-мексиканских отношений. Мексиканского посла Сильву Эрцога принял заместитель наркома иностранных дел Карахан и дал логичные с точки зрения международного права разъяснения: правительство СССР не отвечает за заявления общественной международной организации, пусть и со штаб-квартирой в Москве. СССР не хочет, чтобы полемика в печати отразилась на межгосударственных отношениях.

Сильва Эрцог, однако, настаивал на письменном ответе, который получил 26 октября 1929 года в виде ноты. В ней, в частности, говорилось: «Могу лишь подтвердить, что Союзное Правительство, как и всякое другое правительство, не может считать себя ответственным за содержание статей, заметок и сообщений в органах печати. Союзное Правительство со своей стороны не склонно считать антисоветские статьи и заметки в мексиканских

[122] Правда, 24.05.1929.

[123] Правда, 26.06.1929.

[124] The Communist International 1919–1943 Documents. Volume 3, 1929–1943. Frank Cass and Company Limited, 1971. P. 70–73.

[125] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, фонд 04, опись 28, папка 192, дело 228, л. 3.

органах печати выражением взглядов и чувств мексиканского правительства»[126]. «Упоминание в Вашей ноте Манифеста Коммунистического Интернационала не может не вызвать серьезного изумления. Вам, господин Посланник, небезызвестно, что Коммунистический Интернационал является совершенно самостоятельной, независимой от каких бы то ни было правительств и государств, международной организацией, руководимой представителями коммунистических партий почти всех стран мира. Действия этой организации не имеют отношения к Союзному Правительству и ни в коем случае не могут служить предметом для переписки с Н.К.И.Д.»[127].

В своих мемуарах Портес Хиль совершенно безосновательно обвинял советского полпреда в Мексике Макара во вмешательстве во внутренние дела страны. К тому же, в отличие от своей предшественницы Коллонтай, Макар был, мол, человеком «малокультурным» и не стремился понять традиции и обычаи Мексики. Эти голословные утверждения Портеса Хиля не выдерживают никакой проверки фактами.

Александр Михайлович Макар был журналистом и, как показывают его докладные записки в центр, блестяще владел слогом. Имея опыт дипломатической работы в Италии, он уже перед приездом в Мехико знал немецкий, французский, английский языки, латынь и греческий. В Мексике он сразу же взялся за испанский и уже 3 сентября 1928 года перед показом в полпредстве фильма «Октябрь» произнес на нем вступительное слово, что с удовлетворением отметила отнюдь не левая мексиканская газета «Эль Универсаль»[128]. Никто из европейских дипломатов да и тот же Морроу знанием языка страны пребывания не блистал.

Кстати, 18 февраля 1929 года советское полпредство посетил Портес Хиль, что было единственным случаем такого рода – обычно в иностранные посольства президент страны не ходил. Что касается стремления познать традиции Мексики, то за себя говорит факт присвоения Макару 13 августа 1929 года звания почетного члена мексиканского географического и статистического общества. В в декабре того же года Макар прочел в обществе лекцию на испанском языке об экономике СССР. «Уважаемый дипломат сделал интереснейшее сообщение, – писала газета «Эксельсиор»[129].

Наиболее красноречиво об авторитете Макара в Мехико свидетельствует тот факт, что 7 ноября 1929 года на прием по случаю очередной годовщины Октябрьской революции в советское полпредство пришли 7 министров правительства, а также кандидат на пост президента от НРП Ортис Рубио. Таким вниманием не могло похвастаться ни одно посольство в Мехико.

Казалось, летнее обострение в отношениях между СССР и Мексикой прошло, хотя аресты мексиканских коммунистов в стране не прекращались, а напротив, даже усиливались. В этих условиях кандидат в президенты от Рабоче-крестьянского блока фактически был вынужден выйти из борьбы.

Естественно, меры мексиканских властей против компартии не могли не сказаться на отношениях между Мексикой и СССР, причем инициативу обострения взяло на себя именно мексиканское правительство.

Во время своих встреч с Макаром Портес Хиль приводил в пример Италию: там существует антикоммунистический режим, однако СССР поддерживает с этой страной хорошие отношения. И только с самыми дружественными СССР странами – Китаем и Мексикой – Москва ведет ожесточенную полемику. Пример Китая характерен, хотя говорит скорее про-

---

[126] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 12.Действительно, если бы советское полпредство в Мехико реагировало на статьи хотя бы только в органах КРОМ, то пришлось бы заявлять протест как минимум каждую неделю.

[127] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 1.

[128] Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла: Первые советские полпреды в Мексике. М., 1969. С. 64–65.

[129] Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла: Первые советские полпреды в Мексике. М., 1969. С. 68.

тив аргументации Портеса Хиля – и там, и в Мексике коммунистов не только арестовывали, но и убивали, и никаких хороших отношений с Чан Кайши Советский Союз, конечно, в то время не поддерживал. Наоборот, дело дошло до вооруженного советско-китайского конфликта на КВЖД, который спровоцировала именно китайская сторона.

Пишет Портес Хиль и о шпионаже против мексиканской дипмиссии в Москве, хотя ни один мексиканский посол протестов на этот счет не заявлял[130].

В декабре 1929 года мексиканское правительство решило разорвать дипломатические отношения с СССР. В конце года Москву покинул мексиканский посланник Сильва Эрцог, объяснивший Литвинову свой отъезд поручением правительства Мексики изучить ряд вопросов в Центральной Европе. В Берлине Сильва Эрцог встретился с поверенным в делах СССР в Германии Бродовским и говорил, что с оптимизмом смотрит на будущее советско-мексиканских отношений и скоро вернется в Москву[131]. Это было неправдой.

6 января 1930 года Макар присутствовал на традиционном новогоднем приеме для дипкорпуса во дворце Чапультепек, который устраивал Портес Хиль. А уже 23 января мексиканское правительство отозвало из Москвы весь состав своей дипмиссии, аргументировав это выступлениями против мексиканских посольств в ряде городов Европы и Латинской Америки. Всю ответственность за демонстрации протеста, не приводя каких-либо конкретных фактов, администрация Портеса Хиля свалила на СССР.

Но Москва все еще пыталась спасти положение. В беседе с корреспондентом ТАСС 2 февраля 1930 года Литвинов отметил, что «отношения между обеими странами и правительствами все время не оставляли желать ничего лучшего… Само собой разумеется, никаких конфликтов, ни политических, ни экономических, между Советским Союзом и дальней Мексикой не возникало и возникать не могло».[132] Приведенный мексиканским правительством аргумент о коммунистических интригах против Мексики, якобы поощряемых и направляемых СССР, Литвинов счел смехотворным: «Повод слишком смешной, чтобы на нем долго останавливаться, но так как никаких других причин для разрыва отношений не существует и мексиканским правительством не приведено, то остается предположить, что мексиканское правительство в данном случае действовало под давлением внешних сил»[133]. Намек на США был более чем прозрачным.

Однако правительство Мексики все же пошло на разрыв и предписало советскому полпредству покинуть страну. 8 февраля 1930 года Макар выехал из Мехико в Веракрус. Его провожали друживший и с первым полпредом Пестковским, и с самим Макаром министр промышленности и торговли де Негри и много других видных представителей общественной жизни Мексики.

9 февраля 1930 года мексиканская полиция совершила налет на советское полпредство, а в конце апреля был арестован и выслан торговый представитель СССР[134]. Установленные в 1924 году советско-мексиканские дипломатические отношения оказались разорванными по инициативе мексиканской стороны.

---

[130] В то время дипломатическая миссия Мексики в Москве возглавлялась дипломатом в ранге посланника – наименование «посол» употребляется в тексте для простоты понимания, когда речь идет о главе диппредставительства.

[131] Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла: Первые советские полпреды в Мексике. М., 1969. С. 73.

[132] «Известия», 2.02.1930.

[133] «Известия», 2.02.1930.

[134] Торгового договора, в котором за персоналом торгпредств признавался бы дипломатический статус, между СССР и Мексикой тогда не существовало. Переговоры о его заключении только велись, и камнем преткновения был как раз дипломатический статус сотрудников торговых представительств, на котором настаивал Советский Союз. Мексиканцы не хотели на это идти.

Взвалив на СССР ответственность за рост авторитета и активную деятельность мексиканской компартии, правительство Мексики весь 1929 год проводило аресты коммунистов, стараясь полностью ликвидировать партию.

К сожалению, и сама МКП ослабила себя. В июле 1929 года в подполье прошел пленум руководства партии, принявший решение о «большевизации» компартии. Под разными предлогами за прежние ошибки из партии исключили самых видных ее членов. Урсуло Гальван, лидер Национальной крестьянской лиги и опора коммунистического влияния на крестьянство, был исключен из партии как «агент буржуазии, предавший интересы пролетариата».[135] Гальван считал, что надо продолжать сотрудничать с правительством в реализации аграрной реформы.

Мотивы исключения Сикейроса были еще более странными: он поддерживал отношения с уругвайской поэтессой Бланкой Лус Брум, а та, в свою очередь, – с находившимся в Мексике в эмиграции никарагуанским патриотом Аугусто Сесаром Сандино. Однако МКП в то время прохладно относилась к Сандино, так как он поддерживал хорошие отношения с правительством Портеса Хиля. В связи с этим Сикейросу предписали по соображениям безопасности порвать контакты с Бланкой Лус Брум, которая в то время была его гражданской женой и имела трехлетнего ребенка от прежнего брака. Партия опасалась, что через Сандино мексиканская полиция сможет найти и арестовать последних находившихся еще на свободе членов руководства компартии. Сикейрос не захотел бросить свою жену без денег в чужой для нее стране, за что и был исключен как нарушитель партийной дисциплины.

Сам Сикейрос укрывался от полиции в консульстве Уругвая, но каждую ночь, обманывая бдительность полиции, навещал жену. 1 мая 1930 года его все же арестовали, когда он покинул консульство, чтобы принять участие в первомайской демонстрации[136].

На июльском пленуме 1929 года Диего Ривера пытался возражать против новой левацкой линии партии. Он доказывал, что не вся мексиканская буржуазия, как считал Коминтерн, переродилась и стала контрреволюционной. Такие министры правительства, как Марте Гомес и Рамон де Негри, являются твердыми сторонниками социальных реформ, и партия не должна прекращать с ними сотрудничество. Однако июльский пленум МКП заклеймил Марте Гомеса наряду с Кальесом и Портесом Хилем как «могильщиков революции». Репрессии против коммунистов и разоружение крестьянских организаций, по мнению компартии, указывали на то, что, маскируясь левой фразой, правительство Мексики стало приобретать фашистские формы.

В области профсоюзной политики пленум решил трансформировать борьбу за экономические интересы рабочих в политическую борьбу против правительства, империализма, реформизма и за социализм.

Эта точка зрения и победила. Компартия констатировала обострение классовой борьбы и постановила готовить восстание против реакционного режима с целью установления в Мексике советской власти. Такая линия, по сути, обрекала партию на нелегальное положение.

Основания для исключения из партии Диего Риверы были серьезными. Когда власти запретили компартию, он расписывал фрески в Национальном дворце. Газеты обрушились на правительство с критикой: почему «бездарный мазила»[137] и лидер антинациональной партии расписывает Национальный дворец? Портес Хиль был хитрее: он решил предложить Ривере государственный пост, зная, что компартия в знак протеста против репрессий запре-

[135] Concheiro E., Modonesi M., Crespo H. G. El comunismo: otras miradas desde América Latina. Mexico, UNAM, 2007. P. 573.

[136] Stein P. Siqueiros: his life and works. International Publishers and Co, 2004. P. 67.

[137] Та к назвал Риверу губернатор штат Дуранго Террронес Бенитес 3 августа 1929 года в газете «Универсаль». Осповат Л. С. Диего Ривера. М., 1969. С. 282.

тила своим членам занимать любые должности в госаппарате. Ривере был предложен пост директора Академии изящных искусств, он без разрешения руководства МКП согласился и был исключен из компартии. Ривера позднее считал, что его исключили за дело: «Если бы я оставался в рамках партийной дисциплины, то сам бы голосовал за мое исключение… Отбирая у меня членский билет, партия лишь выполнила свой долг»[138].

В результате репрессий правительства и сектантской политики «самоочищения» численность компартии, которая в 1927-1928 годах выросла в 4 раза до 2,5 тысячи человек, после лета 1929 года упала до 600 членов[139]. Позднее мексиканская компартия осудила решения собственного июльского пленума 1929 года как «левацкий загиб». Справедливости ради надо отметить, что сектантские решения коммунисты Мексики приняли под давлением Коминтерна. В Мексику был направлен работник Коминтерна Михаил Грольман (оперативный псевдоним Освальд), который и подготовил пленум МКП в июле 1929-го. Осенью того же года Грольмана выслали из страны, причем существует даже точка зрения, что в полицию на него донес не кто иной, как Диего Ривера[140].

Если Портес Хиль без колебаний разорвал дипломатические отношения с СССР, страной, настроенной к Мексике весьма дружественно, даже несмотря на репрессии против коммунистов, то «сердечные» отношения с США, установившиеся по время последнего года президентства Кальеса, он старался поддерживать любой ценой. Такая линия помогла правительству Мексики подавить опасный военный мятеж Эскобара.

Американцы, однако, не преминули запросить за свою помощь при подавлении восстания ряд уступок.

В 1923 году были заключены мексиканско-американские соглашения, по которым, в частности, создавалась смешанная комиссия по разбирательству претензий граждан США, чье имущество пострадало во время революционных событий в Мексике, особенно в ходе аграрной реформы. Срок работы комиссии истекал 17 августа 1929 года, и 17 июня Вашингтон предложил Мексике продлить его еще на два года[141]. Портесу Хилю не оставалось ничего другого, как согласиться, и 2 сентября была подписана двусторонняя конвенция о продлении сроков работы смешанной комиссии.

Добились американцы от Мексики и уступки по главному для себя на тот момент внешнеполитическому вопросу. В апреле 1929 года, когда мятеж Эскобара был еще не подавлен, посол Морроу запросил аудиенцию у Портеса Хиля и потребовал, чтобы Мексика признала марионеточное правительство Никарагуа, пришедшее к власти в результате военного переворота и державшееся исключительно на штыках американской морской пехоты. Против правительства президента Монкады боролись никарагуанские патриоты во главе с генералом Аугусто Сесаром Сандино. При Кальесе Мексика оказывала сандинистам военную помощь, однако сближение Кальеса с США в 1927-1928 годах, по сути, эту помощь прекратило. Сандино испытывал острую нужду в оружии и боеприпасах в условиях существенного превосходства морской пехоты США (американцы использовали против сандинистов авиацию) и мог надеяться только на военные поставки из Мексики.

Портес Хиль в признании Монкаде отказал и даже попросил Морроу на миг представить, что иностранные войска находятся на территории США и поддерживают там угодное себе правительство. Разве можно его признавать?[142] В качестве компромисса Портес

---

[138] Осповат Л. С. Диего Ривера, М.,1969, С. 285.

[139] Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 384.

[140] Concheiro E., Modonesi M., Crespo H. G. El comunismo: otras miradas desde América Latina. Mexico, UNAM, 2007. P. 572.

[141] Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 434.

[142] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/autobiografia/bibliografia.html

Хиль предложил, чтобы американские войска покинули Никарагуа, и тогда Сандино под гарантии Мексики немедленно сложит оружие. Морроу пообещал передать это предложение в Вашингтон, откуда вскоре пришел отрицательный ответ. В США понимали, что как только морская пехота покинет Никарагуа, режим Монкады немедленно падет. Сам Монкада в интервью «Нью-Йорк Таймс» заявил: «Американская морская пехота является единственной гарантией свободы и процветания. Если она покинет Никарагуа, воцарится анархия…»[143] Мексиканское посольство в Коста-Рике направило своего представителя в Манагуа, чтобы убедить Монкаду пойти на мирное урегулирование внутриполитического кризиса, но тот наотрез отказался.

Тогда мексиканцы согласовали с Сандино еще более выгодный для США и их ставленника компромисс: Сандино готов сложить оружие только в обмен на обещание государственного департамента США вывести войска из Никарагуа. Но американцы были не готовы и на это. Видимо, они не сомневались в военном успехе своей кампании против Сандино.

В марте 1929 года в Мехико прибыл личный представитель Сандино капитан Паредес, мексиканец по национальности. Он попросил Портеса Хиля помочь никарагуанским патриотам оружием. Однако президент Мексики отказался, заявив, что не хочет осложнять отношения с США. Зато Портес Хиль предложил, чтобы Сандино оставил Никарагуа и эмигрировал в Мексику. Выбора у Сандино фактически не было, и в первых числах июня 1929 года он покинул территорию Никарагуа, а 25 июня въехал в Мексику.

Американцы торжествовали. В никарагуанской столице Манагуа американская морская пехота осквернила городское кладбище, чем вызвала даже протест Монкады.

В июне 1929 года Морроу поинтересовался у Портеса Хиля, верны ли слухи о том, что Мексика предоставила Сандино политическое убежище. Портес Хиль, стараясь представить свою капитуляцию как моральную победу, «предупредил» Морроу, что Сандино находится под защитой правительства Мексики, и оно не допустит возможных покушений на его жизнь.

Самой главной внутриполитической проблемой правительства Портеса Хиля был продолжавшийся конфликт между церковью и государством, на фоне которого не утихало восстание «кристерос».

Как уже упоминалось, еще будучи министром внутренних дел в кабинете Кальеса, Портес Хиль отдал указание прекратить пытки и незаконные аресты верующих. Однако на местах и армейские, и гражданские власти продолжали преследования, пополняя тем самым ряды восставших.

В ноябре 1928 года начался процесс над убийцей Обрегона Торалем, который проходил в условиях открытого давления сторонников покойного президента на суд. Адвокату подсудимого не давали говорить, прерывая его выступления криками «Смерть убийце!» и «Смерть проститутке Конче!»[144]. Судьям приходилось вести заседания, вооружившись, чтобы воспрепятствовать суду Линча над Торалем прямо в зале. Вдова Обрегона попросила помиловать молодого убийцу, но ее никто не слушал. Толпа угрожала судьям расправой, если те помилуют обвиняемого. В этих условиях смертный приговор был предрешен.

7 февраля 1929 года Портес Хиль получил прошение адвокатов Тораля с просьбой о помиловании. Одновременно в полицию пришло письмо, в котором Портесу Хилю, его жене, матери и двухлетней дочке угрожали смертью, если он отклонит прошение. В это время Портес Хиль совершал поездку по стране в президентском поезде. Письмо с угрозами подписала Лига защиты религиозной свободы – политическое крыло «кристерос». Послед-

[143] Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 77.

[144] Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 590. Имелась в виду монахиня Консепьсон Асеведо де Льята («матушка Кончита»), которой приписывали подстрекательство Тораля к покушению на Обрегона.

ние были известны как раз тем, что активно подрывали поезда, не обращая внимания на количество жертв.

Портес Хиль, однако, не испугался и в тот же день отклонил прошение о помиловании Тораля. 9 февраля 1929 года убийца Обрегона был казнен.

Утром 10 февраля примерно в половине седьмого утра, когда президент одевался, раздался сильный взрыв. Поезд находился тогда в штате Гуанахуато, где позиции «кристерос» были довольно сильны. Портесу Хилю повезло. «Кристерос» взорвали локомотив, когда он проезжал через мост, отчего сам паровоз упал с моста, но вагон президента не пострадал.

Через светских дам из Лиги защиты религиозной свободы полиция довольно легко вышла на исполнителей подрыва президентского поезда. Подрывником оказался молодой парень 17 лет Фернандо Ислас, которого религиозные фанатики толкнули на самоубийственное преступление, предоставив 300 песо на закупку взрывчатки. Портес Хиль опасался, что парня убьют без суда, и распорядился отправить его на отдаленный остров Трех Марий. Там находилась в заключении «матушка Кончита», а вскоре туда же начали ссылать коммунистов.

Портес Хиль понимал, что продолжавшийся внутриполитический конфликт серьезно ослабляет международные позиции Мексики, особенно по отношению к США, подрывает финансовую стабильность,[145] и каждый день приводит к человеческим жертвам. Если от добычи нефти государство получило в 1924 году 57 миллионов песо, то в 1928 году – лишь 19,9 миллиона. По официальным данным военного министерства Мексики, в стычках с «кристерос» каждый месяц с обеих сторон погибали 800–1000 человек.

В мае 1929 года Морроу сообщал в Вашингтон, что настроение общества в Мексике подавленное и никто не верит в способность правительства подавить движение «кристерос»[146]. Правительству Мексики нужен был мир.

Еще Кальес весной 1928 года через посредничество Морроу пытался найти общий язык с находившимся в США в эмиграции мексиканским епископатом, однако смерть Обрегона и последовавший за ней острый внутриполитический кризис прервали переговоры.

Весной 1929 года после подавления мятежа Эскобара у «кристерос» исчезла последняя надежда на победу или хотя бы почетный мир. Освободившаяся после разгрома мятежа армия нанесла измотанным отрядам «кристерос» ряд чувствительных поражений. Это дало возможность Портесу Хилю предложить католикам мир с позиции силы.

1 мая 1929 года в интервью иностранному корреспонденту ряда европейских и американских газет Дюбосе Портес Хиль заявил, что не считает церковь как таковую ответственной за кровавые акты фанатиков-«кристерос»: «…правительство не обвиняет в этом католические элементы страны…оно ни в коем случае не преследует религию»[147]. А если во главе банд «кристерос» и стоят отдельные священники – то это отбросы духовенства. Правительство Мексики, подчеркнул Портес Хиль, не будет препятствовать возобновлению богослужений в храмах, если священники будут уважать закон и воздерживаться от политической пропаганды.

Уже 2 мая архиепископ Мексики Леопольдо Руис-и-Флорес ответил на интервью Портеса Хиля заявлением в примирительном духе: «Религиозный конфликт в Мексике не мотивирован причинами, которые не могли бы разрешить люди доброй воли. В качестве доказательства этой доброй воли слова Президента Портеса Хиля имеют большое значение»[148].

---

[145] В августе 1928 года Мексика была вынуждена прекратить обслуживание внешнего долга. Промышленность страны работала только на 50 % своей мощности. См. Meyer J. La cristiada: el conficto entre la Iglesia y el Estado 1926–1929. Mexico, 2005. P. 365.

[146] Meyer J. La cristiada: el conficto entre la Iglesia y el Estado 1926–1929. Mexico, 2005. P. 366.

[147] Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.). М., 1965. С. 283.

[148] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/ autobiografia/bibliografa.html

Мосты, таким образом, были наведены. 8 мая 1929 года на встрече с прессой в Мехико Портес Хиль одобрительно отозвался о заявлении архиепископа и выразил готовность встретиться с ним для урегулирования конфликта между государством и церковью. Текст заявления Портеса Хиля был передан через американское посольство в Мехико в госдепартамент и Ватикан.

11 мая 1929 года Морроу рекомендовал архиепископу Руису-и-Флоресу обратиться с письмом на имя Портеса Хиля. Проект письма американский дипломат заготовил заранее[149]. В нем фактически уже содержался искомый компромисс: церковь соглашалась на обязательную регистрацию властями священников, но при условии, что те предварительно будут утверждены епископатом. Признавая светский характер образования, церковь обязалась также заниматься преподаванием религиозной доктрины вне школ «в подходящем для этого месте». Со своей стороны, мексиканское правительство подтверждало, что Конституция 1917 года не направлена на разрушение церкви.

Почти месяц архиепископ Руис-и-Флорес советовался с госдепартаментом и Ватиканом и, получив «добро», 8 июня 1929 года в сопровождении епископа Паскуаля Диаса прибыл в Мексику. Для обеспечения безопасности католической делегации к поезду, в котором ехал Руис-и-Флорес, был прицеплен вагон посла США. Опасаясь эксцессов, оба священнослужителя сошли еще до того, как поезд достиг Мехико, и проделали остаток пути на автомобиле. В столице гости остановились в доме военно-морского атташе посольства США.

12 и 13 июня 1929 года епископы встретились с президентом Мексики и в ходе бесед с Портесом Хилем выработали компромисс. За основу было взято письмо Морроу, которое 18 июня Портес Хиль фактически представил как свое предложение по урегулированию конфликта. Епископы для соблюдения приличий подождали три дня и согласились.

Согласно совместной декларации[150] от 21 июня 1929 года положение закона 1926 года, по которому государственные власти регистрировали священников (что означало разрешение на богослужение), оставалось в силе. Однако государство в качестве уступки обязалось не регистрировать тех, кто предварительно не был бы одобрен епископатом. Религиозное образование в государственных школах по-прежнему запрещалось, однако церкви разрешалось проповедовать свою доктрину детям в храмах. Наконец, за служителями культа как обычными гражданами сохранялось полное право обратиться в Конгресс с требованием об отмене закона 1926 года или его отдельных положений.

Таким образом, обе стороны сохранили лицо, хотя главное требование церкви, которое и привело к восстанию «кристерос», – отмена закона 1926 года, выполнено не было. Генерал Роберто Крус так оценил достигнутый компромисс: «Они (церковь – прим. автора) нарушают Конституцию, но немножко. Мы притворяемся дураками, но тоже немножко»[151].

После достижения соглашения с церковью была объявлена амнистия всем бойцам отрядов «кристерос», которой воспользовались примерно 14 тысяч человек. Характерно, что Портес Хиль не стал подписывать с «кристерос» никаких документов, не желая признавать их воюющей стороной. Он лишь устно согласился на предложения об условиях прекращения борьбы, которые от имени «кристерос» были переданы ему одним из руководителей Лиги защиты религиозной свободы Луисом Бельтраном.

Рядовым участникам банд «кристерос» оплачивался проезд в любой конец Мексики, где они хотели поселиться. «Офицерам» «кристерос» было даже позволено сохранить личное оружие. За каждую сданную винтовку правительство выплачивало 25 песо.

---

[149] Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965. С. 286.

[150] Она была оформлена в виде раздельных заявлений для прессы обеих сторон переговоров.

[151] Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origin. Mexico, 1992. P. 98.

По всей Мексике 26–27 июня 1929 года после трехлетнего перерыва возобновились богослужения.

12 июля с манифестом к мексиканскому народу обратилась Лига защиты религиозной свободы, подчеркнувшая с горечью, что узнала о соглашении правительства и епископата из газет. Будучи поставленной церковью перед фактом, лига объявила о прекращении вооруженной борьбы.

В августе 1929 года командующий Национальной гвардией (так именовали себя «кристерос») Дегольядо издал приказ о роспуске своей армии. В приказе ясно говорилось о предательстве церкви: «Национальная гвардия перестает существовать, будучи не побежденной ее врагами, но покинутой теми, кто должен был бы в первую очередь получить ценные плоды ее самоотверженности и жертв»[152].

В манифесте от 25 июня 1929 года мексиканская компартия осудила соглашение правительства с церковью: «Церковь, которая в течение веков представляла феодально-латифундистские порядки, теперь будет представлять также интересы класса капиталистов, класса предпринимателей-эксплуататоров. Церковь – вечный инструмент, необходимый для удержания в темноте и подчинении широкие народные массы, теперь снова с удвоенной силой возьмется за дело разрушения среди народных масс той небольшой доли политической сознательности, которую они приобрели в ходе революции»[153].

26 июня 1929 года «Правда» откликнулась на окончание религиозного конфликта в Мексике заметкой «Мексиканское правительство капитулировало перед реакцией», тональность которой объяснялась, бесспорно, только что произошедшим запретом компартии Мексики. Отмечалось, что «соглашение, заключенное между правительством и духовенством вызвало недовольство в ряде районов. В штате Мичоакан крестьяне заявили о своем возмущении соглашением и в знак протеста пытались занять церкви»[154]. 28 июня «Правда» сообщила под заголовком «Мексиканское правительство в союзе с реакционерами», что «в Мексике отменен закон, которым ограничивались имущественные права католической церкви. Церковные здания возвращаются духовенству»[155].

Действительно, после того как церковь в августе 1926 года прекратила богослужения в храмах, они были переданы под надзор местных комитетов граждан тех населенных пунктов, где находились. Теперь все здания были возвращены церкви.

Ликвидация церковного конфликта была большим достижением Портеса Хиля. Временный президент попытался также решить и рабочий вопрос в стране.

Статья 123 Конституции 1927 года провозглашала основные права рабочих, однако на местах трудовое законодательство должны были принимать правительства штатов. А они с этим не спешили. В 1928 году только четыре штата – Сонора. Юкатан, Веракурус и Тамаулипас – приняли местные трудовые кодексы[156]. Рабочие требовали принятия федерального трудового законодательства. Однако КРОМ и лабористы, которые при Кальесе имели в стране огромное влияние, с этим не торопились. В самом же Конгрессе ненависть к Моронесу и КРОМ большинства депутатов была настолько сильной, что они блокировали принятие федерального трудового законодательства подчас только затем, чтобы насолить Моронесу.

15 ноября 1928 года Портес Хиль предложил созвать встречу профсоюзов и представителей предпринимателей для того, чтобы выработать взаимоприемлемый проект трудового кодекса, который после этого должен был быть представлен на рассмотрение Конгресса.

---

[152] Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.).. М., 1965. С. 297.

[153] Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.). М., 1965. С. 292–293.

[154] Правда, 26.06.1929.

[155] Правда, 28.06.1929.

[156] Принятие трудового кодекса было одним из первых шагов Портеса Хиля на посту губернатора Тамаулипаса.

В качестве платформы для обсуждения Портес Хиль предложил правительственный вариант, который был весьма радикальным по меркам того времени даже в мировом масштабе (например, в США ничего подобного в тот период даже не обсуждалось).

Инициатива Портеса Хиля именно в тот период объяснялась еще и политическими соображениями – он хотел показать общественности, что не КРОМ, а правительство по-настоящему заботится о нуждах рабочих.

Проект закреплял 8-часовой рабочий день (работа в ночное время была ограничена семью часами), обязательный еженедельный отдых, оплачиваемый отпуск после пяти лет работы[157]. Предприниматели были обязаны образовать страховой фонд, из которого осуществлялись выплаты в случаях производственного травматизма. В этот фонд направлялась и часть зарплаты рабочих. Портес Хиль предлагал даже создать на каждом частном предприятии смешанные советы из представителей рабочих и предпринимателей для оперативного решения возникающих конфликтов. Одновременно проект трудового кодекса провозглашал отмену всех законов штатов, выходящих за рамки статьи 123 Конституции. Забастовки могли иметь только экономический характер, и их законность определяли власти. Для объявления забастовки было необходимо, чтобы за нее высказались не менее двух третей рабочих данного предприятия. В случаях с предприятиями транспорта, электро- и водоснабжения необходимо было предупредить власти о начале стачки за 10 дней, в остальных отраслях – за 5. Профсоюзам запрещалось заниматься политикой и принимать в свои ряды «…агитаторов или лиц, которые пропагандируют разрушительные идеи»[158].

Проект предусматривал создание разветвленной системы государственного арбитража трудовых конфликтов, включая Федеральный трудовой суд на правах Верховного суда, члены которого назначались президентом страны.

Портес Хиль надеялся, что первая в истории страны встреча рабочих и предпринимательских союзов поможет установить в Мексике классовый мир. КРОМ, ВКТ и коммунисты согласились принять участие в обсуждении проекта трудового кодекса.

Представители КРОМ быстро покинули рабоче-предпринимательскую конференцию в знак протеста против действий президента Портеса Хиля по «преследованию» их организации.

Коммунисты, которые образовали на конференции Рабочий блок из 47 делегатов, отвергли проект трудового кодекса как недостаточно радикальный. Компартия представила собственный проект, который сразу же натолкнулся на обструкцию предпринимателей. Например, коммунисты предлагали приравнять к рабочим домашнюю прислугу, госслужащих и сельскохозяйственных рабочих, которых в Мексике было гораздо больше, чем фабричных пролетариев. Рабочая неделя должна была быть ограничена 44 часами с оплатой как за 48 часов, минимальная заработная плата, вводимая в обязательном порядке, – составлять не менее 2 песо в день. Социальное страхование рабочих предполагалось осуществлять только за счет средств предпринимателей и правительства. Государственные власти не должны были вмешиваться во внутренние дела профсоюзов.

Сикейрос использовал трибуну конференции для резкой критики правительства, а компартия в целом абсолютно неправомерно охарактеризовала правительственный проект кодекса как «фашистский»[159]. К тому же коммунисты считали бесперспективным обсуждать кодекс с предпринимателями, так как последние были не только против варианта Рабочего блока, но и против основных положений проекта правительства.

---

[157] Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 220.

[158] Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 221.

[159] Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 231.

Как сообщал в Москву Макар, «буржуазия» решительно отвергала положение проекта, согласно которому при увольнении рабочему было необходимо выплатить заработную плату за три месяца, а если денег не было, следовало продавать с публичных торгов имущество предприятия. «На совещании капиталистов было официально заявлено, что на таких условиях иностранные инвестирования невозможны»[160]. Напрочь отвергли предприниматели и предложение об образовании на предприятиях паритетных советов из рабочих и представителей нанимателя. Не согласны были представители капитала и с обязательным заключением на любом предприятии двухгодичного коллективного договора и обязательным членством всех рабочих в профсоюзе. Они считали это нарушением свободы договора и конституционных прав и свобод. Причем в проекте предусматривалось заключение отраслевых коллективных договоров между двумя третями членов профсоюза определенной местности и таким же количеством предпринимателей. Такие коллективные договоры автоматически становились обязательными для всех предприятий данной отрасли.

Возражали предприниматели и против положения об уплате ими штрафов при нарушении положений коллективного договора[161].

В конце концов, из задуманного Портесом Хилем классового мира ничего не получилось: бизнес, прежде всего иностранный был решительно против кодификации трудового законодательства на федеральном уровне. Конечно, правительство могло бы внести проект кодекса в Конгресс и без всякого обсуждения, тем более что после подавления мятежа Эскобара и исключения из парламента оппозиционных кандидатов, НРП имела там подавляющее большинство. Но этот вопрос решал не Портес Хиль, а «сильный человек» Мексики и вождь НРП Кальес. Он же, похоже, не хотел принятия столь радикального трудового законодательства, опасаясь протестов американских предпринимателей и ухудшения отношений с США.

Предприниматели выступили с официальным публичным заявлением, что если правительственный вариант трудового кодекса будет принят, то мексиканская промышленность погибнет. Обсуждение прекратилось – гора родила мышь.

В целом рабочая политика правительства развивалась в 1929 году без серьезной оппозиции со стороны самого рабочего движения. КРОМ разваливался, и Портес Хиль этому активно способствовал. Представители КРОМ были изгнаны из Министерства промышленности и торговли вместе с Моронесом. Очистили от кромистов и правительственные хунты – арбитраж трудовых споров. Если раньше с помощью этих хунт КРОМ объявлял незаконными любые забастовки неподконтрольных ему профсоюзов, то теперь эти хунты стали объявлять незаконными забастовки самого КРОМ. В течение 1929 года численность КРОМ сократилась наполовину. Однако этому профцентру, все еще остававшемуся самым крупным в стране, удалось сохранять преобладающие позиции в ряде регионов, например среди текстильщиков в Орисабе.

Компартия была разгромлена, и ее влияние на независимые профсоюзы, например транспортников, существенно ослабло. Это позволило Кальесу нанести наконец удар по железнодорожникам, которые так досаждали ему забастовками в 1926–1927 годах. К тому же железнодорожники в союзе с коммунистами образовали собственную политическую партию, резко критиковавшую Кальеса. Кальес «попросил» Портеса Хиля назначить его главой правительственного Комитета по реорганизации железных дорог. На этом посту Кальес быстро «оздоровил» финансовое положение железных дорог, уволив 10 тысяч рабочих (особенно наиболее активных членов профсоюза) и сократив оставшимся заработную плату. При этом рекомендации Кальесу по «оздоровлению» финансового положения железных дорог

[160] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 8.

[161] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 12.

давали американские эксперты. Мексиканские железные дороги якобы тратили слишком много на заработную плату.

На самом деле если в США на заработную плату шло 58,8 % всех расходов американских железных дорог, то в Мексике – 61,5 %, что было явно сопоставимо. Главной причиной бедственного финансового положения мексиканских железных дорог были не зарплаты рабочих, а несоразмерные платежи, которые направлялись на обслуживание внешнего долга, держателем которого были, естественно, американцы.

«Оздоровление» не помогло – уже в 1929 году железные дороги ощутили на себе последствия мирового экономического кризиса. 33 % доходов железных дорог были связаны с перевозкой металлов и минерального сырья, которые шли на экспорт, прежде всего в США. В 1930 году экспорт резко снизился, что не замедлило сказаться на доходах «оздоровленных» Кальесом железных дорог.

К началу 30-х годов протяженность железных дорог составила 23 345 км[162]. Частные владельцы, которым Кальес вернул железные дороги еще в 1926 году, особого рвения в развитии этой сети не проявляли.

Аграрная политика Портеса Хиля была успешнее и принесла временному президенту довольно большую популярность среди крестьянства. Именно поэтому Урсуло Гальван и не хотел рвать контакты с правительством. В 1929 году правительство распределило среди крестьян около 2 миллионов гектаров земли – больше, чем за все революционные годы до этого. В немалой степени такой радикализм администрации объяснялся личной позиций министра земледелия Марте Гомеса и тем, что с середины 1929 года Кальес был на лечении в Европе. Макар полагал, что политика в деревне свидетельствует о «ловкости и находчивости» правительства Мексики: «…мелкие, но бросающиеся в глаза уступки обнищавшему крестьянству, развернутая реклама и широковещательные обещания, наряду с действительными мерами по обеспечению крупного землевладения: разоружение, где можно, крестьянства, защита земельной собственности и борьба с аграристами там, где они принимают всерьез призыв правительства к самодеятельности… после раздачи правительством около 2 миллионов гектар земли мельчайшими участками Министерство земледелия объявило двухмесячный срок для заявок претензий на землю, после чего «передел» объявлен законченным»[163].

Прогноз Макара на будущее оказался поистине пророческим: «Конечно, через короткое время земельная нужда скажется вовсю, и мексиканскому крестьянству еще не раз придется распутывать тугой узел ненормальных экономических отношений на землю. Однако на ближайшее время оно (правительство – прим. автора) привлекло к себе симпатии крестьянства, и правительство Портеса Хиля сдаст власть в ореоле защитника и представителя огромных масс рабочего и крестьянского трудящегося населения»[164].

В конце декабря 1929 года вернувшийся в страну Кальес в очередной раз публично выразил сомнение в необходимости дальнейшей ликвидации крупных поместий и их раздела между крестьянами. В июне 1930 года в беседе с «группой друзей» «лидер мексиканской революции» провозгласил, согласно сообщениям газет, что в каждом штате необходимо установить короткий срок, после которого дальнейшие заявки безземельных и малоземельных крестьян приниматься уже не будут[165].

Даже довольно активная аграрная политика Портеса Хиля, как совершенно правильно считал Макар, не изменила принципиально отношения собственности в мексиканской деревне. Согласно переписи 1930 года 83 % земельного фонда страны (10 миллионов

---

[162] Krauze E. Plutarco calles. Reformar desde origin. Mexico, 1992. P. 117.

[163] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 14.

[164] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 14.

[165] Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 377–378.

гектаров) находилось в руках 15,5 тысячи крупных латифундистов. В то же время на 770,2 тысячи крестьянских хозяйств с наделом до 50 га приходилось 3,2 % земли (4,2 млн га)[166].

Как и раньше, темпы аграрной реформы сильно разнились в штатах, и это было связано прежде всего с политической позицией того или иного губернатора. Из 1335 заявок, поданных крестьянами на наделение их землей в 1929 году, больше всего – 276 – пришлось на Веракрус где правил, пожалуй, самый радикальный губернатор Мексики Техеда. 134 заявки было подано в штате Мехико (некогда центре сапатистского движения) и 193 в Мичоакане, которым тоже управлял губернатор-радикал – Ласаро Карденас[167].

Портес Хиль пытался реформировать и другие стороны весьма безрадостной мексиканской действительности. Каждое правительство Мексики со времен Порфирио Диаса пыталось бороться против алкоголизма. Взялся за решение этой сложной проблемы и Портес Хиль, хотя и с иной мотивацией, чем Диас. При диктатуре боролись в основном с национальным индейским напитком из агавы «пульке», который считался «не прогрессивным». Диас внедрял в стране «прогрессивное» американское пиво и вино, которые, однако, были громадному большинству населения просто не по карману.

Портес Хиль как социалист полагал, что пьянство, безотносительно того, какие напитки употребляются, отвлекает трудовые классы Мексики от борьбы за улучшение собственной жизни. Еще на посту губернатора Тамаулипаса он развернул активную пропаганду здорового образа жизни и убедил примерно сотню населенных пунктов обратиться к правительству штата с просьбой о принятии мер по ограничению продажи алкоголя[168].

14 мая 1929 года уже на общенациональном уровне был образован Национальный комитет борьбы против алкоголизма. Считая себя убежденным демократом, Портес Хиль не пошел по пути США и не стал принимать юридически обязательные антиалкогольные законы. По его, мнению, общественные комитеты должны взять на себя борьбу за здоровый образ жизни. На местах эти комитеты состояли в основном из женщин, которые вроде дружинников патрулировали злачные места, убеждая их завсегдатаев не пить и проверяя, есть у владельцев лицензия на продажу алкоголя. Однако многие отцы семейств не хотели, чтобы их жены и дочери ходили по таким местам, тем более что в тогдашнем мексиканском обществе женщины традиционно считались существами второго сорта и на их увещевания любители горячительных напитков обычно отвечали скабрезными шутками.

Как издевка звучало воззвание комитета к гражданам активно заниматься спортом: большинству рабочих и крестьян после тяжелого и изнурительного рабочего дня было не до этого.

Борьба с алкоголизмом была обречена еще и потому, что многие мексиканские «революционеры», ставшие бизнесменами, активно снабжали алкоголем страдавшее от сухого закона население США. Будущий президент Мексики Абелярдо Родригес (в то время губернатор пограничного с США штата Нижняя Калифорния) сколотил огромное состояние на салунах и казино в приграничной полосе.[169] Ему же принадлежало фешенебельное «Казино де ла Сельва» в мексиканской «Рублевке» – Куэрнаваке, где жил Кальес, держали дачи иностранные послы, а также имели загородные дома все представители разбогатевшей на революции мексиканской элиты. В народе одну из улиц Куэрнаваки, где высились особняки вчерашних «революционеров», называли «улицей сорока воров». Когда министр образования

---

[166] Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 378.

[167] Tobler H. W. Peasants and the Shaping of the Revolutionary State 1910–1940 // Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conficts in Mexico. Edited by F. Katz. Princeton University Press, 1988. P. 500–501.

[168] The women's revolution in Mexico 1910–1953. Edited by S. E. Mitchell and P. A. Schell. Rowman & Littlefeld Publishers, Inc, 2006. P. 166–167.

[169] Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican People. New York, 1992. P. 384.

Нарсисо Бассольс попробовал закрыть казино, Родригес пожаловался Кальесу, и министр потерял свой пост.

Многие казино, салуны и публичные дома содержали американцы, а к ним Кальес относился весьма уважительно.

Портес Хиль был вынужден признать свое поражение: в условиях тяжелой жизни громадного большинства населения пьянство было отдушиной. Если отдельные города и поселки и принимали решение о полном запрете продажи алкоголя, то вокруг этих городов немедленно появлялось еще больше пивных, где крепкие напитки продавали по завышенным ценам. Несмотря на то, что борьбу против алкоголизма продолжали все президенты Мексики в 30-е годы, к 1941 году в стране насчитывалось 250 000 алкоголиков и каждый год 6500 человек умирали от цирроза печени. 60 % времени отсутствия на рабочем месте было связано с употреблением спиртных напитков[170].

По инициативе министра здравоохранения и с одобрения президента была создана Национальная ассоциация по защите детства, которую возглавила супруга главы государства. В ассоциацию вошли самые влиятельные светские дамы страны. Эта общественная организация намеревалась создавать и содержать центры матери и ребенка, приюты для детей-сирот, летние лагеря отдыха. Дамы хотели также финансировать визиты врачей к тем матерям и детям, которые не могли себе этого позволить по материальным соображениям.

Однако в условиях скудных государственных финансов одними только общественными силами привить мексиканскому народу гигиену и обеспечить акушерками всех матерей было просто невозможно. Тем более что и в 1940 году 65 % мексиканцев жили в деревнях, где подчас не было вообще никаких пунктов медицинской помощи.

Поэтому инициатива имела скорее пропагандистское, чем реальное значение. Хотя детская смертность серьезно сократилась (с 222 смертей на 1000 рожденных детей до 125 в 1940 году), она оставалась еще недопустимо высокой[171].

Среди достижений Портеса Хиля, хотя и скорее невольных, можно отметить еще автономию, которую получил его указом Национальный университет в Мехико. В 1928 году в ведущем ВУЗе страны обучались 9070 студентов, из которых 1699 были будущими медиками, 558 – юристами и 211 – инженерами.

В мае 1929 года там вспыхнула забастовка студентов, недовольных тем, что устные экзамены заменили на письменные. Локальный конфликт приобрел общенациональный масштаб, когда студенты вышли на мирную демонстрацию в защиту своих прав. Полиция стреляла по манифестантам и убила шесть человек[172]. Тогда в защиту студентов на улицы вышли тысячи рабочих и служащих. Портесу Хилю пришлось принять делегацию студентов, которые потребовали уже отставки министра образования. Чтобы разрядить ситуацию и создать впечатление, что правительство не поддается требованиям «улицы», Портес Хиль «добровольно» подписал указ об автономии университета, опасаясь, что студенты могут перейти в лагерь коммунистов. Таким образом, с 1929 года Национальный университет Мехико стал Национальным автономным университетом – это название он носит и по сей день.

То, что Портес Хиль лично занялся проблемами университета, имело под собой и внутриполитическую подоплеку. После разгрома генералов-обрегонистов и запрета компартии у кандидата правящей партии на пост президента Ортиса Рубио оставался один, но очень серьезный соперник – бывший министр образования при Обрегоне и бывший ректор университета Хосе Васконселос. Это был блестящий интеллектуал, особенно популярный как раз среди студенческой молодежи. Именно студенты составляли основу многих предвыборных

[170] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/autobiografia/bibliografia.html

[171] Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 611.

[172] «Правда», 30.05.1929.

штатов Васконселоса на местах. Как оратор Васконселос наголову превосходил довольно бесцветного Ортиса Рубио.

Однако, имея довольно сумбурные взгляды как интеллектуал, Васконселос имел не менее иллюзорные воззрения как политик. Он считал, что стране не нужна оппозиционная партия. Достаточно иметь лишь яркого и преданного родине национального лидера (под которым Васконселос подразумевал самого себя) и группу сплоченных вокруг него единомышленников. Эта группа людей, готовая пожертвовать ради Мексики жизнью, и должна разбудить народные массы. Многие друзья Васконселоса, например основатель центрального банка Мексики и юрисконсульт советского полпредства Гомес Морин, открыто говорили Васконселосу, что его борьба в таком случае обречена на провал.

Пафосные и яркие речи Васконселоса, наполненные цитатами из мировой классики, конечно, производили огромное впечатление на образованную интеллигенцию. Но крестьянам и рабочим нужны были более приземленные материи. Программа же Васконселоса в общих чертах сводилась к тому, что Мексике нужна истинная демократия, без которой невозможно улучшение жизни людей.

Орган НРП газета «Эль Насиональ Революсионарио» с издевкой писала: «…страной нельзя управлять с помощью уроков литературы… НРП раздает не «Илиаду» (Васконселос на посту министра образования создавал в селах библиотеки, в которых была представлена непонятная абсолютному большинству населения мировая классика – прим. автора)… а 35 миллионов гектаров земли»[173].

Васконселос, наоборот, фактически призывал прекратить распределение земли, поскольку, как и Кальес, считал, что это вносит сумятицу в процесс производства и мешает инвесторам. Поэтому советский полпред Макар характеризовал Васконселоса как кандидата «порфиристов и католиков»[174].

Тем не менее Васконселосу удавалось собирать на митинги до 100 тысяч человек – явление, до той поры в Мексике невиданное. Избирателям очень импонировала критика Васконселосом продажной и коррумпированной «революционной» элиты, его призывы к моральному самоочищению тех, кто претендует на власть в стране. Сильной стороной самого Васконселоса было как раз то, что никто не мог упрекнуть его в использовании государственных постов для личного обогащения. Население Мексики на мотив популярной «Кукарачи» распевало:

Эй, депутаты, эй, депутаты,
вы осточертели нам,
но Васконселос, но Васконселос
вас повыгонит к чертям

Финансировал свою избирательную кампанию Васконселос в основном за счет помощи друзей. У НРП, наоборот, проблем с деньгами не было. Портес Хиль распорядился, чтобы каждый государственный служащий ежегодно отчислял в казну НРП свое жалованье за 7 дней.

Кандидат НРП Ортис Рубио ездил по стране как уже избранный президент и не снисходил до полемики со своим оппонентом.

Официальная и официозная пресса презрительно именовала Васконселоса «педантом», а его сторонников – сборищем «интеллектуалов, гомосексуалистов, буржуа, студентов, феминисток и фанатиков». Уже весной – летом 1929 года власти на местах перешли к

[173] Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 430.

[174] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 2.

активной тактике запугивания сторонников оппозиционного кандидата. Васконселосу пришлось несколько раз просить Портеса Хиля обеспечить ему свободу агитации. Президент неизменно соглашался помочь, но на местах избирательный процесс был в руках военных и гражданских властей, авторитетом для которых был не Портес Хиль, а Кальес.

Советский полпред Макар сообщал в Москву, что «умелой и ловкой работе государственного и избирательного аппарата… могли бы позавидовать многие европейские мастера по части фальсификации выборов. Этой тонкой работе – а где нужно было, конечно, не гнушались и физической силы – выборы обязаны также тем, что они прошли сравнительно спокойно и без значительного количества человеческих жертв… Или, как эпически повествуют здешние газеты: к счастью, выборы прошли в Мексико-Сити бескровно: было только 9 мертвых и до 20 раненых»[175].

Макар отмечал, что исход выборов зависит от позиции того или иного губернатора штата. А каждый из штатов является «фактически маленьким самостоятельным государством. Они являются самым сильным контролем в период выборов. Значительное количество штатов в этом отношении давно уже было отвоевано партией Кальеса – Ортиса Рубио, так называемой Национальной Революционной партией»[176].

Штаты зачищали с помощью так называемых камарасо – переворотов, которые организовывали местные палаты депутатов, по-испански «камарас». Парламент штата по тому или иному предлогу смещал с должности губернатора и обращался к президенту с просьбой утвердить это решение. Если президент соглашался с позицией депутатов, то в штате проводились новые выборы губернатора. Эту тактику Обрегон и Кальес уже использовали во время избирательной кампании 1923–1924 годов. В 1929 году таким образом были смещены губернаторы штатов Халиско и Дуранго. Макар отмечал: «…был намечен ряд других губернаторов к смещению. Но они быстро сдали свои позиции, и Президент Республики объявил, что не будет утверждать дальнейшие смещения»[177].

Не по зубам Кальесу оказался только губернатор Веракруса Техеда, которого поддерживали тысячи вооруженных крестьян. Как сообщал Макар, Техеду хотели сместить за «его радикализм и якобы благожелательный нейтралитет в пользу коммунистического кандидата Триана».

«Техеда, однако, слишком связан с Национальной Крестьянской Лигой и ее председателем Урсуло Гальваном. К тому же во время военного восстания он оказал Портес Хилю значительные услуги, подавив крестьянскими силами восстание братьев Агирре на юге. Наконец, его крестьяне еще не разоружены (и вряд ли будут разоружены), и Техеда представляет, таким образом, не только одну моральную или политическую силу. Техеду оставили в покое».[178]

Портес Хиль сохранил Техеду еще и потому, что вступил в свою собственную политическую игру. Временный президент к концу 1929 года рассматривал себя уже как самостоятельную политическую фигуру, и консервативные взгляды Ортиса Рубио ему не нравились. Поэтому Портес Хиль был отнюдь не против свободных выборов, понимая, что в таком случае Васконселос легко нанесет поражение бесцветному кандидату правящей партии. Но подобный результат не признали бы Кальес и его окружение. Такой расклад позволял Портесу Хилю сохранить президентскую власть.

Сторонники Васконселоса на местах тоже попытались сместить нескольких губернаторов. Естественно, в условиях засилья в палатах депутатов НРП у них ничего не вышло.

---

[175] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 1.

[176] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 2.

[177] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 2.

[178] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 3.

«Таким образом, – отмечал Макар, – губернаторы всех штатов (кроме Вера-Круса) явились простыми исполнителями правительственных предписаний и мероприятий во время предварительной кампании и самих выборов»[179].

Кальес всю вторую половину 1929 года был на лечении во Франции, однако твердо держал нити управления в штатах в своих руках через преданных ему губернаторов и генералов. Осенью 1929 года, видя рост популярности Васконселоса, правящая партия перешла от язвительной критики к прямым физическим атакам на сторонников оппозиционного кандидата.

Американский журнал «Тайм» описывал это следующим образом: «В Мексико-Сити молодой человек стоял на углу улиц и выкрикивал здравицу в честь кандидата Партии противников переизбрания Хосе Васконселоса, интеллектуала-борца, бывшего министра общественного образования. К нему подошла группа вооруженных людей, включавшая (как говорят) членов правительственной партии из Палаты депутатов и оснащенная пистолетами и камнями. Раздались пистолетные выстрелы, толпа рассеялась под градом камней, а молодой оратор остался сидеть на тротуаре, выплевывая сгустки крови. Его испуганные друзья по Партии противников переизбрания пытались найти убежище в близлежащем кинотеатре. Неожиданно откуда-то появился пулемет, очереди из которого стали отбивать штукатурку на дешевом фасаде кинотеатра, поливая свинцом кричащих от страха беглецов»[180].

Ряд известных в обществе мексиканских дам обратились к супруге посла США с просьбой помочь обеспечить свободные выборы. Миссис Морроу не ответила. Тогда дамы обратились к Кальесу с предложением, чтобы именно женщины, которые, в отличие от мужчин, не подвержены коррупции, так как не стремятся занять выгодные государственные должности, образовали избирательные комиссии. Кальес дал понять, что за спокойствие на избирательных участках ответит федеральная армия.

Итоги голосования в таких условиях были предсказуемыми, и Васконселос предупредил, что не признает результатов сфальсифицированных выборов и будет апеллировать к народу. Однако власти штатов понимали, что у Васконселоса нет позиций в армии, а значит, его призывы таковыми и останутся.

Макар так описывал механизм фальсификации выборов: «Если б нужны были еще какие-либо технические средства, чтоб обеспечить результаты выборов для кандидата самой сильной и организованной партии, то можно сказать, что даже избирательные урны – деревянные ящики с прорезом на крыше – были на стороне этой кандидатуры.

В самом деле, согласно избирательному закону Мексики, правительство не имеет никакого отношения к выборам, которые всецело предоставлены ведению народа. Первые пять лиц, присутствующие при открытии в 9 часов утра избирательных урн, являются избирательным комитетом данного участка. Понятно, что наиболее организованная и наилучше вооруженная партия овладевает таким образом избирательными ящиками; голосование имеет после этого ничтожное значение, так как урны во время голосования охраняются вооруженным отрядом, который просто не допускает неподходящего избирателя к голосованию. В одном из участков коммунисты были, во избежание слишком большого скандала, допущены к голосованию только после того, как они компактной массой «взяли штурмом» захваченную ортис-рубистами урну»[181].

Макар подчеркивал, что значительным фактором, определившим итоги выборов, была «молчаливая, но часто весьма реальная помощь… какую правительству Мексики оказали

[179] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 3.

[180] Time. 11.11.1929.

[181] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 4.

Соединенные Штаты, кандидатом которых был генерал Ортис Рубио, ставленник Кальеса, являющегося в настоящее время в свою очередь ставленником С. А. С. Штатов»[182].

Таким образом, голосование на президентских выборах 21 ноября 1929 года сюрпризов не принесло. За Ортиса Рубио высказались, согласно официальным данным, 93 % из пришедших (точнее, допущенных) на участки 2 082 106 избирателей. Васконселос получил всего 110 979 голосов и, как и обещал, выступил 10 декабря 1929 года с «Манифестом Гуайямаса», подписанным «избранный президент». В манифесте оппозиционный кандидат объявил себя президентом и призвал своих сторонников к оружию, чтобы защитить поруганные избирательные права. Сам он уехал в США, чтобы, как Мадеро в 1910 году, вернуться, когда в Мексике вспыхнет спонтанное восстание в его поддержку.

Но тут-то и сказалась основная ошибка Васконселоса – отсутствие своей партии и четкой организационной структуры избирательных комитетов на местах. Женщины и безоружные студенты, конечно, не могли составить никакой конкуренции регулярной армии. Вооруженные крестьяне в принципе были довольны аграрной политикой Портеса Хиля, а Васконселос ничего хорошего им не обещал. Поэтому никакого вооруженного восстания не произошло.

Кальес мог торжествовать победу – его только что созданная партия провела на пост президента именно того человека, которого и хотел он, «сильный человек» и «вождь мексиканской революции».

[182] Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 5.

Глава 2. «Максимат». 1930–1934 годы

Первую половину 30-х годов в Мексике можно смело назвать «максиматом» Плутарко Кальеса, хотя существуют и другие датировки этого периода (1928–1935, 1929–1934 годы и т. д.).

«Максиматом» принято именовать время, когда «главный вождь» революции («хефе максимо» по-испански) Плутарко Кальес, не занимая поста президента, определял внутреннюю и внешнюю политику Мексики. Тогдашние президенты не решались предпринимать крупных шагов, не посоветовавшись с Кальесом. Он принимал участие в заседаниях правительства и определял его состав. Заявления «хефе максимо» для прессы воспринимались властями как руководство к действию. Кальес мог заставить любого министра подать в отставку и заменить его более приемлемой для себя кандидатурой.

1929 год, по мнению автора, еще не подходит под определение «максимат», так как Портес Хиль был человеком относительно самостоятельным и не боялся спорить с Кальесом. К тому же первая половина 1929-го у Кальеса ушла на борьбу с военным мятежом и коммунистами, поэтому говорить о его безраздельной власти в стране не приходится. Во второй половине года Кальеса почти пять месяцев не было в стране.

В 1930–1934 годах лидером Мексики уже был именно Кальес, что признавали и иностранные послы. Почти все важные решения принимались на неформальных встречах министров, часто даже без участия президента страны, в многочисленных загородных резиденциях Кальеса, его друзей и родственников. Кальес стал выпивать и пристрастился к игре в гольф, в которую, естественно, должны были научиться играть и его соратники. «Сладкое обаяние» буржуазного образа жизни всецело поглотило былого революционера.

«Вертикаль» политической власти в Мексике того периода выглядела следующим образом: «хефе максимо» – НРП – депутатские группы в парламенте – президент. «Вертикаль» власти административной можно представить как «хефе максимо» – кабинет министров – президент[183]. Постоянно тасуя кадры (включая и президентов), Кальес препятствовал образованию коалиций видных политических деятелей, которые могли бы поставить под удар его доминирующее положение в стране.

Свою идеологическую линию Кальес тоже не скрывал: хватит реформ, революция закончилась, страна нуждается в капитале (прежде всего иностранном) для эволюционного развития.

В июне 1929 года, расправившись с основными смертельными врагами (коммунистами и генералами-обрегонистами), Кальес произнес речь, в которой заявил, что революция пока не состоялась в политической сфере[184]. Да, необходимые социально-экономические реформы революционные правительства провели, но они не смогли дать стране демократию и обеспечить полноценное участие населения в процессе формирования органов власти. Кальес повторил свой тезис, выдвинутый в сентябре 1928 года: необходимо обеспечить «реакции» парламентское представительство.

Таким образом, Кальес фактически призвал к «поправению» внутриполитического спектра страны, что шло вразрез с настроениями подавляющего большинства мексиканцев, которые считали, что революция не изменила именно экономического уклада их жизни.

Пока Кальес почти всю вторую половину 1929 года лечился в Европе, откуда привез еще более консервативные взгляды, особенно на аграрную реформу, в мексиканском парламенте обострились противоречия между сторонниками Портеса Хиля и Ортиса Рубио.

[183] Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 101.

[184] Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 94.

Первых называли «красными», вторых – «белыми». Ортис-рубистам удалось заблокировать рассмотрение в Конгрессе трудового кодекса, но большинство депутатов поначалу шли за «красными». Однако с течением времени все больше и больше депутатов переходили на сторону «белых»: ведь Портес Хиль уходил, а его место должен был занять Ортис Рубио. В этих условиях многие депутаты спешили оказаться на стороне победителя. Формально и «красные», и «белые» были членами одной партии – НРП.

В декабре 1929 года, после президентских выборов, «белым» удалось взять под контроль ключевой парламентский орган – постоянную комиссию, где, собственно, и рассматривались все законопроекты. Однако приехал Кальес[185], и ему не понравилось, что свежеизбранный президент получает подконтрольное именно ему парламентское большинство. Через НРП «хефе максимо» восстановил баланс политических сил, и Ортису Рубио пришлось сделать своего основного противника Портеса Хиля министром внутренних дел, то есть вторым человеком в кабинете. До этого назначения Портес Хиль намеревался уехать в Европу, но не имел на это денег. Когда он неохотно обратился за содействием к новому президенту, тот, к удивлению Портеса Хиля, предложил ему пост министра. Рука Кальеса была налицо.

О степени влияния старого президента на нового говорит хотя бы тот факт, что 3 декабря 1929 года под предлогом лечения Ортис Рубио выехал в США, чтобы встретиться там с возвращавшимся из Европы Кальесом и заручиться его поддержкой в развернувшейся в парламенте склоке между «красными» и «белыми». Однако Кальес решил по-своему и поручил президенту НРП Мануэлю Пересу Тревиньо, который сопровождал Ортиса Рубио в США, восстановить баланс. Вернувшийся в Мексику Тревиньо взялся за дело в жесткой манере, невиданной до сих пор в Мексике при обращении с парламентариями. Когда несколько «белых» не подчинились партийной дисциплине и попытались оттеснить «красных» из некоторых важных комиссий Конгресса, Тревиньо распорядился исключить из партии 9 сенаторов и 8 депутатов[186].

После этого Ортис Рубио смирился со своей второстепенной ролью, что и проявилось при формировании его кабинета. На постах военного министра и министра финансов опять остались те люди, которых Кальес передал в наследство еще Портесу Хилю, – генерал Амаро и Монтес де Ока. Первый обеспечивал лояльность армии, второй – консервативную и угодную США линию в социально-экономической политике. Сельским хозяйством стал заниматься бывший лидер НРП консерватор-кальист Мануэль Перес Тревиньо. Аарону Саенсу достался утешительный приз – пост министра образования[187]. Министром иностранных дел стал «технократ» Эстрада, который не имел собственных политических амбиций.

Политическая элита еще больше убедилась в незаменимости Кальеса как верховного арбитра различных фракций «революционной семьи» в первый же день пребывания у власти нового президента Ортиса Рубио.

По примеру Портеса Хиля 5 февраля 1930 года Ортис Рубио также принес присягу на стадионе в присутствии десятков тысяч избирателей и выступил с программным заявлением. Когда в 13.40 президент покинул Национальный дворец в сопровождении супруги, чтобы оправиться домой после напряженного дня, человек по имени Даниэль Флорес шесть раз выстрелил в него из пистолета. Президент и супруга получили ранения, но их жизнь была вне опасности.

Ранее Ортис Рубио получал немало угроз и предупреждений анонимных доброжелателей, что на него готовится покушение. Примечательно, что в большинстве «сигналов»

---

[185] Он находился за пределами страны с 26 июля по 19 декабря 1929 года.

[186] Medin T. El minimato presbdencial: historia politica del Maximato 1928-1935. Mexico, 1982. P. 81.

[187] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/autobiografia/bibliografia.html

организаторами будущего убийства назывались соратники Портеса Хиля и левонастроенные политики – Марте Гомес, губернатор Веракруса Техеда и лидер аграристов из штата Сан-Луис-Потоси Седильо. У Ортиса Рубио должно было создаться впечатление, что Портес Хиль жаждет его смерти. За всеми этими интригами четко просматривается рука Кальеса, стремившегося сделать из двух президентов (бывшего и нынешнего) смертельных врагов в прямом смысле этого слова. Исполнителями же покушения, согласно ряду сигналов, должны были стать коммунисты, недовольные правительственными репрессиями в свой адрес. Таким образом, покушение «левых» на только что избранного президента давало кальистам возможность избавиться от Портеса Хиля, окончательно ликвидировать компартию и накрепко привязать «спасенного» Ортиса Рубио к колеснице «хефе максимо».

Сам Ортис Рубио верил этим слухам, тем более что Седильо лично просил его обеспечить в будущем правительстве места для своих единомышленников (например, заместителя министра общественного развития, отвечающего за сельское хозяйство).

За покушением явно стояли высокопоставленные лица: была почему-то снята обычная охрана президентского дворца, и преступник спокойно ждал, пока президент приблизится к ожидавшей его машине.

Известие о покушении застало министра внутренних дел Портеса Хиля, когда он направлялся в парк Чапультепек прогуляться. Министр издал циркуляр, призывавший всех революционеров сплотиться перед лицом угрозы (чего хотел и Кальес, с той только разницей, что сплотиться надо было именно под его руководством).

Портес Хиль поручил расследование своему стороннику, главе полиции безопасности Валенте Кинтане, хотя за день до этого он официально сложил свои полномочия в связи с вступлением в должность нового президента. Это было, по меньшей мере, странно. Портес Хиль аргументировал свое решение тем, что новый начальник полиции Пуиг Касауранк (друг Диего Риверы) еще не успел принести присягу. Узнав об этом, Ортис Рубио принял присягу нового шефа полиции в больнице прямо перед операцией, прежде чем погрузиться в наркоз[188].

После покушения дни Портеса Хиля в правительстве были сочтены, так как Ортис Рубио верил, что именно бывший президент решил от него избавиться. Все это отвечало замыслам Кальеса, если не было их прямым результатом. Были сообщники и в президентском дворце: когда супруга президента решила ехать в закрытой машине вместо открытой, она ясно слышала, как кто-то рядом воскликнул: «Не удалось!»[189]

[188] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 84.

[189] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 83.

Паскуаль Ортис Рубио, президент Мексики в 1930–1932 годах

Позднее Ортис Рубио пришел к выводу, что за покушением, скорее всего, стоял сам Кальес, который привлек для разработки плана сторонника Васконселоса Вито Алессио Роблеса и Марте Гомеса, кальиста, стоявшего близко к Портесу Хилю. Таким образом, Кальесу удалось скомпрометировать сразу нескольких своих врагов.

Сам Кальес, посетивший раненого президента в больнице, выразил мнение, что за покушением стоят клерикалы. Для такой точки зрения был формальный аргумент: примерно год назад казнили убийцу Обрегона Тораля, и клерикалы совершили покушение на тогдашнего президента Портеса Хиля. Теперь-де они просто отмечают годовщину смерти своего «мученика».

Покушение, скорее всего, непосредственно организовал генерал Эулохио Ортис, командующий войсками в долине Мехико, человек Кальеса. Именно в те дни генерал расстрелял без суда и следствия ряд лиц, которым инкриминировалась подготовка вооруженного мятежа. На самом деле эти люди были соучастниками покушения. В Сан-Луис-Потоси, где властвовал Седильо, были расстреляны братья покушавшегося, которые тоже, видимо, могли пролить свет на подготовку преступления.

Власти пытались обвинить в покушении на президента и компартию, которая якобы действовала по наущению Портеса Хиля[190]. Была арестована и выслана из страны Тина Модотти. Сидевшего в тюрьме Сикейроса неожиданно доставили в Национальный дворец, где начальник президентской гвардии генерал Лагос Часаро прямо в лоб спросил его, почему он так ненавидит президента. Узник ответил, что для него Ортис Рубио всего лишь шестеренка (и не самая важная) в социальной машине Мексики. И если она не будет вращаться куда надо, у нее сломаются зубцы. Аналогия была рискованной, и генерал мог не понять аллегории: во время покушения одна из пуль попала Ортису Рубио в рот и повредила зубы. Однако Часаро шутка понравилась, и он злорадно захихикал. Генерал сказал, что организаторы покушения установлены, а мексиканским коммунистам надо вернуться в лоно своей, национальной революции. К тому же это сильно поможет карьере Сикейроса как художника. Лидер коммунистов на сделку не пошел и был доставлен обратно в камеру[191].

Позиции Портеса Хиля в результате покушения были серьезно подорваны. Теперь ничто не мешало приступить к его политическому демонтажу.

Уже на первом же заседании нового кабинета 20 марта 1930 года возник принципиальный конфликт между Портесом Хилем и Кальесом, который, собственно, вообще не имел права на этом заседании присутствовать. Кальес потребовал полностью прекратить аграрную реформу, так как она вносит беспорядок в национальную экономику и отпугивает инвесторов. По словам Портеса Хиля, именно в этот момент он решил, что Плутарко Кальес – человек, потерянный для революции[192]. Портес Хиль решился возразить «вождю» и заявил, что проводить реформу обязывает Конституция. Для Ортиса Рубио шаг назад в этом вопросе означал бы полную потерю престижа среди населения в первые же дни пребывания у власти. На запрос Портеса Хиля министр финансов Монтес де Ока ответил, что еще 15-20 тысяч деревень не получили землю.

По воспоминаниям Портеса Хиля, Кальес продолжил дискуссию в «напористом» тоне, заявив, что аргументация министра внутренних дел несерьезна и носит демагогический характер. Если распределение земель не будет прекращено, то мексиканскую экономику ждет катастрофа.

Позицию Кальеса поддержали министр финансов Монтес де Ока и Касауранк. Они в один голос говорили, что капиталу (прежде всего иностранному) нужны гарантии прав собственности.

Однако и Портес Хиль оказался в кабинете министров не в полном одиночестве: на его сторону встали министры промышленности и сельского хозяйства – Луис Леон и Мануэль Перес Тревиньо. Ортис Рубио, который как президент должен был подвести итог обсуждению столь принципиального вопроса и принять решение, только констатировал наличие различных точек зрения в правительстве.

25 апреля 1930 года правительство опять обсуждало аграрную реформу, и Кальес в ироничном тоне распространялся насчет радикализма Портеса Хиля. К тому времени, по мнению Портеса Хиля, Ортис Рубио стал склоняться на сторону латифундистов, и Сенат (парламент был радикальнее правительства), отражая растущее недовольство крестьянства, которое точно предсказал Макар, потребовал смещения главы Национальной аграрной комиссии Элпидио Родригеса.

---

[190] В США и на Западе в целом было распространено мнение, что Портес Хиль – опасный радикал. Например. в британском Форин-офис его считали «последней надеждой коммунистов в Мексике». Такая оценка англичан была связана с тем, что Портес Хиль начинал свою карьеру адвоката в Тампико как защитник интересов рабочих во время их судебных споров с иностранными нефтяными компаниями.

[191] Stein P. Siqueiros: his life and works. International Publishers and Co, 2004. P. 69.

[192] Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/autobiografia/bibliografia.html

Ортис Рубио обратился к Кальесу за разрешением убрать Портеса Хиля из правительства (якобы потому, что Портес Хиль был рекомендован в кабинет тем же Кальесом). Министр внутренних дел, дескать, высказывается по важным вопросам без ведома президента и ведет собственную игру в мексиканском конгрессе против правительства[193].

Кальес решил, что Портес Хиль не должен занимать ключевой пост в кабинете министров, и 22 апреля 1930 года бывший временный президент стал лидером НРП[194]. На пост министра внутренних дел был назначен верный кальист Карлос Рива Паласио[195]. Таким образом, интрига «хефе максимо» полностью удалась: Ортис Рубио, совершив ошибку, сам убрал из кабинета человека, который мог бы противостоять влиянию Кальеса на правительство.

Обиженный Портес Хиль начал с удвоенной энергией интриговать против президента в палате депутатов и 2 мая 1930 года добился избрания на пост главы постоянной комиссии парламента своего сторонника, сместив креатуру Ортиса Рубио.

Большую активность проявил Портес Хиль и на посту лидера НРП, которую открыто называл «правительственной партией». «Мы не будем обманывать общественное мнение, как его обманывали в прежние времена, утверждая, что НРП – независимая партия. Совершив революцию, правительство нуждается в органе агитации и защиты, и НРП гордится тем, что является этим органом агитации и защиты правительства»[196].

Аккумулировав огромные деньги путем установления обязательных отчислений в партийный фонд для всех государственных служащих, Портес Хиль решил с помощью этих средств развернуть широкую социальную работу и поднять тем самым свою популярность. Все госслужащие были застрахованы за счет средств НРП. Затем за счет партии было нанято некоторое количество врачей для оказания государственным служащим медицинской помощи. Странно только, что такими вещами занимался не сам работодатель – государство, а общественная организация.

На деньги НРП каждое воскресенье в 11.00 утра Портес Хиль предложил проводить одновременно по всей стране «культурные конференции», на которых все желающие смотрели бы музыкальные и песенные номера и решали местные вопросы. Несомненно, таким образом НРП хотела еще и отвадить мексиканцев от посещения церквей. Лучшие «конференции» предполагалось передавать по радиостанции, которую партия собиралась приобрести.

Для рабочих НРП собиралась создать культурные центры, где после работы можно было бы послушать лекции, заняться спортом и музыкой, приобрести ремесленные навыки. Только в столичном федеральном округе в 1930 году планировалось учредить 5 таких центров.

В деревни НРП хотела направить так называемые амбулаторные социальные миссии. В каждую из них должны были входить пять учителей, чтобы научить крестьян читать и писать, и акушерка и медсестра, чтобы обучить сельских женщин мерам первой помощи и содействию при родах. К тому же в миссию входил преподаватель профессиональных ремесленных навыков, специализация которого должна была отвечать традиционным ремеслам в данной конкретной местности.

Наконец, на деньги НРП предполагалось создать Музей революции и Рабоче-крестьянский университет, для того чтобы готовить «организаторов» для профсоюзного и крестьян-

---

[193] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 87.

[194] Тогдашний лидер НРП и бывший посол в СССР Вадильо, по мнению Ортиса Рубио, был «аморфным» и с работой не справлялся.

[195] В 1931 году он был вынужден подать в отставку, так как его обвиняли в контрабанде наркотиков в США.

[196] См. речь Портеса Хиля от 27.05.1930 на сайте www.memoriapoliticademexico.org

ского движения. Таким образом НРП собиралась подмять под себя сохранившие независимость рабочие и крестьянские организации.

Чтобы подчеркнуть приверженность НРП демократическим принципам, Портес Хиль провозгласил, что выборы в Конгресс 1930 года будут последними, на которых НРП поддержит уже действующих депутатов. На следующих выборах будет проведена обязательная ротация, и в парламент придут новые люди.

Активная деятельность и амбиции Портеса Хиля не устраивали Кальеса, и, убрав бывшего президента из правительства, «хефе максимо» решил окончательно подорвать его авторитет, действуя через своего друга и смертельного врага Портеса Хиля, профессионального провокатора Моронеса. Лидер КРОМ выступил 9 июня 1930 года с сенсационным заявлением: будучи временным президентом, Портес Хиль якобы направил в Лос-Анджелес сотрудников Министерства внутренних дел, чтобы те убили Ортиса Рубио (на тот момент кандидата в президенты).

Ортис Руио отнесся к заявлению Моронеса более чем серьезно и направил в Лос-Анджелес полковника Хавьера Ордоньеса с целью расследования обстоятельств возможного заговора. Тот вернулся с пустыми руками. Однако слухи о заговоре Портеса Хиля продолжали исподволь запускаться в оборот, в том числе и людьми, близкими к президенту.

В этих условиях Портес Хиль решил поставить все точки над «i» и 10 июня 1930 года обратился к Ортису Рубио с официальным письмом, в котором просил президента публично высказаться насчет обвинений Моронеса. Копии послания были направлены министрам иностранных и внутренних дел. Все трое ответили «дорогому другу» Портесу Хилю, что никаких данных, подтверждающих версию Моронеса, не существует[197].

13 июня сам Портес Хиль направил в газеты свою реакцию на обвинения Моронеса, подчеркнув, что больше в полемику с человеком такого рода вступать не будет. Тот, однако, продолжал открыто обвинять Портеса Хиля в причастности к возможному убийству Ортиса Рубио. Было понятно, что без санкции Кальеса сильно ослабленный «деморонизацией» КРОМ Моронес так напористо выступать бы не стал.

Вскоре он выступил с новой порцией «разоблачений», на сей раз обвинив Портеса Хиля в организации подрывного коммунистического движения на Кубе против тамошнего диктатора Мачадо.

Портес Хиль в долгу не оставался, что и нужно было Кальесу В одной из своих речей лидер НРП назвал лидера КРОМ «политическим трупом» и самозваным «апостолом рабочего движения», который разбогател, используя занимаемые им государственные должности. Портес Хиль потребовал у Моронеса отчета о том, куда делись собранные с членов профсоюза деньги, предназначавшиеся для формирования уставного капитала банка КРОМ, который так и не был создан. Кроме того, Портес Хиль («мои руки не запачканы ни кровью, ни деньгами») обвинил Моронеса в создании в стране атмосферы ненависти, которая привела к убийству Альваро Обрегона.

В конце июля 1930 года, как вспоминал Портес Хиль, его политическое положение стало невыносимым из-за постоянных атак членов правительства, близко стоявших к Кальесу (Рива Паласио, Монтес де Ока, Пуиг Касауранк).

В этих условиях Портес Хиль не хотел служить вывеской для «хефе максимо», дисциплинируя все еще довольно неоднородную НРП. Опираясь на депутатов из ее числа, он прибирал к рукам Конгресс, который становился центром оппозиции правительству. В палате депутатов ходили упорные слухи о предстоящей отставке президента. Кальист Пуиг Касауранк докладывал Кальесу, что динамичный и амбициозный Портес Хиль превратил НРП в

[197] Portes Gil E., Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/…/autobiografia/bibliografia.html

силу, представляющую угрозу для главы государства. В данном случае Кальес решил стать на сторону слабого Ортиса Рубио и сместить Портеса Хиля с поста лидера правящей партии.

Тому ничего не оставалось, как уйти в отставку добровольно. Повод представился после ужасных даже с точки зрения тогдашней мексиканской действительности событий в городке Топилехо, штат Пуэбла, недалеко от столицы. Еще в январе 1930 года, когда Портес Хиль был временным президентом, полиция арестовала в Мехико 18 молодых сторонников Васконселоса. Их подвергли жестоким пыткам, включая симуляцию расстрела, и на армейских грузовиках отвезли в окрестности Топилехо, где заставили выкопать собственные могилы. Затем васконселисты были повешены и в спешке захоронены[198]. 9 марта их могилы случайно обнаружил местный крестьянин.

Странно, что Портес Хиль решил использовать эти события для критики правительства в августе 1930 года. Ведь до этого он привел НРП (которую открыто назвал «правительственной партией) к победе на выборах в Конгресс. 5 октября 1930 года Ортис Рубио неожиданно даже для Кальеса назначил своего человека Эрнандеса Часаро начальником столичного округа, возглавлявшего в Мексике по должности всю полицию. На кальистов это известие произвело эффект разорвавшейся бомбы Портес Хиль предпочел не только сложить полномочия лидера НРП, но и уехать из Мехико в свой родной штат Тамаулипас, видимо, опасаясь за свою жизнь. Из Тампико Портес Хиль попросил Кальеса срочно назначить его послом во Францию. «Хефе максимо» возражать не стал, и в октябре 1930 года Портес Хиль покинул Мексику.

Лидером НРП стал земляк Ортиса Рубио, уроженец штата Мичоакан генерал Ласаро Карденас, отличившийся при подавлении мятежа Эскобара и считавшийся в то время одним из самых преданных «хефе максимо» людей. Тогда Карденас считал Кальеса «главным представителем мексиканской революции». В свою очередь, Кальес полагался на Карденаса, протежируя его армейскую карьеру. Во время октябрьского кризиса 1930 года Карденас писал Кальесу, что только он может разоблачить козни врагов революции и предотвратить катастрофу страны[199]. Через 6 дней после того, как он написал это письмо, Карденас был назначен лидером НРП.

Новый лидер правящей партии заявил, что его задачей является оказание всяческой поддержки президенту республики. Немедленно успокоились и депутаты в палате представителей, выразив готовность работать рука об руку с правительством. Из парламента были удалены «красные» – сторонники Портеса Хиля, которые протестовали против нового соглашения об обслуживании мексиканского внешнего долга, заключенного в июле 1930 года в США. Из названия партийной газеты «Эль Насиональ Революсионарио» убрали последнее слово, и «Национальная» газета стала без удержу славословить «верховного вождя» Кальеса. В стране явно наметился поворот в сторону более консервативной, охранительной политики.

Таким образом, в течение 1930 года Кальес руками Ортиса Рубио добился устранения с политической арены Мексики Портеса Хиля, который стал слишком самостоятельным и вышел из-под контроля верховного вождя революции. Но если кризис осени 1930 года был скорее спровоцированной Кальесом бурей в стакане воды, то в том же году Мексика почувствовала жестокий удар настоящего кризиса – мировой экономической депрессии.

Еще при диктатуре Диаса Мексика превратилась в страну, ориентированную на вывоз минерального сырья и сельскохозяйственных технических культур в США. Революция в этом отношении ничего не изменила. Наоборот, если в последние годы правления Диаса

---

[198] Buchenau J., Beezley W. H. State governors in the Mexican Revolution 1910–1952. Rowman and Littlefeld Publishers Inc, 2009. P. 160–161.

[199] Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 94.

правительство Мексики пыталось переориентировать внешнюю торговлю хотя бы частично на Европу, то при революционных правительствах доминирование американцев в мексиканской экономике стало безусловным, причем многие лидеры революции, включая Обрегона, непосредственным образом участвовали в коммерческих гешефтах с янки.

Пока американская экономика переживала в 20-е годы эру «процветания», рос и объем мексиканской внешней торговли. Все изменилось после краха на нью-йоркской бирже в октябре 1929 года. ВВП США стал сокращаться стремительными темпами, увлекая в пропасть экономику южного соседа.

В 1929 году объем мексиканского экспорта, который практически полностью шел в США, составлял 590 миллионов песо, в 1930 – лишь 459 миллионов. В 1931 году вывоз сократился до 399 миллионов песо[200]. Особенно пострадал экспорт металлов, на который в 1930 году приходилось 323 миллиона песо. Если в 1928 году Мексика вывезла за границу 1972 тонны серебра (по добыче этого металла страна занимала первое место в мире), то в 1930 – только 1837 тонн[201].

Вторым основным источником бюджетных поступлений для мексиканского правительства были добыча и экспорт нефти, которые осуществляли иностранные компании. Добыча «черного золота» сокращалась уже начиная с 1921 года, когда американцы стали интенсивно разрабатывать нефтяные месторождения в других странах, прежде всего в Венесуэле. Кризис, сократив спрос, только усугубил эту неблагоприятную тенденцию. В 1928 году в Мексике было добыто 45 миллионов баррелей сырой нефти, в 1930-м – 40 миллионов, а в 1931 году – 33 миллиона.

Еще более сильный удар мировой кризис нанес по производству цветных металлов, которые ранее охотно потребляло американское автомобилестроение. В 1929 году в Мексике было выплавлено 80 тысяч тонн меди, в 1931-м – уже только 54 тысячи, а в 1932-м (пик кризиса в США) – 35 тысяч.

Резко сократился экспорт свинца: с 248 500 тонн в 1929 году до 118 700 тонн в 1933-м.

В целом в 1929–1932 годах мексиканская внешняя торговля упала на две трети.[202] ВВП Мексики сократился за этот период на 16 %[203]. Причем уже в первый год кризиса – то есть в 1930 году – он упал на 12,5 %. Только спустя пять лет мексиканский ВВП смог вернуться на докризисный уровень.

Это, в свою очередь, не замедлило сказаться на рынке труда: в Мексике стала сильно расти безработица. В 1930 году официально были зарегистрированы 90 тысяч безработных, а годом позже – уже 287 тысяч. В 1932 году работы не имели 340 тысяч мексиканцев. Проблему усугубило то, что США, приняв специальный закон, фактически стали выдворять из страны мексиканских гастарбайтеров. В Мексику из США вернулись 300 тысяч человек.

Но если безработных в промышленности хотя бы регистрировали, то сельскохозяйственных рабочих, лишившихся заработка, вообще никто не считал. Между тем только посевная площадь под важнейшей экспортной культурой – хлопком сократилась с 203 тысяч га в 1928 году до 77 тысяч га в 1932 году[204].

Как ни странно, удар мирового экономического кризиса смягчило то обстоятельство, что мексиканская экономика была еще очень отсталой. Большинство крестьян и ремесленников работали на себя, и лишь немногие – на внутренний рынок. Аграрная реформа, в ходе которой возникло много малоземельных хозяйств, только усилила эту тенденцию. В экс-

---

[200] Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 371.

[201] Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 26.

[202] Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press, 1998. P. 246.

[203] The Cambridge History of Latin America. Volume VII. Edited by Leslie Bethel. Cambridge University Press, 1990. P. 9.

[204] Очерки новой и новейшей истории Мексики, М., 1960. С. 373.

портном секторе экономике 3 % занятых от общего числа промышленных рабочих производили две трети экспортной продукции. К тому же цены на серебро и нефть упали на мировом рынке не так сильно, как стоимость других сырьевых товаров.

Тем не менее падение производства и сокращение занятости естественно вели к снижению реальной заработной платы. Это снижение отмечалось уже начиная с 1927 года, и кризис только усугубил ситуацию. Например, британская нефтяная компания «Мексикэн Игл» («Эль Агила») на своих предприятиях в Тампико снизила зарплату на 20–40 %. Вынуждены были смириться с простоями и сокращением заработной платы и текстильщики Орисабы. В Лагуне, главном центре мексиканского хлопководства, ориентированном на США, в 1931 году было 7397 безработных, а в 1932 году – 13 026[205].

Особенно сильно от кризиса пострадали сельскохозяйственные рабочие. В 1928 году их средняя дневная заработная плата достигла 1,08 песо, но затем начала снижаться и в 1931 году не превышала 0,69 песо.

Первоначально правительство Мексики даже обрадовалось кризису, так как многие думали, что он ограничится чисто финансовой сферой и затронет только западные фондовые биржи. В первой половине 1930 года этот прогноз, казалось, подтверждался. В США ощущалась острая нехватка ликвидности для реальной экономики. Англия прекратила обслуживать свои военные долги по отношению к американским банкам.

Мексиканское правительство, опасаясь дальнейшего сокращения доходов от экспорта, было вынуждено девальвировать национальную валюту с 2,648 песо за доллар в 1931 году до 3,498 песо за доллар в 1933-м.

В этих условиях министр финансов Монтес де Ока с санкции Кальеса в 1930 году решил выступить с предложением о новом урегулировании проблемы внешнего долга страны. Как мы помним, базовое соглашение по этому вопросу было подписано министром финансов де ла Уэртой с Международным банковским комитетом (представлявшим иностранные банки – кредиторов Мексики) в 1922 году. Оно установило общую сумму мексиканского внешнего долга и обязанность правительства Мексики его погашать. Однако уже в 1923 году из-за мятежа того же де ла Уэрты правительство Обрегона приостановило обслуживание долга. При Кальесе в 1925 году соглашение 1922 года было модифицировано: из общей суммы внешнего долга был выведен долг железных дорог, который стал внутренним.

Большая часть мексиканского внешнего долга представляла собой облигации, выпущенные в разное время разными мексиканскими правительствами и гарантированные иностранными банками. Часть облигаций была обеспечена экспортными доходами Мексики, часть – только гарантиями западных банков по отношению к частным инвесторам, приобретавшим эти облигации.

Помимо внешнего «облигационного» долга Мексика была вынуждена пойти на создание смешанных комиссий с ведущими западными странами (в частности, с США, Германией и Великобританией), которые рассматривали претензии граждан этих стран по ущербу, причиненному их имуществу в Мексики в годы революции.

Наконец, существовала и третья группа обязательств Мексики, формально внешним долгом не являвшаяся, но фактически ставшая основным предметом внимания и давления со стороны правительства США. Речь идет об обязательстве правительства Мексики компенсировать собственникам стоимость земель, конфискованных у них в ходе аграрной реформы. Среди такого рода собственников было много граждан США, в то время как среди владельцев облигаций мексиканского внешнего долга большинство составляли граждане европейских стран.

[205] Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 28.

Посол США в Мексике Морроу все время давил на Кальеса и Монтеса де Оку, чтобы собственникам земель были выплачены «живые деньги» (до этого времени мексиканское правительство расплачивалось с помещиками облигациями). Это и вызвало спор между Кальесом и Портесом Хилем в конце 1928 года, когда Монтес де Ока предложил направить на компенсацию «жертвам» аграрной реформы 10 миллионов песо. «Друг» Мексики Морроу сообщал в госдепартамент, что раз у Мексики есть средства на строительство школ и дорог, то оно должно наконец компенсировать и ущерб гражданам США, потерявшим земли в ходе аграрной реформы.

Такая позиция полностью поддерживалась государственным департаментом США, но не устраивала Международный банковский комитет, который, естественно, предпочитал, чтобы Мексика сначала погасила облигации внешнего долга.

В 1928 году Международный банковский комитет направил в Мексику экспертов для изучения финансового положения страны. Эксперты предложили, чтобы Мексика существенно сократила военные расходы, полностью прекратила строительство автодорог и плотин (в условиях засушливого климата на части территории страны ирригация была вопросом жизни и смерти для сельского хозяйства) и сократила до минимума расходы на образование. В этом случае можно было бы получить с Мексики в счет уплаты внешнего долга по 30 миллионов песо в год с постепенным увеличением этой суммы до 70 миллионов в 1932 году.

Однако в 1928 году мексиканцы опять объявили мораторий на обслуживание внешнего долга. Но начало мирового финансового кризиса побудило Монтеса де Оку взять инициативу в свои руки. Мексиканское правительство предложило Международному банковскому комитету сократить общую сумму долга в обмен на начало его обслуживания (то есть провести реструктуризацию долга). В дополнение к этому правительство Мексики обязалось прогарантировать уже всю сумму нового долга доходами от своего экспорта.

Монтес де Ока воспользовался тем, что всю первую половину 1930 года «проконсул» Морроу отсутствовал в Мехико, и решил начать переговоры с Международным банковским комитетом в обход посольства США и госдепартамента.

Международный банковский комитет (по-прежнему возглавлявшийся представителем банкирского дома Моргана Ламонтом) с готовностью ухватился за предложение мексиканцев: у западных банков, входивших в комитет, из-за начавшегося кризиса не было денег, и они согласились на уступки.

В результате непродолжительных переговоров в Нью-Йорке Ламонт и Монтес де Ока 25 июля 1930 года подписали новое соглашение по обслуживанию внешнего долга Мексики. Общая сумма долга устанавливалась в 267 493 240 долларов и подлежала погашению в течение 45 лет при процентных ставках в 3–5 % годовых. Накопившиеся проценты за прошлые периоды, составлявшие примерно такую же сумму, как и сам новый внешний долг, были практически полностью списаны: Мексика должна была выплатить по ним только 11,755 миллиона долларов. Мексика обязалась первоначально уплачивать в счет погашения долга по 12,5 миллиона долларов ежегодно (затем эта сумма повышалась) и выплатить немедленно после подписания соглашения 5 миллионов долларов в счет погашения процентов[206]. Следует подчеркнуть, что все платежи должны были осуществляться в золотых долларах, в то время как валюта Мексики, песо, имела в то время серебряный паритет. Все долги Мексики отныне гарантировались доходами от мексиканского экспорта (которые в первой половине 1930 года еще не сокращались).

Вернувшийся в Мексику Морроу понял, что его обвели вокруг пальца, и начал активную борьбу против ратификации соглашения.

[206] Vázquez J. Z., Meyer L. The United States and Mexico. Chicago, 1995. P. 140.

В беседе с Ортисом Рубио он подчеркнул, что любое соглашение должно касаться всех держателей облигаций, а Международный банковский комитет обслуживал в основном интересы европейцев. Ортис Рубио был вынужден пообещать, что внесет на ратификацию только всеобъемлющее соглашение по долгу, частью которого будет соглашение Монтес де Ока – Ламонт.

Однако главной причиной резкого несогласия Морроу с оглашением было то, что в США хотели первоочередного обслуживания Мексикой претензий американцев, пострадавших в годы революции, прежде всего от аграрной реформы. Общая сумма претензий такого рода, которые рассматривала совместная американо-мексиканская комиссия, достигала 100 миллионов долларов.

Морроу опасался, что мексиканцы теперь будут отказывать в удовлетворении ущерба со ссылкой на заключенное соглашение об обслуживании внешнего долга. Между Морроу и Ламонтом завязалась довольно резкая по тону переписка, в которой оба ссылались на «философские» различия своих позиций. В конце концов, Морроу решил, что правительство Мексики следует признать банкротом, как поступили англичане с Египтом в XIX веке. Аналогия эта для Мексики была крайне опасной: ведь за признанием Египта банкротом последовала оккупация английскими войсками этой страны под предлогом обеспечения обслуживания внешнего долга. Мексика уже проходила нечто подобное в 1861–1867 годах, и тогда иностранная интервенция стоила стране десятков тысяч потерянных жизней.

Особенно возмутило «проконсула» то обстоятельство, что, когда он встречался в конце июня в Нью-Йорке с Монтесом де Ока (Морроу считал министра финансов Мексики чуть ли не своим учеником), тот твердо пообещал учитывать в соглашении интересы всех держателей облигаций, включая и тех, кого не представлял Международный банковский комитет[207]. Получалось, что ученик просто-напросто обманул своего учителя.

Морроу пытался побудить госдепартамент торпедировать соглашение Мон тес де Ока – Ламонт и заставить Мексику признать убытки американских граждан за годы революции частью суверенного внешнего долга страны.

При этом посольство США исходило из того, что Мексика все равно не погасит заявленные требования о компенсации ущерба в полном объеме. Практика работы совместной германо-мексиканской комиссии по оценке ущерба немецких граждан в годы революции показывала, например, что Мексика изъявила готовность выплатить только 7,65 % от первоначально заявленной немцами суммы убытков. Поэтому посольство предлагало перед ратификацией соглашения Монтес де Ока – Ламонт мексиканским Конгрессом или одновременно с ней заставить Мексику признать обязательство о выплате как минимум 12,5 % от стоимости заявленного ущерба в отношении граждан США[208].

«Друг» Мексики Морроу (человек, по мнению Портеса Хиля, очень культурный и вежливый, в отличие от советского полпреда Макара) в донесениях в госдепартамент выражал возмущение уступками Ламонта мексиканскому правительству. Если по соглашению 1922 года Мексика должна была уплатить банковскому комитету в 1928–1931 годах примерно 240 миллионов песо золотом (золотое песо равнялось тогда одному доллару США), то в 1928 году Монтес де Ока предлагал уплатить примерно 71 миллион песо в 1929–1931 годах. Теперь и эта сумма резко сокращалась: до 1 января 1932 года Мексика соглашалась уплатить 25 миллионов песо золотом, что и было зафиксировано в соглашении от 25 июля 1930 года.

6 октября 1930 года госсекретарь США направил Ламонту официальный меморандум, в котором критиковал его соглашение с Монтесом де Окой как ущемляющее интересы других категорий лиц, имеющих материальные претензии к мексиканскому правительству за

[207] Foreign Relations of the United States. Volume III, 1930. P. 462.

[208] Foreign Relations of the United States. Volume III, 1930. P. 463.

счет преференциального отношения только к держателям мексиканских государственных облигаций[209]. Госдепартамент США подчеркивал, что «особенно заинтересован» в удовлетворении ущерба граждан США в рамках совместной американо-мексиканской комиссии (продление срока деятельности которой на два года США выбили из Мексики в 1929 году в качестве платы за поддержку Кальеса в ходе мятежа Эскобара). Соглашение 1930 года может привести к тому, что «помешает» аллокации финансовых ресурсов для этой категории лиц. В этом случае госдепартамент не будет соблюдать положений соглашения Монтес де Ока – Ламонт.

Морроу продолжал давить на Ортиса Рубио с тем, чтобы тот не вносил на ратификацию в Конгресс соглашение от 25 июля 1930 года без его соответствующей доработки. Деятельность Морроу привела к тому, что мексиканский посол в США Тельес на беседе с заместителем госсекретаря Коттоном 5 ноября 1930 года фактически выразил протест против вмешательства США во внутренние дела Мексики[210]. Ведь Мексика считала возмещение ущерба от аграрной реформы всем гражданам, а не только иностранцам, внутренним делом и противилась тому, чтобы этот вопрос был увязан с внешним долгом страны, как этого хотел Морроу.

В конечном итоге напористость Морроу сыграла с американцами дурную шутку. В январе 1931 года мексиканское правительство и Международный банковский комитет договорились отсрочить платежи по соглашению 1930 года на два года.

Дело в том, что с конца 1930 года мировой финансовый кризис уже перерос в экономический и из союзника Мексики превратился в опасного врага. Курс мексиканского серебряного песо (в этой валюте собирались таможенные пошлины, предназначавшиеся на уплату внешнего долга) непрерывно падал по отношению к обеспеченному золотом доллару США (именно в таких долларах путем конвертации в них серебряных песо и должны были осуществляться платежи по внешнему долгу), поскольку на мировых рынках снижалась стоимость самого серебра, в то время как цена на золото только росла.

Так, согласно курсу июля 1930 года при обмене серебряных песо на золотые для получения 12,5 миллиона (то есть для первого годового платежа по соглашению от 25 июля 1930 года) правительство Мексики теряло на конвертации 600–700 тысяч песо. В декабре 1930 года потери составили бы уже 2,5 миллиона.

К тому же Монтес де Ока жаловался Ламонту на растущую оппозицию в Конгрессе против любой выплаты долга иностранным кредиторам в сложную для Мексики эпоху мировых экономических потрясений. Его, Монтеса де Оку, и так величают в парламенте «марионеткой Уолл-Стрит»[211].

В 1932 году, на пике мирового экономического кризиса, Мексика приостановила обслуживание своего внешнего долга на неопределенный срок.

Поражение Морроу в его борьбе с Международным банковским комитетом стало его лебединой песней на посту посла США в Мексике. Он покинул страну, чтобы занять кресло в Сенате США.

3 октября 1930 года новым послом Америки в Мехико был назначен родившийся в 1871 году Джошуа Ройбен Кларк, мормон, не имевший нормального высшего образования.

---

[209] Foreign Relations of the United States. Volume III, 1930. P. 490–492.

[210] Foreign Relations of the United States. Volume III, 1930. P. 492–493.

[211] Новый посол США в Мексике Ройбен Кларк 2 декабря 1930 года, передавая в госдепартамент содержание своей беседы с мексиканским министром финансов, искренне полагал, что термин «марионетка Уолл-Стрит» используется мексиканцами просто по незнанию: они-де думают, что большинство владельцев облигаций мексиканского долга – американцы (а на самом деле это европейцы, не имеющие к Уолл-Стрит никакого отношения). Трудно представить, до какой степени надо было заблуждаться относительно настроя мексиканцев по отношению к США, чтобы делать такие наивные предположения.

Став адвокатом, Ройбен Кларк с 1910 года служил главным юристом госдепартамента и на этом посту отсудил у Китая 1 миллион долларов. О взглядах юриста Ройбена Кларка красноречиво свидетельствует название одной его работы того периода: «Меморандум о праве защищать граждан иностранных государств путем вторжения вооруженных сил». В 1928 году при республиканце Кулидже Кларк стал заместителем государственного секретаря и опубликовал на этом посту сочинение в защиту доктрины Монро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.